

В 74
213

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

**ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ
ЮЖНОГО УРАЛА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
БАШКИРСКИЙ ФИЛИАЛ
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ ИСТОРИИ,
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ
И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ
ЮЖНОГО УРАЛА

Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала:
Сборник научных трудов. Уфа: БФАН СССР, 1987. 140 с.

В сборнике помещены статьи, подводящие итоги археологических исследований на Южном Урале за последнее десятилетие. Рассматриваются достижения в области изучения целых эпох и периодов, а также отдельных археологических культур и проблем. Часть статей посвящена публикации и интерпретации материалов наиболее важных в научном отношении памятников, раскопанных в последние годы.

Книга рассчитана на археологов, этнографов, историков и всех интересующихся древней историей Южного Урала.

Табл. 8. Ил. 29.

П о д р е д а к ц и е й

А. Х. ПШЕНИЧНЮКА, В. А. ИВАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее десятилетие основное внимание археологов Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР было сосредоточено на разработке коллективной темы: «Древняя и средневековая история Южного Урала». Включению в план этой темы предшествовала большая работа по маршрутному обследованию, разведочным и стационарным раскопкам многочисленных памятников различных эпох как в северных лесных, так и в южных степных и лесостепных районах. Полученные материалы нашли выражение в многочисленных статьях, очерках, монографиях, в которых освещались различные аспекты древней истории и культуры края. Это прежде всего такие работы, как «Археологическая* карта Башкирии» (М., 1976), пять томов «Археологии и этнографии Башкирии» (Уфа, 1962—1973), монографии К. В. Сальникова «Очерки древней истории Южного Урала» (М., 1967), Н. А. Мажитова «Бахмутинская культура (М., 1968), В. С. Стоколоса «Культура населения эпохи бронзы Южного Урала» (М., 1972) и др.

Работа по выполнению темы велась как в плане продолжения и расширения полевых исследований, так и путем систематизации, анализа, обобщения и всесторонней интерпретации полученных материалов. За прошедшие 10 лет институтом было проведено около 40 экспедиций в районы Башкирской АССР, Оренбургской и Актыубинской областей. Открыто более 200 новых памятников, раскопкам подвергнуто около 70 памятников различных эпох. В течение этого периода ежегодно по 2—3 отряда снаряжали Башкирский госуниверситет и Башкирский госпединститут, с 1981 г. возобновила работу Южно-Уральская палеолитическая экспедиция (Ленинградское отделение Института археологии АН СССР), исследующая палеолитическую живопись пещеры Шульган-Таш (Каповой), самостоятельные экспедиции начал организовывать Башкирский краеведческий музей.

Большое внимание в этот период уделялось публикации результатов исследований. Подготовлено 6 тематических сборников: «Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала» (1981), «Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа» (1982), «Поселения и жилища древних племен Южного Урала» (1983), «Памятники кочевников Южного Урала» (1984), «Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья» (1985), «Археологические работы в низовьях Белой» (1986). 2 монографии опубликованы в издательстве «Наука»: А. Х. Пшеничнюк «Культура ранних кочевников Южного Урала» (1983) и В. А. Иванов «Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа» (1984).

Предлагаемый сборник является как бы заключительным в этой серии работ. Большая часть его статей посвящена подведению итогов исследований от-

дельных аспектов древней истории и культуры региона (Н. Г. Рутто, Б. Б. Агеев, А. С. Скрипкин, И. М. Акбулатов), археологических культур или периодов в целом (Н. Л. Моргунова, М. Ф. Обыденнов, В. А. Иванов и В. А. Кригер). В ряде статей публикуются новейшие материалы, позволяющие уточнить или же пересмотреть существующие точки зрения на те или иные вопросы древней и средневековой истории (статьи В. Е. Щелинского, А. Х. Пшеничнюка, Н. А. Мажитова).

Итоговый характер сборника, естественно, не означает, что поставленные вопросы получили окончательное решение. Это явствует и из названий ряда статей, и из их содержания (последнее, прежде всего, относится к статьям по средневековой тематике). Основное значение настоящего сборника, по мнению коллег, заключается в показе не только результатов, достигнутых за последнее десятилетие археологами региона в изучении и реконструкции древней и средневековой истории, но и проблем, решение которых требует от исследователей дальнейшего совершенствования поиска, как в количественном (расширение исследуемых территорий), так и в качественном (применение новых методов анализа) отношениях. Из содержания предлагаемого сборника очевидно, что археологическим материалом в настоящее время обеспечены практически все основные этапы древней и средневековой истории Южного Урала. Однако результаты анализа этого материала, имеющиеся на сегодняшний день, не менее очевидно показывают, что его информативность еще далеко не исчерпана. В дальнейшем исследователям региона предстоит большая и важная работа — извлекать максимум содержащейся в археологических источниках информации, используя для этого все достижения современной методики анализа.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕЩЕРЫ ШУЛЬГАН-ТАШ (КАПОВОЙ) НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Среди палеолитических памятников Южного Урала и сопредельных территорий пещера Шульган-Таш (Капова) занимает особое место. Это связано с тем, что до сих пор она остается единственным на территории Восточной и Центральной Европы археологическим памятником, где сохранилась наскальная пещерная живопись эпохи позднего палеолита.

Напомним, что пещера эта находится в Бурзянском районе Башкирии в горной части, на правом берегу р. Белой. Она карстового типа, выработана в сильно дислоцированных известняках девонского и каменноугольного периодов. Вход в пещеру располагается на расстоянии 150 м от реки на высоте всего 7—8 м над ее уровнем. Пещера имеет два доступных этажа. Суммарная длина всех исследованных сейчас ходов в пещере составляет около 2 км.

По своей научной значимости пещера Шульган-Таш является многоплановым и специфическим археологическим объектом, отличающимся сложной структурой. По отношению к нему вполне применимо понятие природно-археологического комплекса, поскольку исключительно важный археологический материал здесь связан с пещерой, которая является примечательной уже сама по себе и в карстоведческом плане признана одной из крупнейших и интереснейших на Урале.

Однако пещера интересна прежде всего как археологический памятник и при этом весьма своеобразный. В отличие от многих других пещерных палеолитических памятников, на которых сохранились остатки первобытной материальной культуры, в ней первостепенное научное значение имеют проявления, в первую очередь, духовной культуры прошлого — произведения изобразительного творчества первобытного человека в виде наскальной пещерной палеолитической живописи, которая, как известно, была открыта А. В. Рюминым и исследовалась О. Н. Бадером¹. Она представляет собой сочетание разнообразных красочных изображений (реалистических рисунков ископаемых животных и символических знаков геометрического облика), выполненных охрой на стенах пещеры. Изображения в пределах пещеры имеют весьма широкое пространственное распространение.

В 1982 г. при содействии Института истории, языка и литературы БФАН СССР исследования в пещере были продолжены Юж-

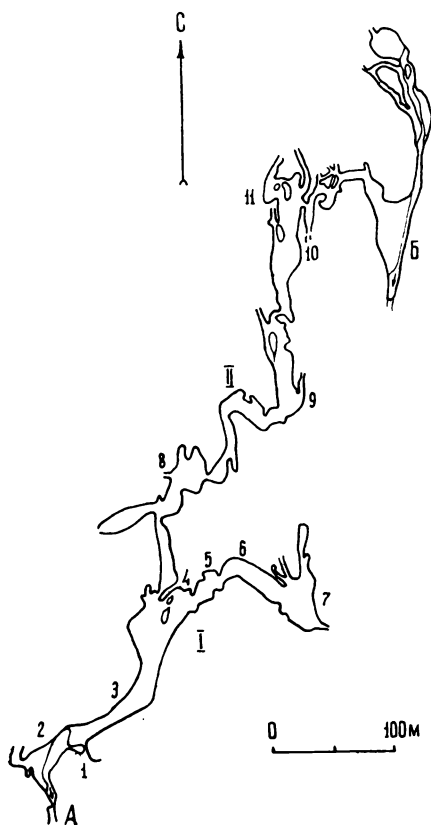

Рис. 1. План пещеры Шульган-Таш (по И. К. Кудряшовой и Е. Д. Богдановичу. Некоторые изменения и дополнения В. Е. Щелинского и Ю. С. Ляхницкого).

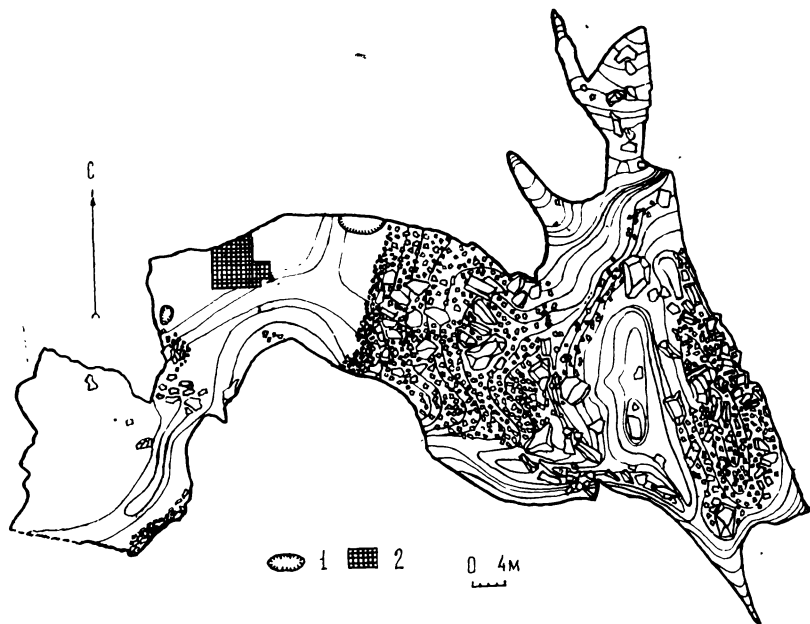
А, Б — речка Шульган, I — первый этаж, II — второй этаж.
1 — вход, 2 — привходовая часть, 3 — Главная галерея, 4 — Холл, 5 — Купольный зал, 6 — зал Знаков, 7 — зал Хаоса, 8 — зал Рисунков, 9 — Бриллиантовый зал, 10 — Радужный зал, 11 — Хрустальный зал.

некоторые изменения в наименование отдельных полостей пещеры (рис. 1). Работа по уточнению плана продолжается. Ставится задача отразить на нем помимо конфигурации полостей и этажности и геоморфологические уровни более низкого порядка. Выявление их представляется особенно необходимым для увязки этапов формирования пещеры с образованием береговых террас р. Белой. К сожалению, надежных данных по геоморфологии как самой пещеры, так и речных террас в окрестностях ее совершенно недостаточно.

Вследствие этого остается неясным и возраст пещеры. О нем

но-Уральской комплексной спелеолого-палеолитической экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством автора настоящей статьи и проводятся по настоящее время. За три полевых сезона удалось получить новые данные, сделать интересные наблюдения. Коротко остановимся на некоторых из них.

При изучении такого археологического памятника, как пещера Шульган-Таш, перво-степенной задачей является составление подробного плана. Составить его пытались многие спелеологи. Особенно велика заслуга в этом деле карстово-спелеологической экспедиции кафедры геологии и геоморфологии Башкирского государственного университета, возглавляемой Е. Д. Богдановичем и И. К. Кудряшовым, которой впервые удалось выполнить серию вертикальных разрезов и профилей и составить несколько детальных планов практически всей пещеры². Это лучшие на сегодняшний день планы. И один из них — трансформированный план масштаба 1 : 100, составленный И. К. Кудряшовым и Е. Д. Богдановичем в 1980 г., — мы считаем возможным использовать в нашей работе, внося

Р и с. 2. План залов первого этажа пещеры.

1 — раскопы О. Н. Бадера, 2 — раскоп 1982—1984 гг.

впервые высказался Г. В. Вахрушев. По его мнению, пещера имеет верхнеплейстоценовый возраст. Причем формирование ее первого этажа происходило одновременно с накоплением аллювия I надпойменной террасы р. Белой. Осушение же этого этажа произошло во время последнего понижения базиса эрозии местных рек, где-то в 12—3 тыс. до н. э.³ Другой точки зрения придерживается В. Л. Яхимович, обследовавшая окрестности пещеры и использовавшая в своих построениях нивелировочные данные экспедиции Башкирского университета. По ее мнению, оба этажа пещеры древнее верхнего плейстоцена. Что касается изменений уровня р. Белой в течение плейстоцена, то они могли отразиться лишь в выработке небольшого уступа в полу первого этажа в глубине пещеры, несомненно древнее голоценовой I надпойменной террасы р. Белой.

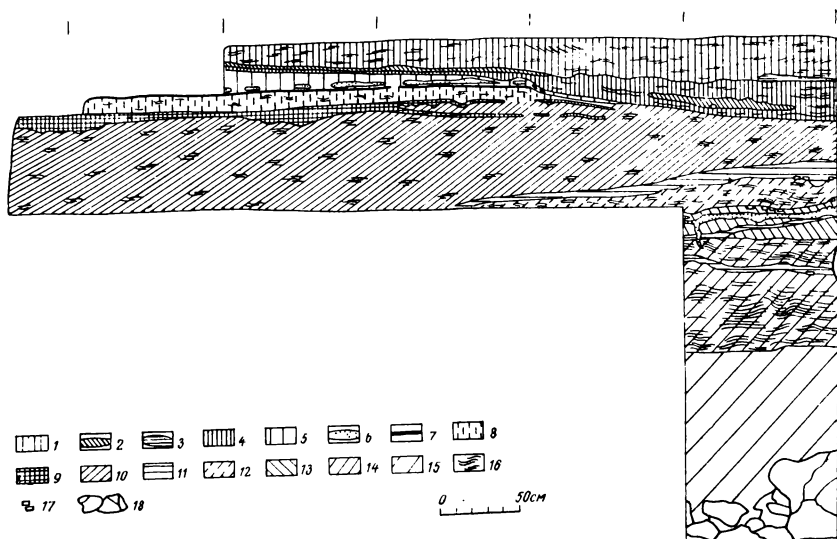
Важное значение для датировки археологического комплекса пещеры имеет геологическое и археологическое изучение отдельных галерей и залов, сначала независимо от решения вопроса о возрасте пещеры в целом. Разумеется, в первую очередь должны исследоваться залы, содержащие настенные красочные рисунки палеолитического человека. Таких залов в пещере четыре: Купольный, зал Знаков, зал Хаоса — на первом этаже и зал Рисунков — на втором (рис. 2).

Совершенно очевидно, что и уточнение возраста, и особенно выяснение культурной принадлежности настенных красочных ри-

сунков, немыслимо без изучения в них рыхлых отложений. Небольшие работы в этом отношении уже были предприняты в начале 60-х годов О. Н. Бадером совместно с уральскими геологами В. А. Лидером и А. Г. Цибулькиным⁴. К сожалению, результаты этих работ не нашли отражения в печати. Мало сведений о них и в полевых отчетах. О. Н. Бадер проводил раскопки в пещере непосредственно под красочными изображениями⁵. В частности, на первом этаже пещеры в зале, названном нами залом Знаков, исследователем были заложены два раскопа. В восточном из них, примыкающем к северной стене зала, площадью около 9 кв. м и доведенном до глубины 1,85 м, была пройдена толща водных глинистых отложений с линзами песка, содержащих единичные находки (разрез приведен в отчете схематично и неполно). Как отмечал О. Н. Бадер, в этом раскопе на разных уровнях вплоть до дна раскопа были встречены следы углей и саж, мелкие осколки костей, кусок древесной коры и лопатка животного (неизвестно какого), окрашенная в темный цвет. Во втором раскопе площадью $2 \times 1,5$ м, расположенном в западном конце зала, под поверхностной известковой коркой толщиной около 5 см, на глубине 33 см, между камнями, были прослежены «следы двух кострищ в виде скопления угольков» (разрезов этого раскопа нет). Одно из скоплений угля залегало слоем толщиной 2 см, шириной 7 см и длиной 35 см. Толщина другого скопления достигала 5 см, а площадь 52×12 см. Обнаруженные в раскопках уголь и кости О. Н. Бадер связывал с эпизодическим приходом человека для отправления ритуальных действий, хотя никак это не доказывал.

Интересные данные приводит исследователь об отложениях и находках под рисунками западной стены в зале Рисунков на втором этаже пещеры. Здесь в самой кровле 3-метровой толщи желтой глины были обнаружены отдельные угольки и тонкие известковые плитки, обкапанные с одной стороны красной краской, идентичной краске на рисунках (к сожалению, описание этих плиток отсутствует). Скудные находки перекрывались 5-сантиметровой натечной известняковой коркой, залегавшей практически на поверхности. Угли и плитки О. А. Бадер относил к палеолиту.

Наши раскопки в пещере явились продолжением раскопок О. Н. Бадера. Мы начали их на первом же этаже в зале Знаков сначала разведочным шурфом, затем раскопом. Раскоп был заложен поблизости от мест прежних раскопок у северной стены зала, но не под рисунками, где отложения, как оказалось, размыты и перетолжены (в зале протекает подземная речка), а на ровной возвышающейся над руслом речки площадке без следов современного размыва (см. рис. 2). Раскопки показали, что именно на этом сравнительно небольшом участке сохранилась наиболее полная колонка пещерных отложений мощностью около 3,5 м и в них впервые для пещеры удалось обнаружить настоящий культурный слой позднепалеолитической эпохи. Тем самым опровергается существующее мнение об отсутствии культурного слоя в пещере⁶.

Р и с. 3. Разрез раскопа.

1 — суглинок коричнево-серый, слоистый, 2 — суглинок буровато-коричневый, 3 — глина сизо-серая, 4 — суглинок серый, слоистый, 5 — суглинок коричневатый с сероватым оттенком, слоистый, 6 — светлый песок, 7 — сажисто-охристая прослойка, 8 — суглинок коричнево-серый, слоистый, 9 — культурный слой позднего палеолита, 10 — суглинок светло-коричневый, слоистый, 11 — глина буровато-коричневая, 12 — суглинок желтовато-коричневый, слоистый, 13 — суглинок коричневый, слоистый, 14 — суглинок коричневый с буроватым оттенком, слоистый, 15 — суглинок коричневый, неслоистый, 16 — слоистость, 17 — фрагменты кальцитовых корочек, 18 — глыбы известняка.

Стратиграфия отложений, вскрытых раскопом (рис. 3), следующая (сверху вниз):

Мощность, м

1. Суглинок коричнево-серый, тяжелый, глинистый, тонкослоистый. Толщина слоя увеличивается с запада на восток и к югу по направлению к центру зала. Контакт с нижележащим слоем отчетливый 0,1—0,2

2. Прослойка буровато-коричневого суглинка, неслоистого. Прослеживается не повсеместно. На верхнем контакте видна разорванная корочка кальцитового натека. Нижний контакт отчетливый 0,02—0,05

3. Прослойка сизо-серой плотной глины. Представлена только на восточной стенке раскопа. Нижний контакт отчетливый 0,05

4. Суглинок серый, тяжелый, глинистый, тонкослоистый, сходен со слоем I, но более темный. На северной стенке толщина слоя незначительная, здесь он выклинивается; на восточной — резко воз-

- растает. В интервале 0,1—0,18 м от кровли включает линзу буровато-коричневого суглинка, аналогичного прослойке 2. Переход к нижележащему слою отчетливый 0,02—0,3
5. Суглинок коричневый с сероватым оттенком, тяжелый глинистый, тонкослоистый. В основании включает тонкую прослойку светлого отмытого песка. Представлен на северной стенке. За восточной утончается и выклинивается. Нижний контакт отчетливый 0,02—0,17
6. Суглинок коричневато-серый, во многом сходен с вышележащим. На восточной стенке размыт. В кровле слоя видны две совмещенные очень тонкие прослойки, интенсивно окрашенные, одна — черным сажистым, другая — красно-коричневым окристым веществом. Прослойки естественного происхождения. Контакт с нижележащим слоем отчетливый 0,02—0,13
7. Суглинок светло-коричневый, местами с ржавыми пятнами и разводами ожелезненности, тонкослоистый. Толщина слоя заметно больше на северной и меньше — на восточной стенке. Поверх этого литологического слоя залегает культурный слой позднего палеолита. Последний хорошо виден на северной стенке, на восточной — он размыт. Контакт с нижележащим слоем отчетливый (видимый). 0,6
8. Прослойка буровато-коричневой глины. Представлена на восточной стенке, увеличивается в мощности в южном направлении. Нижний контакт отчетливый 0,02—0,18
9. Суглинок желтовато-коричневый, тяжелый, глинистый, тонкослоистый. В кровле местами сохраняется корочка кальцитового натека. Нижний контакт отчетливый 0,1—0,2
10. Суглинок коричневый, тяжелый, глинистый, слоистый. В кровле с тонкой разорванной корочкой натечного кальцита. В интервале 0,02—0,05 м от кровли включает прослойку белого песка, а в интервале 0,08—0,17 м — прослойку желтовато-коричневой ожелезненной глины. В слое имеются вертикальные трещины, заполненные песком и вклинивающиеся в нижележащий слой. Контакт с подстилающим слоем отчетливый 0,15—0,3
11. Суглинок коричневый с буроватым оттенком, тяжелый, глинистый, слоистый. В верхней половине слоя прослеживается прослойка глины. Контакт с нижележащим слоем отчетливый 0,8
12. Суглинок коричневый тяжелый, без ясно выраженной слоистости, с редкой крошкой каль-

цита и единичными вкраплениями углистого вещества. Нижний контакт отчетливый

0,7—1

13. Крупные глыбы известняка

0,5

Как видим, отложения, выявленные раскопом, оказались хорошо стратифицированными, а сохранившийся в них культурный слой позднего палеолита ясно свидетельствует о верхнеплейстоценовом возрасте большей части этих отложений. Надо также отметить, что литологические различия слоев позволяют говорить о неоднократных изменениях условий осадконакопления в пещере. Преобладают в разрезе отложения озерно-аллювиального происхождения, отличающиеся глинистостью, ясной тонкой слоистостью и четкими контактами, обусловленными частыми размывами. Эти определенно водные отложения перемежаются, однако, с отложениями явно иного генезиса. Речь идет о прослойках и слоях суглинков неслоистых, мелкооскольчатой структуры, сформировавшихся, очевидно, в других условиях, когда полость пещеры освобождалась от стоячей и проточной воды. Показательно, что на контактах ряда слоев прослеживаются корочки кальцитового натечка. Надо сказать, что эти натечные карбонатные корочки, как и другие литологические подразделения, имеют большое стратиграфическое значение. Можно надеяться, что в дальнейшем удастся сопоставить натечные корочки в разрезе отложений с теми натечками кальцита, которые кое-где перекрывают красочные изображения на стенах пещеры.

Значительная мощность и стратиграфическая насыщенность разреза позволяют рассматривать его в качестве опорного для пещеры. Из него взяты образцы на химический, палинологический и палеомагнитный анализы. Результаты этих анализов позволяют более обоснованно судить о палеогеографической обстановке накопления и геологическом возрасте обнаруженного в раскопе культурного слоя. Пока лишь можно утверждать, что культурный слой сформировался в один из тех периодов позднего вюрма, когда пещера была относительно сухой и пригодной для жизни палеолитического человека. По древесному углю из культурного слоя получена первая дата: 14680 ± 150 (ЛЕ-2443).

Культурный слой залегает на глубине около 0,5 м от поверхности в кровле слоистого светло-коричневого суглинка (см. 7 литологический слой описанного разреза) и хорошо выделяется окрашенностью в серый и темно-серый цвет (см. рис. 3). Толщина его колеблется от 2—3 см (на размытых окраинных участках) до 10—12 см. Верхняя граница слоя выражена особенно четко, ибо повсеместно слой перекрывается (как бы запечатан) более светлым суглинком водного происхождения. Нижняя граница слоя тоже в основном прослеживается, хотя и менее отчетливо по сравнению с верхней. Культурный слой представляет собой неоднородно окрашенный серый и темно-серый суглинок, местами красноватый от рассеянной охры и повсеместно весьма насыщенный древесными угольками. В суглинке много дресвы, мелких обломков натечного кальцита, остроугольной щебенки и местами глыб известняка.

В культурном слое на вскрытой площади (35 кв. м) не встречено каких-либо сооружений. Вместе с тем зафиксировано крупное пятно обожженного суглинки диаметром около 1 м, приуроченное к естественной западине древней поверхности пола, свидетельствующее о существовании на стоянке крупного открытого очага. Культурные остатки располагались как у этого очага, так и в отдалении от него. Среди них каменные изделия, кусочки охры, кости животных. В целом культурных остатков сравнительно немного, но они весьма показательны.

Среди немногочисленных остеологических находок, по определению И. А. Кузьминой, представлены кости плейстоценовых животных: пещерного медведя, зайца, лисицы, копытного лемминга. Нельзя не отметить, что присутствие последнего в культурном слое особенно важно, так как указывает на холодные перегляциальные условия в окрестностях пещеры во время накопления культурного слоя. Крупные кости разбиты, некоторые из них обожжены.

Каменный инвентарь культурного слоя представлен 54 предметами: сколы-заготовки со вторичной обработкой и без нее — 29 экз., первичные сколы — 4 экз., мельчайшие сколы и чешуйки — 20 экз., обработанная галька — 1 экз. Изделия изготовлены из разных пород камня, но более половины их (29 экз.) из кремня. Отбирался кремень хорошего качества, хотя и разных цветов и оттенков. В коллекции имеются изделия из кремня серых тонов (12 экз.), зелено-коричневого яшмовидного (8 экз.), полосатого, светло-серых тонов (5 экз.), коричневатого-серого (3 экз.) и черного кремня (1 экз.). Судя по характеру сохранившейся на некоторых сколах корки, можно заключить, что заготовки, представленные в коллекции, скалывались с нуклеусов, приготовленных из слабо оглаженных кусков породы, но не галек. Это косвенно может свидетельствовать об использовании палеолитическими обитателями пещеры не местного, а приносного кремневого сырья. Примечательно в этой связи отсутствие в инвентаре стоянки нуклеусов. Вторую сравнительно многочисленную группу образуют сколы из местного известняка (19 экз.). Правда, заготовок среди них всего 9 экз., причем последние, за исключением I пластинки, представляют собой мелкие невзрачные отщепы. Остальные известняковые сколы — мельчайшие отщепы и чешуйки, являющиеся отходами обработки камня. 4 изделия в коллекции изготовлены из песчаника, причем, совершенно очевидно, обрабатывались местные речные гальки. Обращают на себя внимание пластина из горного хрусталя и маленький отщеп из беловатого кварцита.

Как видно из таблицы, в целом в комплексе преобладают мелкие (2—4 см) сколы-заготовки (58,6%), два фрагментированных скола — меньше 2 см. Вместе с тем выделяется также группа сколов более крупных (34,5%).

Основной категорией сколов-заготовок являются пластины (рис. 4, 4—9, 11). Их 15 экз. Пластины из грубого известнякового и песчаникового сырья нет. Имеются пластины как мелких, так и средних размеров, причем последних несколько больше. Длина

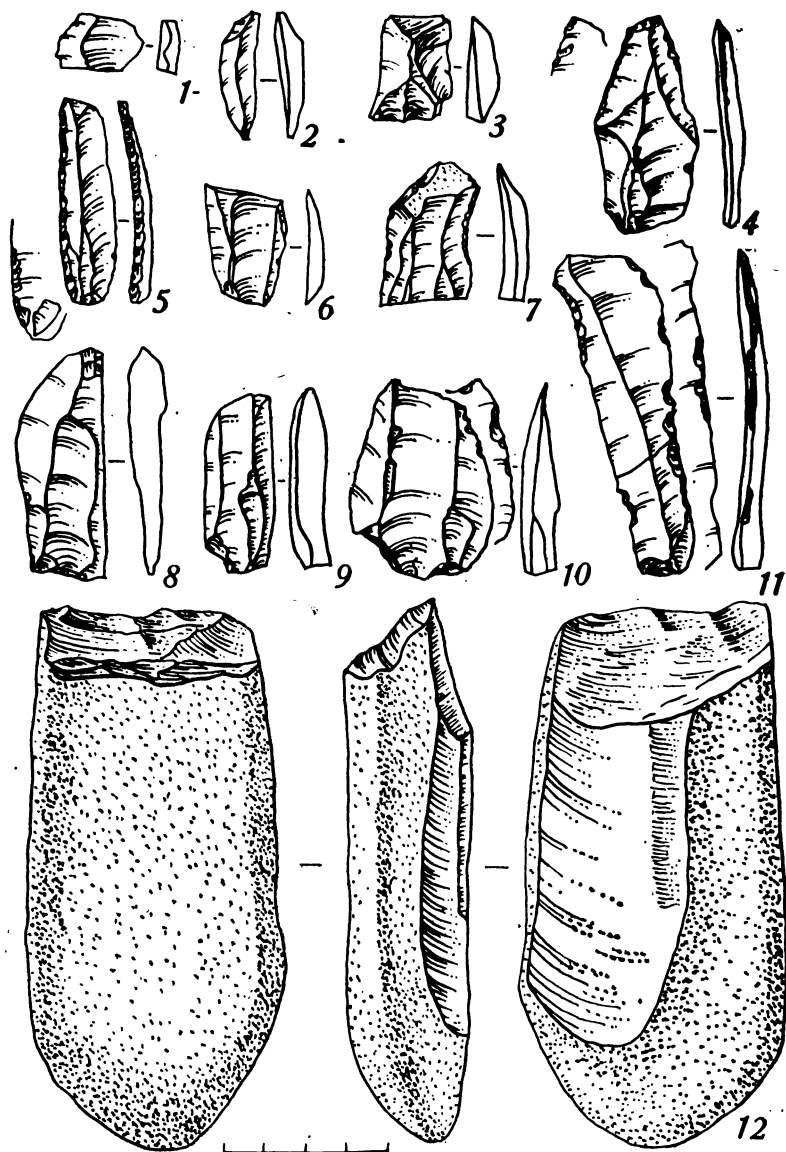
Сколы-заготовки	Длина, см						Количество
	15—10	10—8	8—6	6—4	4—2	<2	
Пластины	1		3	5	6		15
Отщепы				1	9	2	12
Пластинки					2		2
Всего	1		3	6	17	2	29

одной пластины — 10,4 см. Правильные пластины единичны, уплощенных двух-трехгранных экземпляров довольно много. У большинства изделий края не параллельные, извилистые. Некоторые пластины фрагментированы, очевидно, не преднамеренно.

Отщепы (12 экз.) преимущественно мелкие, неправильной формы (см. рис. 4, 1, 3, 10), 8 из них являются грубыми известняковыми отщепами. Пластинок всего две. Лучше выражена кремневая пластинка (она обожжена), другая же, известняковая, имеет случайный облик (см. рис. 4, 2).

Каменных орудий со вторичной обработкой в коллекции 4 экз. Они относятся к разным категориям и имеют вполне выработанную форму. Интересно, в частности, острие (см. рис. 4, 4). Оно средних размеров ($5,2 \times 2,4 \times 0,5$ см), изготовлено из широкой кремневой пластины. Верхний конец орудия скошен коротким диагональным усечением с помощью мелкой притупляющей ретуши. Продольные края обработаны мелкой же, но частичной, несистематической, заостряющей ретушью, напоминающей следы изнашивания орудия от использования в работе. Столь же четкие типологические признаки имеет другое орудие — кремневая пластина с притупленным краем (см. рис. 4, 5), размером $5 \times 1,5 \times 0,5$ см. Хорошо выраженная спинка орудия оформлена на левом крае заготовки вертикальной чешуйчатой и субпараллельной ретушью. Противоположный край лишь слегка подправлен ретушью со стороны брюшка вблизи ударной площадки пластины. По-своему примечательно орудие в виде обыкновенной кремневой пластины с ретушью на обоих краях (см. рис. 4, 11). Это одна из длинных пластин ($7,8 \times 2,1 \times 0,6$ см). Ретушь на ней мелкая, несистематическая, частичная и, скорее всего, является следами изнашивания от работы пластиной. Наконец, последнее орудие в коллекции — галечное орудие типа чоппинга (см. рис. 4, 12). Оно крупное, удлинённых пропорций, уплощенное. Рабочий край орудия подготовлен на узком конце гальки и имеет слегка вогнутые очертания. Прием оформления его довольно архаичен. Сначала край и значительная часть одной стороны гальки были уплощены крупными сколами. Затем этот край был окончательно оформлен отбивкой и ретушью с противоположной стороны заготовки.

Таковы технико-типологические характеристики каменного инвентаря культурного слоя пещеры Шульган-Таш. Первое, что обращает на себя внимание, это своеобразный состав данного инвен-

Р и с. 4. Каменные изделия из культурного слоя.

таря, характерный для кратковременных стоянок палеолитических охотников. Типология изделий комплекса также весьма специфична и пока не находит аналогий. Это обстоятельство позволяет высказать предположение, что перед нами памятник новой позднепалеолитической культуры, не известной ранее на Урале.

Естественно возникает вопрос о связи обнаруженного культурного слоя с наскальными рисунками пещеры. Наши раскопки доставили принципиально важную информацию для решения этого вопроса. Выше уже отмечалось, что в культурном слое было найдено значительное количество охры. Как оказалось, она не отличается по цвету от охры настенных рисунков. Однако особую значимость для синхронизации настенной живописи с культурным слоем имеет другая находка. Речь идет о найденной в культурном слое глыбе известняка с небольшим (примерно, 15×15 см) красочным изображением, выполненным той же самой охрой. Изображение напоминает некоторые символические знаки, имеющиеся на стенах пещеры, в частности, в непосредственной близости от раскопа. Приведенные факты ясно указывают на то, что выявленный культурный слой одновременен во всяком случае какой-то части наскальных изображений пещеры.

Новые данные исследований позволяют сейчас несколько иначе подойти к рассмотрению и самих наскальных рисунков в пещере. Не касаясь здесь специальных исследований рисунков, ибо это особая тема, отметим главное. Так, нами была сделана попытка выявить среди рисунков и систематизировать так называемые символические знаки геометрического облика в виде усложненных треугольных, четырехугольных и трапециевидных фигур. Раньше этот тип изображений мало привлекал внимание исследователей. Выяснилось, что наиболее характерными формами символических изображений пещеры являются прежде всего разнообразные трапециевидные знаки.

Поскольку различные красочные изображения располагаются на обоих этажах и в разных залах пещеры, естественно, не может быть уверенности в том, что все изображения одновременные. Можно даже предположить, что они образуют определенную хронологическую последовательность, сохраняя при этом ряд общих стилистических черт. Чтобы как-то приблизиться к установлению точной хронологии живописи, понять ее содержание и смысл размещения в разных местах пещерного пространства, мы попытались также проследить в пещере все достаточно видимые на сегодняшний день рисунки, сделанные охрой, и нанести их в одном масштабе на специальные планы. Интересно, что даже одно это позволило констатировать наличие в пещере отдельных группировок рисунков, различающихся по сюжетам и стилистическим особенностям исполнения фигур. Например, весьма примечателен факт, что среди изображений на первом этаже пещеры довольно много мелких символических знаков геометрических очертаний при отсутствии изображений мамонта, характерных для второго этажа. Возможно, это как раз и свидетельствует о том, что рисунки первого этажа

являются несколько более молодыми по сравнению с рисунками второго этажа пещеры. Вместе с тем вполне вероятен и другой вариант объяснений. Нельзя исключить, что все или большинство рисунков пещеры относятся все же к одному времени, а расположение их в тех или иных местах пещеры было преднамеренным и для палеолитических людей имело какой-то особый смысл. Вопросы эти, безусловно, сложны и пока не решаются однозначно. К сожалению, среди изображений до сих пор не удается обнаружить так называемые палимпсесты (старые рисунки, перекрытые новыми), которые могли бы существенно помочь в изучении хронологии живописи пещеры Шульган-Таш.

В заключение остановимся еще на одной проблеме. Как известно, пещера является не только уникальным памятником, важным для науки. В недалеком будущем она должна быть превращена в природно-археологический музей, открытый, хотя и в ограниченной мере, для посетителей. Это обстоятельство обусловило дополнительные аспекты исследований, проводимых в пещере. В частности, потребовалось детальное изучение микроклимата и гидрологии пещеры. Некоторые наблюдения в этом плане уже сделаны. Дальнейшее накопление и обобщение данных по температурному режиму, воздухообмену и о вероятных источниках обводнения пещеры даст возможность выработать обоснованные рекомендации для благоустройства и, в первую очередь, для ликвидации избыточной сырости на стенах, которая в настоящее время больше всего препятствует реставрации и консервации настенных красочных изображений в пещере.

¹ Бадер О. Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965; *Он же*. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // ВАН, 1981. Вып. 15. С. 44—45.

² Богданович Е. Д., Кудряшов И. К. Об этажности строения Каповой пещеры // СА, 1966, № 4. С. 152.

³ Вахрушев Г. В. Загадки Каповой пещеры (Шулган). Уфа, 1960. С. 25.

⁴ Бадер О. Н. Памятники палеолита на Южном Урале и их стратиграфическое значение // Антропоген Южного Урала. М., 1965. С. 243.

⁵ Бадер О. Н. Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1962 году // Архив ИА АН СССР, р-1, № 2515.

⁶ Формозов А. А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966. С. 31.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ НЕОЛИТА И ЭНЕОЛИТА В ЮЖНОЙ ЗОНЕ ЛЕСОСТЕПЕЙ ПРИУРАЛЬЯ

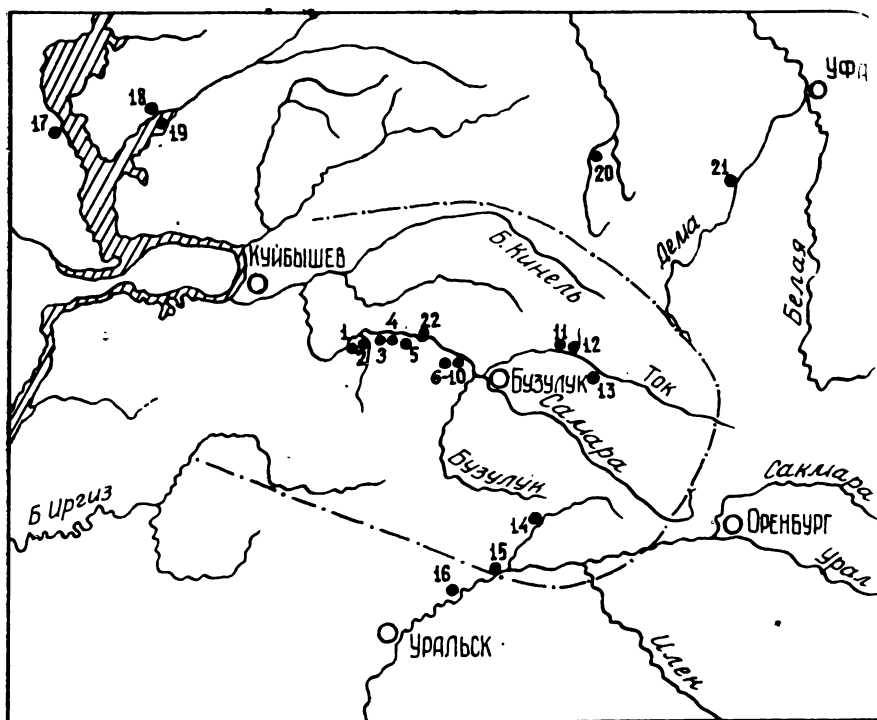
До недавнего времени памятники эпохи неолита и энеолита в лесостепной части Приуралья и Поволжья были малоизвестны. Лишь в последние два десятилетия сначала Средневожская экспедиция под руководством Г. И. Матвеевой и И. Б. Васильева, а затем Оренбургская экспедиция под руководством автора приступили к целенаправленным поискам и изучению памятников каменного века в бассейне р. Самары. Важным событием явилось открытие могильника у с. Съезжее, ставшего эталоном для выделения своеобразной самарской культуры эпохи энеолита¹. Значительные материалы были получены в результате исследований серии стоянок у с. Елшанка в Бузулукском районе Оренбургской области². Эти работы позволили сделать первую классификацию материалов неолита и энеолита, отметить их своеобразие в сравнении с соседними культурами. Последовавшие за этим исследования Виловатовской стоянки в Богатовском районе Куйбышевской области подтвердили предварительную типологическую классификацию материалов в бассейне р. Самары и во многом ее дополнили. Впервые был поставлен вопрос о выделении самостоятельных неолитической и энеолитической культур в лесостепной зоне Заволжья и Приуралья, отличных от волго-камских³.

В 70-е годы в бассейне Самары была открыта и исследована целая серия неолитических и энеолитических памятников, что явилось решающим в создании культурной и хронологической схемы исторического процесса в лесостепном Заволжье и южном Приуралье⁴. Полученные материалы как погребального, так и в основном поселенческого характера позволили выделить здесь своеобразную неолитическую культуру, которую предложено именовать волго-уральской, явившейся основой для формирования самарской энеолитической культуры.

Памятники волго-уральской культуры расположены по берегам р. Самары и ее притоков, что соответствует южной окраине лесостепи междуречья Волги и Урала (рис. 1). В развитии культуры выделяется три этапа⁵.

Материалы раннего этапа, впервые полученные на II Старо-Елшанской стоянке, в настоящее время широко представлены на многих памятниках. Они имеются в коллекциях с Виловатовской, II Максимовской, Малошиханской и других стоянок, но особенно

многочисленны на Ивановской стоянке, где залегают в нижнем слое поселения. Важно отметить наличие однослойных памятников — Максимовка II и Малый Шихан.

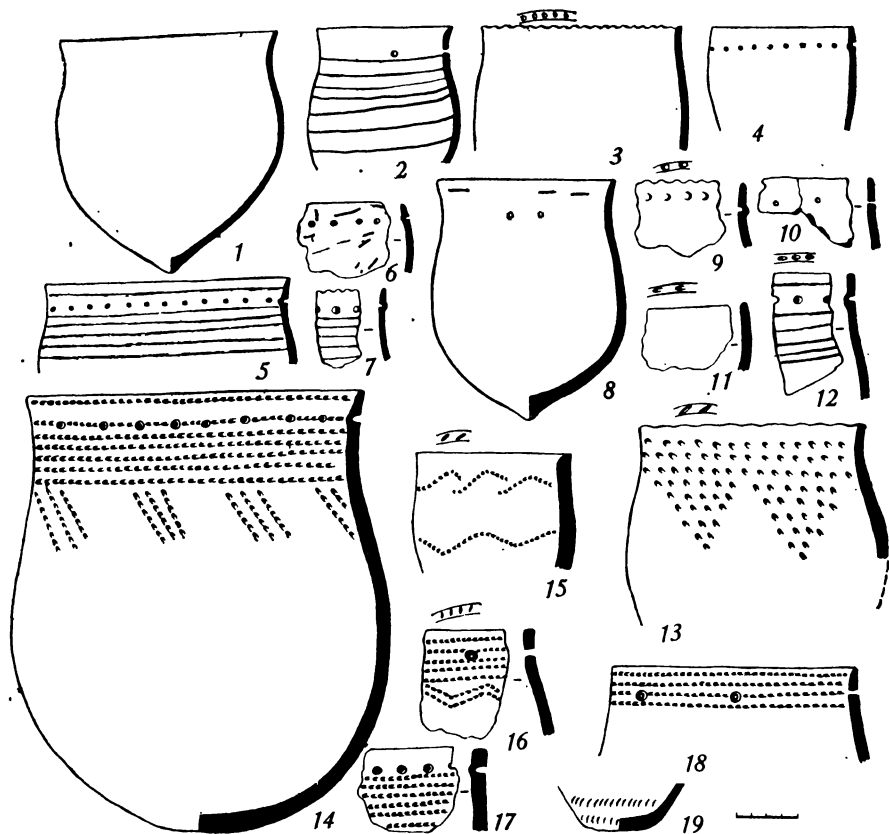

Р и с. 1. Карта неолитических и энеолитических памятников в бассейне р. Самары

1 — Максимовская I, 2 — Максимовская II, 3 — Дюна Большой Шихан, 4 — Дюна Малый Шихан, 5 — Вилатовская, 6 — Старо-Елшанская I, 7 — Старо-Елшанская II, 8 — Ново-Елшанская I, 9 — Ново-Елшанская II, 10 — Палимовское местонахождение, 11 — Старо-Токская, 12 — Ивановская, 13 — погребение у совхоза им. Пушкина, 14 — местонахождение у совхоза Магнитострой, 15 — Бородинское местонахождение, 16 — Рубежинские местонахождения, 17 — стоянка Луговое III, 18 — стоянки Лебяжье I и II, 19 — стоянки Мелекес III-V, 20 — Муллино, 21 — Давлекановская, 22 — Дюна Захар-Калма

Керамика раннеолитического этапа представлена двумя группами. В первую включены прямостенные и слабопрофилированные сосуды остродонные, изредка с шиповидным дном, неорнаментированные или украшенные прочерченным орнаментом, иногда разрезанными наколами (рис. 2, 1—13). Посуда изготовлялась из глины с примесью песка, мелкотолченого шамота или раковины. Размеры небольшие.

Вторая группа представлена сосудами с круглым или уплощенным дном, прямыми или слабопрофилированными стенками и с накольчато-прочерченным орнаментом (см. рис. 2, 14—19). В качестве примесей к глиняному тесту использовались песок, шамот, толченая раковина. Поверхность тщательно заглажена. Характерны

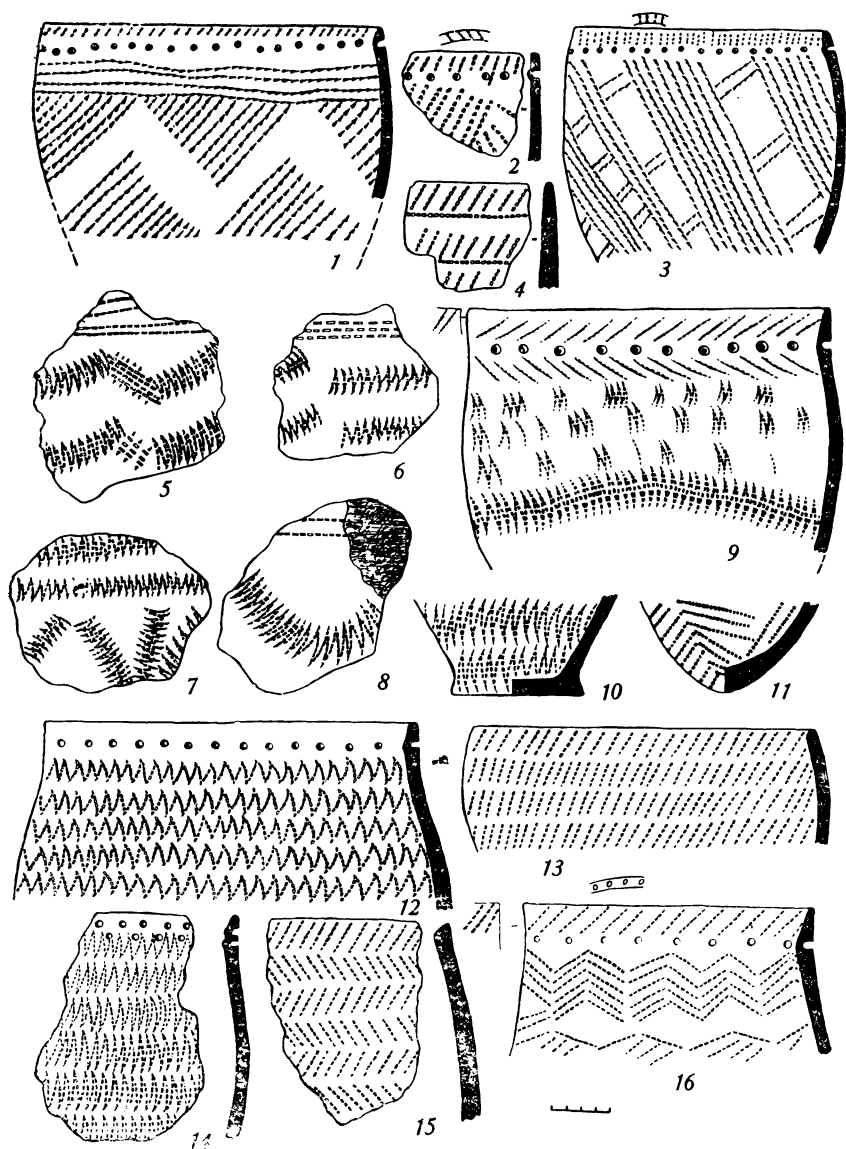
Р и с. 2. Керамика раннего этапа волго-уральской культуры.

1—4, 14—19 — Ивановская стоянка; 5—7 — Вилатовская стоянка; 8, 9, 11—12 Старо-Елшанская стоянка; 10 — Максимовская I, 12—13 — Максимовская II

орнаментация среза венчика и ряды ямок под ним. Орнамент наносился отступающей палочкой в виде горизонтальных и наклонных линий, зигзага, иногда заполненных треугольников.

Несомненна типологическая близость обеих групп керамики. Общими являются такие признаки, как состав глиняного теста, обработка поверхности лощением, форма сосудов, орнаментация среза венчика, ряды ямок и др. Имеющиеся различия носят, по-видимому, хронологический характер, но они не столь существенные и не выходят за рамки раннего этапа неолита. Данный вывод подтверждается стратиграфическими наблюдениями на Ивановской стоянке, где накольчатая керамика залегает несколько выше, чем керамика первой группы.

Развитой этап волго-уральской культуры намечается на керамических материалах Вилатовской стоянки, где выделено около 50 сосудов, орнаментированных сложными композициями узоров,

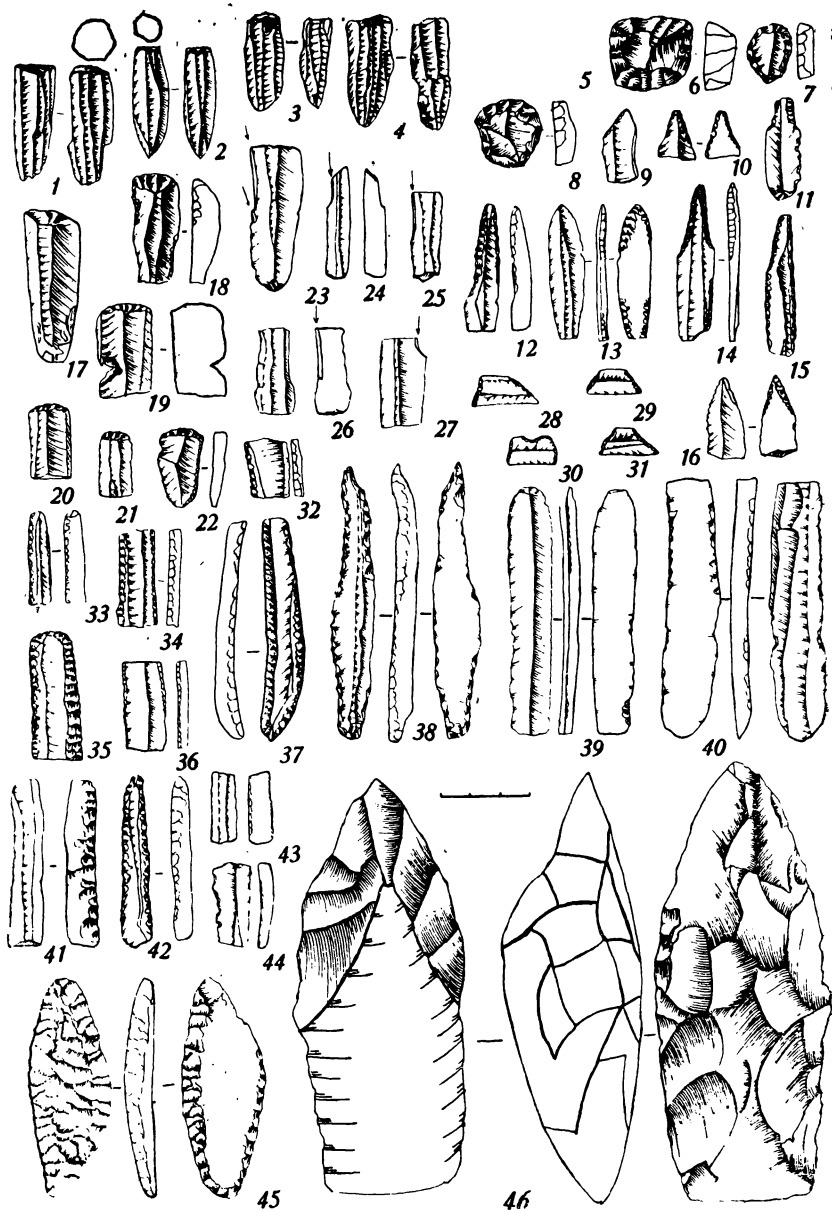
Р и с. 3. Керамика развитого и позднего этапов волго-уральской культуры.
1—3, 12—14 — Вилловатовская стоянка; 4—11, 15—16 — Ивановская стоянка.

несенных отступающей палочкой по всей поверхности сосудов, тогда в сочетании с гребенчатым штампом (рис. 3, 1—3). По форморула выделяются сосуды прямостенные, слабопрофилированные полуяйцевидные. Полностью восстановленных сосудов нет, поэтому форма днищ неизвестна. Поверхность сосудов тщательно глажена, часто покрывалась лощением. В тесте примесь песка, амота, иногда толченой раковины.

Поздний этап неолита выделен на Ивановской, Виловатовской, Старо-Елшанской, I Максимовской и ряде других стоянок. Кемика характеризуется толстостенностью, в качестве примесей оеобладает шамот, изредка встречается толченая раковина. Поухность гладкая, залощена. По форме венчика сосуды подразделяются на прямостенные и слабопрофилированные. Днища плоские, заостренные, круглые. Сосуды орнаментировались по всему лову и дну гребенчатым штампом. Применялись штампы разных размеров с длинным или квадратным зубцом. Орнаментальные композиции сводятся к четырем основным видам, встречающимся, ак правило, в сочетаниях друг с другом: вертикальный зигзаг, оризонтальные ряды линий, ряды наклонных отрезков штампа и комбинации «шагающей гребенки» (см. рис. 3, 4—16).

В керамике данной группы наблюдается ряд новых черт по сравнению с предшествующими (толстостенность, преобладание примеси шамота над раковинной, смена накольчатой орнаментации ребенчатой, разнообразие орнаментальных узоров). Но ряд признаков свидетельствует о сохранении прежних традиций (наличие двух ведущих форм — прямостенных и профилированных сосудов, лоские днища наряду с острыми, орнаментация среза венчика, яды ямок под ним, лощение поверхности и др.).

Анализ каменных изделий стоянок показал значительную роль пластинчатой индустрии на всем протяжении неолитического периода. Показательны материалы из неолитического слоя Ивановской тоянки, где насчитывается около 2000 изделий из камня. Они изготавливались преимущественно из кремня, очень редко из кварцита, яшмы и гальки. Помимо сколов, нуклеусов, отбойников и ретушеров, нуклевидных камней и крупных тесловидных орудий, две основные группы каменных предметов составляют пластины и отщепы, а также орудия из них. Количество отщепов достигает 31% от всей массы кремневых предметов, пластин — 20%. Из числа предметов, подвергавшихся вторичной обработке, пластины составляют 66%, отщепы и сколы — 34%. Из отщепов изготавлились скребки различных размеров (рис. 4, 5—8), в том числе миниатюрные скребочки с высокой спинкой, а также наконечники стрел листовидной формы с двухсторонней полой ретушью (см. рис. 4, 45). Из пластин наиболее многочисленны типы составяютечения пластин с ретушью и без нее (см. рис. 4, 33—44), концевые скребки (см. рис. 4, 17—22), резцы (см. рис. 4, 23—27), острия (см. рис. 4, 12, 15) и крупные ножевидные пластины — «ножи» (см. рис. 4, 38—40). В небольших количествах найдены пластины с боковыми выемками (см. рис. 4, 44), острия с плечиками (см.

Р и с. 4. Изделия из кремня волго-уральской культуры (Ивановская стоянка).

ис. 4, 11, 14), геометрические микролиты, в том числе одна «рогатая» трапеция (см. рис. 4, 28—31).

Пластинчатая техника изготовления каменных орудий характеризует и коллекцию Виловатовской стоянки, насчитывающую более 3000 предметов, но, к сожалению, не поддающуюся членению на хронологические комплексы, так как культурный слой памятника переотложен⁶. Каменный инвентарь остальных поселений алочисленен. Необходимо отметить следующие моменты. На стоянке Малый Шихан, где найдена только накольчатая керамика, 75% каменных изделий 58% составляют ножевидные пластины, все орудия изготовлены из пластин (концевые скребки, резцы, острия, 2 трапеции и сегмент)⁷. Геометрические микролиты (две трапеции, из них одна «рогатая») обнаружены на I Максимовской стоянке.

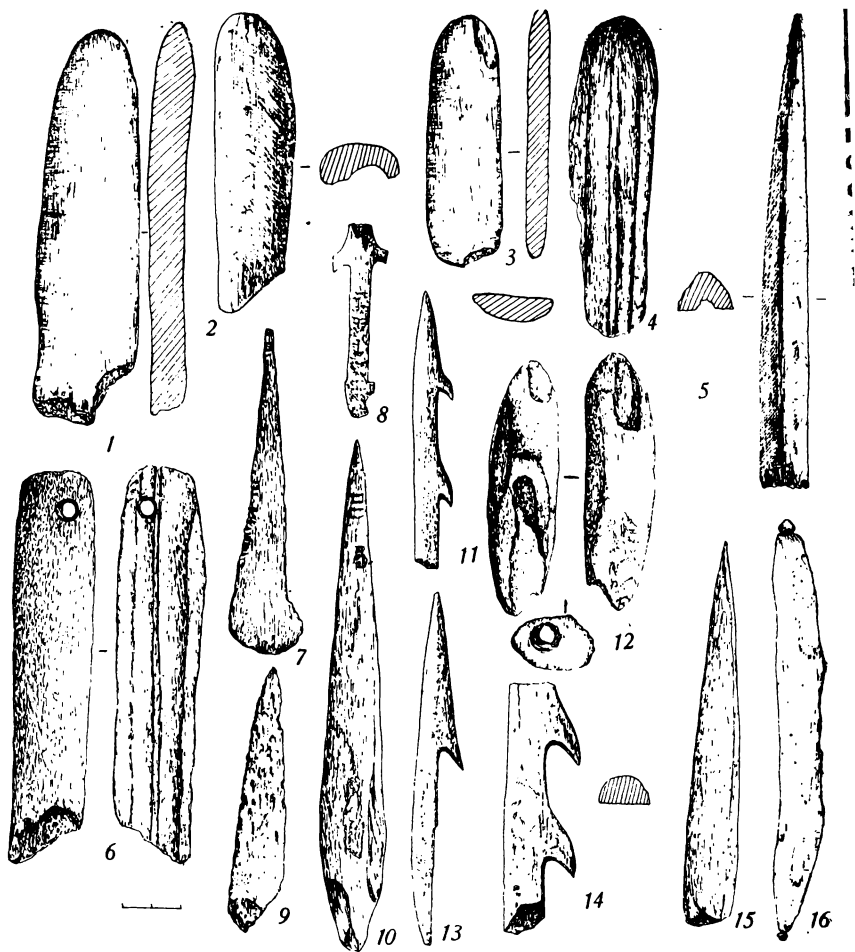
Своеобразие волго-уральской культуры заключается в обилии разнообразия орудий из кости: острия, гарпуны, долотовидные изделия (рис. 5, 1—4). В единичных экземплярах встречаются рыболовные грузила, рукоятки, пластины со сквозными отверстиями (см. рис. 5, 6), наконечники стрел.

В керамике, каменных и костяных изделиях нашли отражение контакты местного населения как с северными (лесными), так и южными (степными) культурами. Однако в целом развитие местной неолитической культуры проходило под решающим влиянием юга, и население лесостепного Заволжья и южного Приуралья ходило в ареал южных каспийско-причерноморских культур.

В период раннего неолита значительную роль сыграли среднеазиатские (каспийско-приаральские) и юго-западные (причерноморские) связи. Керамика первой группы находит прямые аналогии на памятниках дарьясайского типа в Средней Азии (стоянка Чаши 131 и др.)⁸. На территории Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия, где была распространена сероглазовская культура со своеобразной накольчатой посудой, аналогичная первой группе керамика неизвестна⁹. Далее на запад подобная керамика найдена в Нижнем Подонье¹⁰, а также на памятниках приазовской и сурско-днепровской культур¹¹.

Синхронизация раннего этапа волго-уральской культуры с ранне-неолитическими культурами южной зоны определяется не только керамикой, но и другими категориями находок. Со степными и лесостепными культурами Восточной Европы и Средней Азии каменную индустрию волго-уральской культуры сближает преобладание пластинчатой техники и наличие ряда общих форм изделий, в том числе геометрических микролитов. Костяные изделия также обнаруживают примерно тот же круг аналогий, что и керамика.

Таким образом, материалы, близкие волго-уральской культуре, достаточно широко распространены в раннем неолите от Приаралья до Днепра. Наибольшую близость памятники бассейна р. Самары обнаруживают с джебельско-дарьясайской, ракушечно-язовской, приазовской и сурско-днепровской культурами.

Р и с. 5. Костяные орудия волго-уральской культуры (Ивановская стоянка).

Однако следует отметить, что ряд признаков стадийного характера, таких как остродонность или разреженная орнаментация в верхней части сосудов, характерен на раннем этапе и для других неолитических культур Восточной Европы (среднедонской¹², днепродонецкой¹³ и др.).

Параллели ранним материалам в неолите Средней Азии, видимо, указывают на участие дарьясайско-джебельского населения в формировании волго-уральской культуры, хотя характер этого участия во многом остается неясным. Появление в бассейне р. Самары керамики, близкой дарьясайской, очевидно, является следствием заимствования местным населением идей керамического производства с юга или даже продвижения отдельных групп юж-

ного населения, вполне возможного в условиях начала распространения производящей экономики. Этот вывод подтверждают и находки «рогатых» и других трапечей на ряде самарских памятников, в мезолите здесь неизвестных. В то же время материалы единственной пока на данной территории Старо-Токской мезолитической стоянки указывают и на местную основу формирования волго-уральской культуры — все ведущие группы каменных изделий сохраняются в неолитический период (концевые скребки, резцы, острия) так же, как и костные орудия (острия, долотовидные).

Связи со Средней Азией, сыгравшие, видимо, на рубеже мезолита — неолита заметную роль в дальнейшем развитии местной культуры, на следующем этапе сохраняются, но значительно ослабевают. Уже керамика второй группы достаточно самобытна, и в других культурах южной зоны, в том числе среднеазиатских, прямых аналогий не находит. Лишь на поселении Ракушечный Яр и в наиболее ранних памятниках типа Чертовицкой стоянки на Среднем Дону имеются близкие по форме и орнаментации сосуды ¹⁴.

Накольчатая керамика волго-уральской культуры находит параллели в керамике раннего (по А. Х. Халикову ¹⁵) и развитого (по Р. С. Габышеву ¹⁶) этапов волго-камской культуры. Сходство наблюдается в формах сосудов, в некоторых орнаментальных композициях (горизонтальные ряды, зигзаги, ряды ямок под венчиком и др.). Но отличий гораздо больше, чем сходных черт: в глине прикамских сосудов нет примеси толченой раковины, как исключение встречаются профилированные сосуды, сложностью отличаются орнаментальные композиции, орнамент в основном наносился треугольной палочкой.

Сравнительный анализ свидетельствует, с одной стороны, о разнотипности волго-уральских и волго-камских накольчатых комплексов, с другой — о их одновременности. Некоторые черты сходства позволяют предполагать, что исходным пунктом появления в Прикамье населения с накольчатой керамикой являлись районы степной и южной лесостепной зоны Волго-Уральского междуречья. Но при этом необходимо учитывать и Подонье, особенно среднедонскую культуру, сходство накольчатых материалов которой с волго-камскими отмечалось А. Т. Синюком ¹⁷. Контакты волго-уральской культуры с неолитическим населением Прикамья, видимо, активизируются на развитом и заключительном этапах неолита, о чем свидетельствует распространение в обеих культурах близких орнаментальных композиций, выполненных гребенчатым штампом, появление в Прикамье профилированных сосудов и ряда других общих признаков в керамике. В целом же гребенчатая керамика позднего этапа волго-уральской культуры достаточно своеобразна и отлична от волго-камской неолитической культуры.

Вероятно, определенную роль в развитии волго-уральской культуры на заключительном этапе сыграли также связи с южным Зауральем, о чем говорят факты находок изделий из яшмы на самарских памятниках, одинаково широкое распространение гребен-

чатой техники орнаментации сосудов в позднем неолите обо
регионов. Но в целом восточнее р. Урал, видимо, начинается ин
круг культур, не связанных с зоной каспийско-причерноморской
влияний, что отмечалось уже исследователями ¹⁸.

Активизация связей с лесным населением, в частности с Пре
камьем, не ослабила традиционных взаимных контактов волго-
уральской культуры и Подонья. Ряд параллелей в позднелолит
ческих материалах среднедонской и волго-уральской культур сви
детельствует о сохранении донской линии связей населения лес
степного Заволжья и Приуралья как одной из основных. Неко
торые параллели наблюдаются в керамике волго-уральской кул
туры с позднелолитическими памятниками Поднепровья (верхни
слои стоянки Игрень 8 и др.), где наряду с накольчатой керам
кой имеется и гребенчатая ¹⁹. Близки также некоторые типы камен
ных и костяных изделий.

Таким образом, многообразие связей, из которых западно
направление выделяется как постоянное, определяло своеобраз
ный путь развития неолитической культуры лесостепного Заволжья
и южного Приуралья. В то же время местное население, перени
мая некоторые достижения в экономике и культуре у соседних
племен, на протяжении всей эпохи неолита развивалось вполне
самостоятельно, сохранив для всех этапов ряд общих традицион
ных черт в материальной культуре.

Определение хронологических рамок волго-уральской культу
ры затруднено отсутствием радиоуглеродных дат. Датировка ран
него этапа устанавливается по линии синхронизации с другими
раннелолитическими культурами юга СССР. Достаточно надеж
но выглядит хронология неолита Кызылкумов и Восточного При
каспия. А. В. Виноградов, основываясь на серии радиоуглеродных
дат для стоянки Учаси 131 и опираясь на хронологию неолита
Передней Азии, джабельско-дарьясайский этап датирует концом
VII—VI тыс. до н. э. ²⁰ Подобные датировки предложены для ниж
них слоев Ракушечного Яра ²¹, а также для ранних фаз приазов
ской и сурско-днепровской культур ²². Таким образом, ранний этап
волго-уральской культуры можно датировать в пределах VI тыс.
до н. э. Опираясь на дату раннего этапа, а также на дату, пред
ложенную И. Б. Васильевым для начала самарской энеолитиче
ской культуры ²³, хронологические рамки среднего и позднего эта
пов волго-уральской культуры определяются V тыс. до н. э.

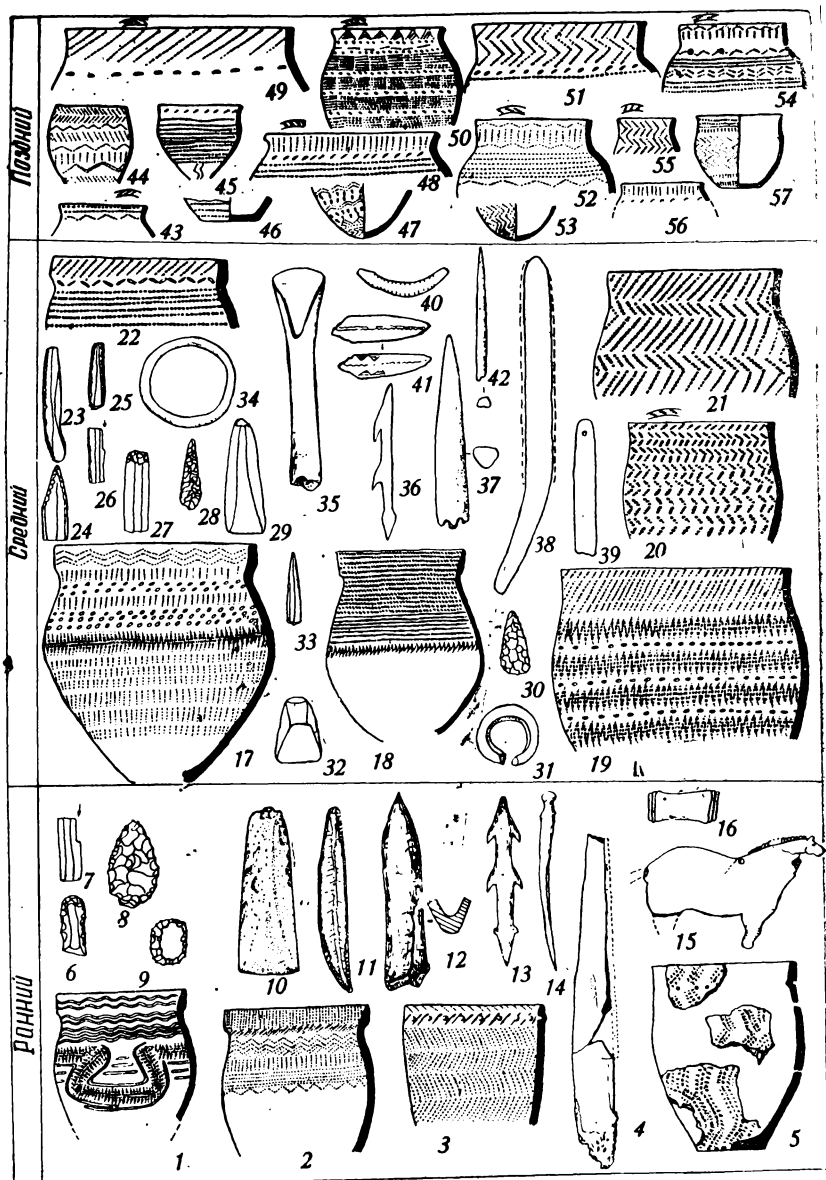
Некоторые итоги исследований энеолита лесостепного Заволжья
и Южного Урала были подведены И. Б. Васильевым. Он провел
широкое сопоставление памятников типа Съезжинского и Хвалын
ского могильников с погребальными комплексами степной и лесо
степной полосы Восточной Европы, доказал причастность выделен
ной самарской культуры к наиболее раннему пласту энеолитиче
ских культур каспийско-причерноморской зоны — мариупольской
культурно-исторической области. Столь же закономерным явилось
выделение следующего хронологического пласта энеолитических
культур — хвалынско-среднепестовской культурно-исторической

области²⁴. Новые материалы, в основном поселенческого характера, полученные в последующие годы, позволили в некоторой степени уточнить и дополнить схему развития энеолита Заволжья и южного Приуралья, предложенную И. Б. Васильевым. Важное значение для создания данной схемы энеолита приобрели исследования Г. Н. Матюшина, а также Ю. А. Морозова и В. С. Горбунова в Башкирии²⁵.

К поселениям, где имеются материалы самарской культуры, отнесены Ивановская, Виловатовская, Турганинская, II Старо-Елшанская и другие стоянки. Они располагаются в пределах той же территории, что и волго-уральская культура.

Уже в керамических материалах позднего этапа волго-уральской культуры наблюдаются признаки, получившие затем развитие в посуде съезжинского типа (форма сосудов — плоские днища, профилировка венчиков, пропорции сосудов, ряды ямок под венчиком, орнаментальные композиции из шагающей гребенки и др.). В эпоху энеолита сохраняются те же ведущие типы костяных изделий, что и в неолите (долотовидные острия, гарпуны), а также каменных изделий (тесла, наконечники стрел, концевые скребки, резцы, вкладыши из сечений пластин и др.). Все это свидетельствует о сложении самарской культуры на основе местной волго-уральской неолитической культуры. Но активные контакты местного населения как с южными (степными), в частности с сероглазовскими племенами, так и более северными (лесными) не могли не сказаться на характере материалов самарской культуры, что выразилось в появлении ряда своеобразных признаков на керамике (меандры, волнообразные линии и др.).

В развитии самарской культуры выделяются три этапа. Первый (ранний) представлен материалами Съезжинского могильника²⁶ и V группой керамики Виловатовской стоянки²⁷. Материалы съезжинского типа (рис. 6, 1—16) подробно охарактеризованы в работах И. Б. Васильева и хорошо известны специалистам. Для данного этапа в пределах мариупольской культурно-исторической области по целому ряду определяющих компонентов наблюдается выравнивание культурных различий в материалах Поволжья, Прикаспия и Подонья, достаточно заметное в предшествующую неолитическую эпоху. Видимо, правы те исследователи, которые данный процесс связывают с интенсивным развитием производящего хозяйства и, в первую очередь, подвижного скотоводства, «обусловившего возможность широкого освоения степных пространств..., быстрого распространения по ним идентичных культурных форм. Столь же быстро и широко распространялись со степными племенами и определенные достижения человеческой экономики, техники и культуры. Распространение это охватило как саму степь, так и лесостепь»²⁸. В этом плане интерес представляет мысль о формировании энеолигических культур степей и лесостепей Восточной Европы при постоянном давлении с Востока²⁹. Видимо, начало этих процессов, достигших в энеолите значительных масштабов, следует отнести к предшествующей неолитической эпохе, при-

Р и с. 6. Схема развития самарской культуры.

чем к ее начальному этапу, когда по всей зоне начиналось освоение производящей экономики.

Второй (средний) этап самарской культуры выделен по материалам Ивановской и Турганинской стоянок и расположенному рядом с ними Ивановскому могильнику. Для этого этапа характерны две группы керамики. Первая, так называемого ивановского типа, представлена сосудами с воротничковыми венчиками, с плоскими или округлыми днищами (рис. 6, 17, 18, 22). В тесте примесь толченой раковины, иногда шамота или песка. Орнамент, как правило, наносился гребенчатым штампом с широким зубцом. Длина штампов различна, встречаются короткие в виде ячеек. Эпизодично для нанесения орнамента использовались веревочка, прочерченные линии, наколы. Орнамент разрежен, имеются свободные зоны. Композиции составлялись из четырех основных элементов (горизонтальные линии, ряды наклонных и вертикальных отрезков, горизонтальная елочка), изредка встречаются зигзаг, треугольники, ногтевые или ямочные вдавления, шагающая гребенка.

Вторая группа керамики токсского типа характеризуется высотными пропорциями сосудов горшковидной и баночной формы, с прямым или профилированным венчиком, но без воротничка (см. рис. 6, 19—21). Сосуды отличаются крупными размерами, в глине обязательна примесь толченой раковины. Орнамент наносился гребенчатым штампом, в основном с широким зубцом. Орнаментальные композиции разрежены, составлены из рядов наклонных и вертикальных линий, елочки, зигзага, иногда шагающей гребенки.

О том, что керамика обеих групп одновременна, свидетельствует их совместное залегание на однослойной Турганинской стоянке, а также общие типологические признаки и наличие гибридных сосудов³⁰. Обе группы керамики, так же как каменные и костяные орудия труда, находят истоки в материалах съезжинского типа. Сосуды ивановского типа продолжают линию развития группы воротничковой посуды Съезжинского могильника, керамика токсского типа — линию развития безворотничковых сосудов. Как и в керамике съезжинского типа, для сосудов ивановско-токского типа ведущими признаками остаются высотные пропорции сосудов, прямостенная или профилированная форма горловины, плоские или круглые днища, примесь раковины, орнаментация, выполненная гребенчатым штампом. Появление новых черт (разнообразие форм «воротничков», широкозубые гребенчатые штампы, применение шнура и веревочки, исчезновение меандровых узоров и др.) свидетельствует о дальнейшем развитии съезжинских традиций и о более позднем ее возрасте относительно Съезжей. Подтверждают этот тезис находки импортных сосудов хвалынской культуры на Ивановской и Турганинской стоянках³¹, а также погребальный инвентарь Ивановского могильника, который по находкам каменных браслетов, бус, булав, украшений из раковин синхронизируется с памятниками хвалынской-среднестоговской области³².

В этот период в степной зоне Поволжья сложилась хвалынская культура. Развитие обеих культур происходило при тесном взаи-

модействии. В пользу данного положения свидетельствуют многочисленные факты (близкий погребальный инвентарь, некоторые особые признаки в керамике и др.). Не менее активно, чем в лесостепи, население самарской культуры контактировало с племенами более северных районов Приуралья и Волго-Камья. Отражением этого процесса является формирование в северных районах лесостепной зоны Приуралья смешанных в культурном отношении памятников с чертами как южных культур мариупольского круга, так и типично волго-камских, уходящих корнями в местный неолит. Результатом влияния самарской культуры является появление в северных районах профилированной керамики, ямочно-жемчужных поясков под срезом венчика, широкое распространение узоров из рядов «шагающей гребенки», увеличение количества ножевидных пластин, тесел и долот³³. Уже на съезжинском этапе фиксируется «воротничок» на керамике в Прикамье³⁴. Со вторым этапом самарской культуры связано формирование по всей приуральской лесостепи синкритических памятников: Муллино III, Давлеканово III, Кара-Якупово, Сасыкуль и др. Отдельные воротничковые сосуды зафиксированы еще севернее, в лесной зоне Прикамья (Саузовские стоянки³⁵ и Непряха³⁶). Что касается последних и материалов русско-азибейского типа, то, как это совершенно верно отмечено И. Б. Васильевым и Р. С. Габяшевым, в них отчетливо прослеживается преемственность с более ранними камскими неолитическими материалами, а элементы южных воздействий выступают не как культурный, а как хронологический показатель³⁷.

Иначе следует рассматривать памятники типа Муллино III, которые Г. Н. Матюшин выделяет в особую агидельскую культуру³⁸, с чем трудно согласиться³⁹. Материалы агидельского типа отражают синкритический характер памятников, но элемент южных воздействий в них проявляется намного сильнее, чем в памятниках русско-азибейского типа. Эталонные памятники агидельского типа — Муллино и Давлеканово расположены в лесостепи и достаточно близко к основной территории самарской культуры (см. рис. 1). Поэтому не случайно, что материалы агидельского типа (керамика, каменные и костяные изделия, топография памятников и характер культурного слоя) чрезвычайно близки материалам самарской культуры, причем материалам ивановско-токского этапа. Видимо, самарское население на втором этапе своего развития значительно продвинулось в северном направлении, на территорию, ранее занятую камскими племенами. В целом же агидельские материалы свидетельствуют о значительном компоненте самарской культуры в их формировании, если не о принадлежности их к одной культуре.

Третий (поздний) этап самарской культуры намечается по керамике турганикского типа, выделенной на Ивановской и некоторых других стоянках. Определить другие категории находок, соответствующие данной группе керамики, пока не представляется

возможным, так как на всех памятниках она смешана с материалами других эпох.

Керамика турганикского типа представлена круглодонными или плоскодонными сосудами с профилированным или прямым горлом (см. рис. 6, 43—57). Для нее не характерны «воротнички». В глине обязательна примесь толченой раковины. Орнамент нанесен гребенчатым штампом. По основным признакам данная группа продолжает традиции керамики ивановско-токского типа.

Отнесение материалов турганикского типа к заключительному этапу самарской культуры подтверждается их сравнением с материалами культур позднего энеолита — ранней бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы⁴⁰. В этот период формируются ранние звенья ямной культуры в Нижнем Поволжье, репинская культура на Дону, памятники михайловского типа на Днепре. По ряду признаков керамика турганикского типа синхронна культурам ранее названным, но в целом она достаточно самобытна и обладает рядом устойчивых типологических признаков, что и определяет ее культурную самостоятельность.

В материалах турганикского типа помимо связей с южными культурами фиксируются активные контакты с лесными гаринско-борской и волосовской культурами, а также с кругом зауральских энеолитических культур (суртандинской и ботайской).

Проблемы абсолютной хронологии энеолитических культур Восточной Европы, в том числе самарской культуры, достаточно дискуссионны. У исследователей имеются значительные расхождения в их датировках. В одной из последних работ И. Б. Васильев подробно разобрал все имеющиеся точки зрения по данному вопросу, что избавляет от необходимости подробно на них останавливаться. Культуры мариупольской области, а вместе с тем и первый этап энеолита Поволжья, он датирует первой половиной IV тыс. до н. э., основываясь на синхронизации с Трипольем и по трипольским импортам в могильниках Нижнего Поднепровья, синхронных могильнику у с. Съезжее. Отсюда первый (съезжинский) этап самарской культуры датируется первой половиной IV тыс. до н. э., допуская и более раннюю дату в связи с наметившейся тенденцией удревления энеолита юго-восточной Европы, на хронологию которого опирается и хронология Триполья, так же как и всего энеолита Причерноморья.

Хвалынско-среднестоговские культуры датируются второй половиной IV тыс. до н. э. на основании трипольских импортов на среднестоговских памятниках, и наоборот. Следовательно, второй этап самарской культуры (ивановско-токский), синхронный хвалынской культуре, также может быть датирован этим временем.

Материалы турганикского типа по линии синхронизации с репинской культурой (первый этап) и Михайловкой II датируются первой половиной III тыс. до н. э.

Новые материалы по неолиту и энеолиту Заволжья и южного Приуралья, в частности материалы поселений, значительно дополнили сведения о хозяйстве населения данных эпох, позволили

по-новому рассматривать проблему о времени и характере распространения производящей экономики в регионе. Особенно показательны остеологические находки с Ивановской и Виловатовской стоянок, обработанные А. Г. Петренко.

Из неолитического слоя Ивановской стоянки определено 138 кости от 42 особей млекопитающих, а также кости птиц, рыб, черепахи. 52,4% костей принадлежали домашним животным, остальные — диким. Среди костей домашних животных выделены кости крупного и мелкого рогатого скота, лошади и кости собаки. Среди диких животных преобладают кости бобра, лося, медведя. Встречены также кости зайца и барсука.

Из энеолитического слоя Ивановки определено 7455 кости от 217 особей млекопитающих; остатки домашних животных составляют 45,7%. В их число вошли крупный и мелкий рогатый скот, лошадь, собака и 1 особь свиньи. Среди дикой фауны значительно преобладают кости бобра и лося, в меньшем количестве найдены кости медведя, лисы, зайца, кабана, выдры, барсука, волка. По сравнению с неолитом в некоторой степени возрастает процент мелкого рогатого скота (25%) и лошади (53,7%) и падает численность крупного рогатого скота (16%). В целом состав энеолитического стада домашних животных повторяет состав стада неолитического периода поселения.

Аналогичные результаты дал анализ остеологических остатков Виловатовской стоянки.

Таким образом, материалы поселений не только подтвердили высказанное по результатам обработки костей жертвенных животных из Съезжинского и Хвалынского могильников положение о существовании у населения самарской энеолитической культуры развитого скотоводческого хозяйства, но и позволили сделать вывод о начале сложения производящего хозяйства с ранних этапов эпохи неолита. Причем, как в неолите, так и в энеолите значительное место в хозяйстве занимали охота и рыболовство. Видимо, сочетание производящих и присваивающих форм экономики отражает специфику культур лесостепной зоны, где в равной степени имелись условия для занятий и теми и другими видами добычи продуктов питания.

Этот вывод подкрепляется всевозможными находками орудий труда. В энеолитическом слое Ивановской стоянки найдены орудия кинжаловидной формы (см. рис. 6, 37, 42), предназначавшиеся для закалывания скота, многочисленные орудия охоты (каменные наконечники стрел, скребки для обработки шкур, костяные наконечники дротиков и копий) и рыболовства (костяные гарпуны, кочедыки для плетения сетей, грузила, крючки).

Положение о начале распространения производящего хозяйства в неолите Приуралья высказывалось Г. Н. Матюшиным на примере стоянок Муллино и Давлеканово ⁴¹, где вместе с материалами камского неолита обнаружены останки домашних животных (около 25% от всех видов млекопитающих), по своему составу аналогичные данным Ивановской и Виловатовской стоянок, — лошадь, мел-

кий и крупный рогатый скот. На других памятниках волго-камской культуры домашняя фауна не известна. Находки на стоянках Муллино и Давлеканово объясняются их близким расположением к территории волго-уральской культуры и, видимо, контактами с ней.

Ареал наиболее раннего распространения скотоводческого хозяйства в степной и лесостепной полосе Восточной Европы в основном совпадает с культурами, в которых находят аналогии ранние материалы волго-уральской культуры (Ракушечный Яр, приазовская, сурско-днепровская, Джебел), что подтверждает отнесение нео-энеолитических культур бассейна р. Самары к кругу культур каспийско-причерноморской зоны. В этом плане интересно отметить, что в скотоводческом хозяйстве здесь как бы сочетаются две традиции. Одна из них связана с разведением мелкого рогатого скота, видимо, заимствованного из районов Восточного Прикаспия, другая — с разведением крупного рогатого скота, в Средней Азии в этот период не известного, но широко распространенного в западных неолитических культурах ⁴². Примерно равное соотношение крупного и мелкого рогатого скота в составе стада волго-уральской и самарской культур отражает сложность культурных взаимоотношений местного населения с миром евразийских степей в условиях перехода от присваивающих форм экономики к производящим.

Таким образом, исследования последнего десятилетия выявили яркие и своеобразные культуры эпохи неолита и энеолита в южной зоне лесостепей Волго-Уральского междуречья. В условиях лесостепи волго-уральская и самарская культуры развивались самостоятельно и в то же время весьма своеобразно. Данное своеобразие было обусловлено активными связями населения как со степными, так и с лесными культурами Урала и Поволжья, но в целом история данного района проходила под доминантой юга.

¹ Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА, 1979, № 4. С. 147—166.

² Васильев И. Б., Пенин Г. Г. Елшанские стоянки на реке Самаре в Оренбургской области // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977. С. 3—20.

³ Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С. и др. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С. 151—186.

⁴ Васильев И. Б. Энеолит Поволжья: Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981; Моргунова Н. Л. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.

⁵ Моргунова Н. Л. Эпоха неолита и энеолита... С. 6—13.

⁶ Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габяшев Р. С. и др. Виловатовская стоянка... С. 176—182.

⁷ Выборнов А. А., Пенин Г. Г. Неолитические стоянки на р. Самаре // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С. 3—14.

⁸ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. М., 1981. С. 66, 121—123; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975. С. 219—220.

- 9 Мелентьев А. Н. Памятники сероглазовской культуры: Неолит Северного Прикаспия // КСИА, 1975, вып. 141. С. 112—117; Дубягин П. С., Чикризов Ф. Д., Чуринов В. А. и др. Новые материалы неолита и бронзы из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 96—98.
- 10 Белановская Т. Д. Поселение времени неолита — энеолита Ракушечный Яр на Нижнем Дону // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Оренбург, 1980. С. 21—22.
- 11 Даниленко В. Н. Неолит Украины. Киев, 1969. С. 9—18, 24—27.
- 12 Синюк А. Т. Неолитические памятники Среднего Дона // Археологические памятники на территории СССР и их изучение в высшей педагогической школе. Воронеж, 1978. С. 83—87, рис. 10.
- 13 Телегин Д. Я. Неолитические памятники Северной Украины и Южной Белоруссии // МИА, 1973, № 172. С. 179—181; Он же. Дніпро-донецька культура. Киев, 1968. С. 38; и др.
- 14 Белановская Т. Д. Поселение времени неолита — энеолита... С. 21—22.
- 15 Синюк А. Т. Неолитические памятники Среднего Дона. С. 83—87.
- 16 Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. С. 49—60.
- 17 Габышев Р. С. Неолит Нижнего Прикаспья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1978.
- 18 Синюк А. Т. Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1971 // Архив ИА АН СССР, Р-2, № 2100. С. 97, 173—175.
- 19 Васильев И. Б. Энеолит Поволжья... С. 15.
- 20 Телегин Д. Я. Дніпро-донецька культура. С. 36—37.
- 21 Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Сулержицкий Л. Д. Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов // СА. 1977. № 4. С. 267—269; Виноградов А. В. Древние охотники... С. 132, табл. X.
- 22 Белановская Т. Д. Хронологические рамки неолитического поселения Ракушечный Яр на Нижнем Дону и методы их определения // КСИА, 1978. Вып. 153. С. 54—55.
- 23 Даниленко В. Н. Неолит Украины. С. 22—25.
- 24 Васильев И. Б. Энеолит Поволжья... С. 58—66.
- 25 Васильев И. Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979; Он же. Энеолит Поволжья...
- 26 Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982; Горбунов В. С. Энеолитические памятники Приуралья // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980; Морозов Ю. А. Энеолитические памятники Приуралья // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982; Он же. Кара-Яковская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984.
- 27 Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Съезжее... С. 147 и сл.
- 28 Васильев И. Б., Выборнов А. А., Габышев Р. С. и др. Вилатовская стоянка... С. 170—172.
- 29 Мерперт Н. Я. Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы. Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С. 5.
- 30 Там же, с. 19—20; Васильев И. Б. Энеолит Поволжья... С. 42.
- 31 Моргунова Н. Л. Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры // Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев, 1984. С. 66, рис. 14.
- 32 Там же. С. 64.
- 33 Моргунова Н. Л. Ивановская дюна на р. Ток в Оренбургской области. Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С. 15—20.
- 34 Васильев И. Б., Габышев Р. С. Взаимоотношения культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикаспия // Волго-уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 5—6.
- 35 Габышев Р. С. Русско-Азбейская стоянка // Древности Иско-Бельского междуречья. Казань, 1978.
- 36 Выборнов А. А., Овчинникова Н. В. Итоги изучения поселения Сауз П. Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 46—48.
- 37 Денисов В. П. Раскопки Непряхинских стоянок // АО, М., 1981. С. 131.
- 38 Васильев И. Б., Габышев Р. С. Взаимоотношения культур... С. 6.
- 39 Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. С. 228—232.

- ³⁹ Васильев И. Б., Выборнов А. А., Моргунова Н. Л. Рец. на кн.: Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982 // СА, 1985, № 2.
- ⁴⁰ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974; Синюк А. Т. Репинская культура эпохи неолита — бронзы в бассейне Дона // СА, 1981, № 4. С. 8, рис. 1, 2; Лагодовська Р. Ф., Шапашникова О. Г., Макаревич М. Л. Михайлівське поселення. Киев, 1962. С. 39 и сл.
- ⁴¹ Петренко А. Г. Костные остатки животных с поселения Муллино // Матюшин Г. Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982, С. 306.
- ⁴² Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М. 1970. С. 242—250.

ПОСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИУРАЛЬЯ

Археологическое изучение поселений имеет первостепенное значение для реконструкции типов хозяйства, образа жизни, уровня развития экономики древних племен. И конечно же, в первую очередь, это относится к племенам с достаточно развитыми производящими формами хозяйства. Среди таких племен на территории Приуралья наиболее изученными и представленными наибольшим числом археологических памятников являются племена срубной культуры.

В настоящее время только поселений срубных племен на территории региона выявлено более 300. Правда, большинство из них (более 75%) зафиксировано на основе разведочных сборов керамики или имеют настолько слабый культурный слой, что воспринимаются как кратковременные стоянки. Основная масса выявленных поселений локализуется в бассейнах рек Белой, Ик, Демы и Уршака, что объясняется удобным географическим положением и, в какой-то мере, степенью археологической изученности Приуралья в целом.

Наиболее крупные археологические работы в Приуралье проводились на 23 поселениях¹, что позволило создать достаточно емкую источниковую базу по этой категории срубных памятников. На отдельных поселениях, кроме срубного, выделяются абашевский, алакульский и межовский керамические комплексы (Балтачевское, Береговское I и II, Тавлыкаевское, Юмаковское I—III и другие селища), где они стратиграфически не расчленяются, но в Приуралье есть несколько и эталонных поселений (Казангуловское, Чишминское, Исмагиловское), где соответствующие стратиграфические наблюдения возможны. Ниже мы будем рассматривать только керамику срубных комплексов, собранную на приуральских поселениях, вне зависимости от степени их насыщенности «чисто срубным» материалом.

В целом же срубная керамика на многослойных поселениях Приуралья выделялась типологически, а стратиграфическое распределение выделенных типов устанавливалось путем подсчета их количества на различных горизонтах культурного слоя. В подсчеты была включена керамика, объединенная по технике нанесения орнамента, куда вошли фрагменты с отпечатками гребенчатого штампа, насечками и наколами, керамика, на которой представле-

Соотношение типов орнамента, %

Тип орнамента	Ш т ы к и					Ш т ы к и					
	II	III	IV	V	всего	I	II	III	IV	V	всего
Чишминское селище						Казангуловское селище					
Гребенчатый	—	15,3	19,1	12,2	46,6	—	5,5	25,9	11,1	2,0	44,5
Насечки, наколы	—	18,7	13,6	3,4	35,7	—	9,2	25,0	9,2	2,7	46,1
Гребенка — насечки, наколы	—	4,9	3,1	1,4	9,4	—	0,3	0,9	1,8	—	3,0
Прочерченный	—	2,7	2,6	1,7	7,0	—	0,3	—	3,7	2,4	6,4
Веребочка	—	—	0,2	1,1	1,3	—	—	—	—	—	—
Абдуловское селище						Исмагиловское селище					
Гребенчатый	—	25,0	23,3	9,4	57,7	3,8	18,2	12,9	1,8	—	36,7
Насечки, наколы	—	9,4	13,8	5,7	28,9	6,7	22,6	12,4	2,0	—	43,7
Гребенка — насечки, наколы	—	1,9	1,1	—	3,0	1,6	6,8	2,9	0,6	—	11,9
Прочерченный	—	3,8	4,4	1,4	9,6	0,6	2,5	2,6	0,8	—	6,5
Оттиск трубочки	—	—	—	0,8	0,8	—	—	—	—	—	—
Прочерченный—насечки	—	—	—	—	—	—	—	1,2	—	—	1,2

на совместно гребенка, насечки и наколы, а также с прочерченным орнаментом и оттисками полой трубочки и веревочки (табл. 1).

Посылкой для данного анализа послужили визуальные наблюдения на ряде разрушенных (или кратковременных) памятников. Для одних поселений было характерно преобладание керамики с насечками, наколами, для других — с гребенчатым штампом. Стало быть, они имеют либо хронологические, либо локальные различия. А комплексы керамики поселения, включавшие различные типы сосудов, могут быть результатом контактов различных локальных групп населения.

Подсчеты показали, что выделенная на основе орнаментации керамика распределяется в культурном слое в основном равномерно. Однако определенная зависимость все же наблюдается. На таких памятниках, как Чишминское, Казангуловское и Исмагиловское поселения, в нижних и средних горизонтах культурного слоя гребенчатая керамика преобладает или количественно равна накольчатой, в то время как в верхнем слое отмечается преимущество керамики с насечками (см. табл. 1). Исключением является Абдуловское поселение, где на всех уровнях гребенчатая керамика преобладает. Столь заметное различие объясняется довольно ранним обликм всего материала, где в коллекции имеются острореберные сосуды с богатой орнаментацией и фрагменты с оттисками полой трубочки. В этом отношении характерны статистические показатели Чишминского селища. Сложные геометрические узоры, выпол-

ненные гребенчатым штампом, и оттиски перевитой веревочки сосудах характерны только для немногочисленной группы керамики, обнаруженной в нижних горизонтах памятника. В верхних культурных слоях гребенчатая керамика составляет 15,3%, в время как количество накольчатой поднимается до 18,7%.

Поскольку выделенные нами различные типы орнаментации (гребенчатая, накольчатая, гребенчато-накольчатая) устойчиво коррелируют с одними и теми же формами сосудов, примесями и технологией изготовления, есть все основания относить их к одной срубной культуре, но к различным периодам ее существования. Так, сложный орнамент из оттисков гребенчатого штампа или перевитой веревочки характерен для полтавкинского и раннесрубных керамических комплексов. В развитый период срубной культуры наряду с существующим гребенчатым орнаментом появляется керамика, орнаментированная насечками, наколами или прочерчиванием приостренной палочки. В финальный период идет обеднение орнаментального мотива. В погребальных комплексах этого времени преобладают баночные сосуды без орнамента или с простыми геометрическим рисунком в виде горизонтального зигзага и насечек по шейке венчика. Аналогичная картина наблюдается на гжельском материале. Кроме отмеченных черт здесь появляется керамика с характерным наlepным валиком, нередко украшенным насечками.

Следует заметить, что подобная керамика характерна не только для памятников Приуралья. В настоящее время в южных районах лесостепного Поволжья известно 20 поселений с керамикой хельсинского или ивановского типа, орнаментированная насечками или елочкой по шейке сосуда. Исследователи Поволжья хотя связывают происхождение ивановской керамики со срубной культурой, но видят в ней самостоятельную культурную группу финальной бронзы².

Таким образом, стратиграфический анализ керамического материала нескольких приуральских памятников позволяет высказать предположение об определенной хронологической закономерности изменения орнаментальных мотивов. Дальнейшая работа в этом плане, с охватом более широкого круга срубных памятников позволит уточнить полученные предварительные данные.

Как уже отмечалось выше, основную массу выявленных в Приуралье поселений срубной культуры составляют кратковременные стоянки при наличии ряда долговременных поселений, сохранивших мощный культурный слой. Этот факт дает основание полагать, что при ведении оседлого пастушеского скотоводства, перемещения происходили только в рамках относительно ограниченной территории и диктовались необходимостью смены пастбищ.

Широкие исследования поселений привели к быстрому накоплению вещественных данных (орудия труда, кости животных, разнообразные изделия из кости, камня, металла), позволяющих дать развернутую характеристику хозяйства срубных племен. Прежде всего не вызывает сомнений скотоводческо-земледельческая основа

хозяйства. На поселениях обнаружены многочисленные орудия земледельческого труда: бронзовые серпы, каменные зернотерки и мотыги. Общий уровень развития производительных сил у племен бронзового века (в том числе и срубной культуры) позволяет предполагать наличие пашенного земледелия³.

Надежным источником получения мясных продуктов являлось домашнее скотоводство, о наличии и достаточно высоком уровне развития которого свидетельствует собранный на срубных поселениях остеологический материал. Данные видового определения животных приведены в табл. 2. Чаще всего встречаются кости крупного рогатого скота (от 30,2 до 71,4%), затем — кости мелкого рогатого скота и лошади. Охота в хозяйстве играла, вероятно, незначительную роль, на что указывают редкие находки костей диких животных (Ново-Баскаковское поселение — 4 особи лося; Чишминское поселение — 4 особи лося и кабана, кости бобра, зайца, волка).

Указанное соотношение костей домашних и диких животных в целом характерно для срубных поселений не только Приуралья, но и Поволжья⁴. Значение скотоводства не ограничивалось только производством мяса. Нахождение костяных псалиев указывает на использование лошади в качестве тягловой силы.

Скотоводство давало не только продукты питания, но и сырье для изготовления одежды и обуви. Большое количество изделий, обнаруженных на памятниках, связано с обработкой шкур живот-

Таблица 2

Соотношение видов домашних животных на срубных памятниках Приуралья

Поселение	Крупный рогатый скот		Мелкий рогатый скот		Лошадь		Свинья		Собака	
	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%	кол-во особей	%
Чишминское	66	48,2	32	23,4	26	19,0	11	8,0	2	1,4
Абдуловское	22	40,7	12	22,2	14	26,0	6	11,0	—	—
Исмагиловское	29	48,3	18	30,0	9	15,0	3	5,0	1	1,7
Казангуловское I	19	30,2	30	47,6	7	11,1	7	11,1	—	—
Казангуловское II	35	41,2	21	24,7	19	22,3	9	10,6	1	1,2
Балтачевское	12	31,6	8	21,0	13	34,2	5	13,2	—	—
Ибракаевское	14	58,3	4	16,7	5	20,8	1	4,2	—	—
Салиховское	40	71,4	8	14,3	5	8,9	3	5,4	—	—
Ново-Баскаковское	10	41,7	6	25,0	5	20,8	—	—	3	12,5

ных — тупики для снятия мездры со шкур, костяные держакИ, используемые для закрепления шила или других орудий, широко применяемых в кожевенном производстве. О существовании ткачества в эпоху бронзы свидетельствуют находки костяных, глиняных и каменных пряслиц, а также грузиков, видимо, от примитивного ткацкого станка. Значительное место у обитателей поселков занимало изготовление керамической посуды.

Анализируя материалы ряда срубных памятников, можно отметить появление отдельных мастеров или целых семей, занимающихся определенным промыслом. Видимо, часть изготовленной продукции могла идти для обмена на необходимые продукты и изделия соседних общин⁵.

Важное место в хозяйственной деятельности срубных племен занимала металлургия. Основой для ее возникновения и развития послужили богатые залежи медных руд Южного Урала. Об уровне развития металлургического производства можно судить по находкам изделий из могильников и поселений, имеющих по химическому составу как местную рудную основу⁶, так и восточные (возможно, алакульские) импорты. Примером может служить металл богатого погребения Ново-Ябалаклинского могильника, где подавляющая часть изделий изготовлена из химической группы ЕУ (Еленовско-Ушкатинская группа)⁷.

На развитие местной металлургии указывают выявленные на I Береговском и Тавлыкаевском поселениях специализированные мастерские с медеплавильными печами и остатками меднорудного производства. В заполнениях отмеченных жилищ были обнаружены куски шлака, каменные песты, плоские камни-наковальни, молоты с перехватом, используемые, вероятно, для дробления руды⁸.

Сравнение приуральской группы памятников срубной культуры с предшествующими, синхронными и последующими культурами позволяет провести наблюдения за формированием поселенческих слоев. В Приуралье срубные племена появляются в сложившемся виде, вытеснив носителей абашевской культуры, о чем свидетельствуют данные стратиграфии исследованных поселений. Керамический же материал отражает устойчивые и тесные контакты срубных племен с алакульскими, равно как и проникновение в Приуралье на позднем этапе срубной общности носителей межовской культуры, чья керамика стратиграфически перекрывает верхние горизонты срубных поселений.

Исходя из современных данных в основу периодизации срубной культурно-исторической общности Волго-Уралья положена четырехчленная схема, предложенная Н. Я. Мерпертом и А. Д. Пряхиным⁹.

Относительная и абсолютная датировка, разработанная автором для срубных памятников Приуралья¹⁰, позволяет в настоящее время сопоставить ее с отмеченной выше существующей периодизацией. В связи с отсутствием в Приуралье памятников первого (протосрубного) этапа, ранний этап приуральской группы соответствует памятникам второго (бережновского) хронологического

горизонта и объединяет по времени алакульские, новокумакские и раннесрубные древности.

К памятникам этого периода, вероятно, относится I Альмухаметовский могильник, расположенный в Абзелиловском районе Башкирского Зауралья. В закрытом комплексе погребения I кургана 15 наряду со срубно-алакульским сосудом находился сосуд синташтинского облика¹¹. Подобная керамика отмечена на Татанатарском срубном поселении.

Отмеченные выше раннесрубные памятники и упомянутые новокумакские и раннеалакульские не отражают генетической близости между собой, а лишь свидетельствуют о синхронности их существования. Малочисленность памятников не позволяет говорить об активных взаимодействиях между этими племенами.

Развитый этап срубной культуры Приуралья (XIV—XIII вв. до н. э.) может быть сопоставлен с третьим, а поздний (XII—X вв. до н. э.) — с четвертым этапами общей схемы.

К концу II тысячелетия до н. э. значительная часть срубного населения покидает лесостепные районы Приуралья. Нет оснований видеть в этом давление каких-то внешних сил. Возможно, это было обусловлено рядом взаимосвязанных факторов. В качестве возможной причины переселения могли быть серьезные изменения в окружающей их природной среде, вызванные периодически происходящими климатическими колебаниями.

Отток срубного населения из Приуралья не привел к обезлюдению лесостепной зоны. Часть прежнего населения осталась в долинах больших рек (Кумлекуль, Казангулово, Каинлытуркеево), часть переселилась в степные районы Зауралья (Тавлыкаево), где сохранилось, видимо, до рубежа II—I тыс. до н. э.

¹ Дмитриев П. А., Сальников К. В. Уфа — ст. Ишимбаево // Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941; Сальников К. В. Некоторые сведения об эпохе бронзы южной Башкирии. — Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959; Ахмеров Р. Б. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии // КСИИМК, 1955, вып. 59; Збруева А. В., Тихонов Б. Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970; Викторова В. Д. Из истории населения юго-западной Башкирии в эпоху бронзы // Из истории Урала. Свердловск, 1960; Шокуров А. П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Древности Башкирии. М., 1970; Матвеева Г. И. Памятники эпохи бронзы на р. Деме // Из истории Башкирии. Уфа, 1963; Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967; Морозов Ю. А. Срубные памятники Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

² Асапов С. А., Васильев И. Б., Кузьмина О. В., Семенова А. П. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 27, рис. 17, 18.

³ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 41.

⁴ Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М., 1984. С. 121—123.

⁵ Морозов Ю. А. Проявление специализации производства в хозяйстве срубного населения Южного Урала // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 64—66.

⁶ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970. С. 112—115.

⁷ Кузьминых С. В. Андроновские импорты в Приуралье (на примере женского захоронения из Ново-Ябалаклинского могильника) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983, С. 123—139.

⁸ Морозов Ю. А. Проявление специализации производства... С. 61—62, рис. 4—5; Горбунов В. С. Отчет о раскопках в Береговском микрорайоне Башкирской АССР в 1980 г // Архив кабинета археологии БГПИ. С. 13—16.

⁹ Мерперт Н. Я., Пряхин А. Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979. С. 20.

¹⁰ Морозов Ю. А. История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977; Он же. Срубные памятники Приуралья. С. 3—17.

¹¹ Пшеничнюк А. Х. Научный отчет об археологической экспедиции 1977 г. С. 15—16 // Архив Музея археологии БФАН СССР.

К ВОПРОСУ О СРУБНО-АЛАКУЛЬСКИХ КОНТАКТАХ

(На материале башкирских памятников)

Во II половине II тыс. до н. э. Южный Урал являлся восточной окраиной расселения племен срубной культуры, непосредственно примыкавшей к территории андроновского мира. Материалы, свидетельствующие о тесных контактах срубных и андроновских * племен, были получены в Башкирском Приуралье еще в 1934 г. при раскопках П. А. Дмитриевым и К. В. Сальниковым могильника у хут. Кошкара в Стерлитамакском районе ¹. Под земляной насыпью 7 кургана в погребении 2, совершенном по традиционному срубному обряду, находился сосуд, сочетающий в себе алакульские и федоровские черты ². Последующее накопление материалов привело К. В. Сальникова к выводу, что в степной части Башкирии развитие срубных племен протекало под сильным воздействием андроновской культуры, а некоторые памятники южнее Стерлитамака скорее нужно считать срубно-андоновскими ³.

К настоящему времени накоплен большой материал, позволяющий подойти к решению проблемы контактов срубных и андроновских (в основном алакульских) племен на основе статистического анализа, что более обоснованно позволит определить степень смешанности срубных и алакульских элементов на памятниках Башкирии. На территории Башкирии не обнаружено ни одного чисто алакульского памятника. Из 400 известных срубных памятников алакульские черты в погребальном обряде или вещевом материале отмечены на 63 (рис. 1) *. Среди этих 63 памятников большинство составляют могильники — 27 в Приуралье и 20 в Зауралье. Алакульскими элементами в погребальном обряде являются, на наш взгляд, следующие: 1) применение камня при сооружении кургана и могильной ямы; 2) положение погребенного на правом боку; 3) западная или южная с отклонениями к западу и востоку ориентировка погребенного. В Приуралье перечисленные черты зафиксированы в 18 могильниках (22 кургана, 35 погребений), в Зауралье — в 15 могильниках (20 курганов, 26 погребений). Следует заметить, что сложные конструкции насыпей с применением камня

* Под андроновскими в данной работе подразумеваются племена федоровской и алакульской культуры.

* Приношу благодарность В. С. Стоколосу, Н. А. Мажитову, А. Х. Пшеничнюку, Ю. А. Морозову, В. С. Горбунову, М. Ф. Обыденнову, Р. Б. Исмагилову, Б. Б. Агееву за разрешение использовать неопубликованные материалы.

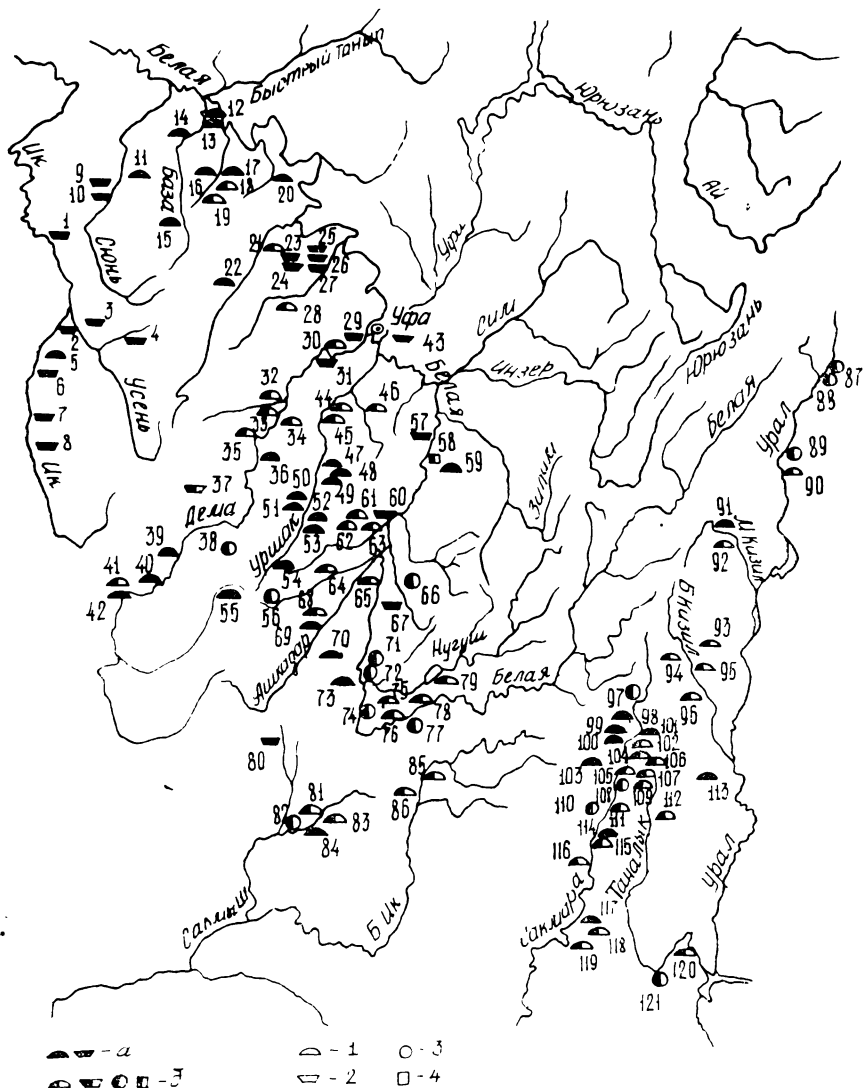

Рис. 1. Карта памятников срубной культуры.

а — курганные и грунтовые могильники срубной культуры;

б — курганные и грунтовые могильники, поселения и городище срубной культуры с алакульскими чертами.

1 — курганные могильники; 2 — грунтовые; 3 — поселения; 4 — городища.

1 — Куштирякский, 2 — Исмагиловский, 3 — Агир-Тамакский, 4 — Нижне-Сардыкский, 5 — Япрыковский, 6 — Туркменевский, 7 — Уязы-Тамакский, 8 — Абдуловский, 9 — Ново-Шарашлинский, 10 — Бакалинский, 11 — Старо-Куручевский, 12 — Базитамакский, 13 — Жититамакский, 14 — Нижне-Черекулевский, 15 — Ново-Балтачевский, 16 — I Асяновский, 17 — II Асяновский, 18 — Верхне-Аташский, 19 — Именлекулевский, 20 — IV Тартышевский, 21 — Юмрановский, 22 — Тюрюш-Тамакский, 23 — I Ахметовский, 24 — Старо-Тукмаклинский, 25 — Каплинский, 26 — I Мамяковский, 27 — II Мамяковский, 28 — II Ново-Баскаковский, 29 — Демский, 30 — Юматовский, 31 — Абдуллинский, 32 — Старо-Ябалаклинский, 33 — Ново-Ябалаклинский, 34 — Старо-Яппаровский, 35 — Давлекановский, 36 — Дюртюлинский, 37 — Чу-

обнаружены только в Зауралье. Это каменные кольца в I Ивановском и Ишкуловском могильниках и вымостка квадратной формы в IV Бекешевских курганах. В первых двух могильниках в погребениях были найдены сосуды смешанного облика, в IV Бекешевском кургане — срубный сосуд. Применение камня в виде отдельных плит в насыпи встречено еще в 5 курганах: в Иштугановском, Сыртлановском, Юмрановском могильниках Приуралья и в Зауралье в IV Ивановских и Казанкинских курганах. Отмечены случаи применения камня и при сооружении могил (перекрытие плитами, обкладка стен). В Приуралье подобные могилы составляют около 2%, в Зауралье — 7,3%.

Камни при сооружении курганов и могильных ям широко применялись в федоровских и кожумбердынских памятниках Челябинской области, Оренбуржья, Западного и Центрального Казахстана, Минусинской котловины⁴. Являясь, видимо, в большой степени федоровской традицией, этот элемент погребального обряда проник сначала в алакульскую среду и через алакульцев на срубную территорию.

Положение погребенных на правом боку зафиксировано нами в 13 могильниках (22 погребения) Приуралья и 6 могильниках (15 погребений) Зауралья. Из них 8 находились в парных погребениях, 11 захоронений на правом боку коррелируются с посудой, имеющей алакульские черты, 5 — с алакульской ориентировкой, одно было перекрыто каменной плитой. В остальных погребениях были помещены срубные сосуды или инвентарь отсутствовал.

В срубных погребениях Поволжья случаи захоронения на правом боку единичны и объясняются инокультурным влиянием⁵. Примером могут служить Лузановский и Каменно-Вражский могильники в Куйбышевском Поволжье, где обнаружены подобные погребения, а также керамика срубно-алакульского облика⁶. Значителен процент подобных захоронений в могильниках срубно-алакульского типа — Тасты-Бутак, Хабарное, Ново-Аккерманка⁷. Объяснить наличие этих погребений причинами социального или половозрастного характера не представляется возмож-

бук-Каранский, 38 — I Биккуловское селище, 39 — Менеуз-Тамакский, 40 — Туксанбаевский, 41 — Елбулак-Тамакский, 42 — Качкиновский, 43 — Федоровский, 44 — Петряевский, 45 — Чишинский, 46 — Старо-Мусинский, 47 — III Казбуруновский, 48 — II Казбуруновский, 49 — I Казбуруновский, 50 — II Чумаровский, 51 — I Чумаровский, 52 — II Гурьяновский, 53 — IV Гурьяновский, 54 — Каранаевский, 55 — Мало-Каркалинский, 56 — Ибракаевское селище, 57 — Нижне-Тюкунский, 58 — Курмантаевское городище, 59 — Бурлинский, 60 — Больше-Кутанакский, 61 — Пестровский, 62 — Талачевский, 63 — Ишпарсовский, 64 — мог-к Елена, 65 — Кашкарский, 66 — I Салиховское селище, 67 — Кызыл-Юлдузский, 68 — Уметбаевский, 69 — Елембетовский, 70 — Варваринский, 71 — III Юмаковское селище, 72 — I Береговое селище, 73 — Васильевский, 74 — Тюбякское селище, 75 — Акназаровский, 76 — Сыртлановский, 77 — I Юмуганское селище, 78 — Иштугановский, 79 — Нугушский, 80 — Зияк-Ишметовский, 81 — V Ново-Мурапталовский, 82 — II Якутовское селище, 83 — I Ново-Мурапталовское селище, 84 — II Якутовский, 85 — Русско-Тангировский, 86 — Санзяповский, 87 — Базаргуловское селище, 88 — Ургункуловское селище, 89 — Ново-Байрамгуловское селище, 90 — II Кантубинский, 91 — Муракаевский, 92 — Туишевский, 93 — Казанкинский, 94 — Ишкуловский, 95 — Булатовский, 96 — I Альмухаметовский, 97 — Муллакаевское селище, 98 — Муллакаевский, 99 — II Темясовский, 100 — I Темясовский, 101 — Кульчурский, 102 — Бекешевский, 103 — III Бекешевский, 104 — V Тавлыкаевский, 105 — IV Бекешевский, 106 — I Тавлыкаевский, 107 — II Тавлыкаевский, 108 — Тавлыкаевское селище, 109 — III Тавлыкаевский, 110 — Чингизовское селище, 111 — IV Тавлыкаевский, 112 — Мирясовский, 113 — II Сибайский, 114 — Кара-Талский, 115 — V Комсомольский, 116 — III Комсомольский, 117 — II Ивановский, 118 — I Ивановский, 119 — IV Ивановский, 120 — II Мамбетовский, 121 — Танатарское селище.

ным. Они встречены и в насыпи, и в обычных материковых ямах, в присутствии инвентаря и без него. Только в парных захоронениях различное положение костяков можно объяснить их разноразмерностью. Видимо, случаи появления погребений с костяками, лежащими на правом боку, в могильниках, где присутствуют элементы срубной и алакульской культуры, следует воспринимать как образование нового обряда, возникшего в результате контактов этих племен.

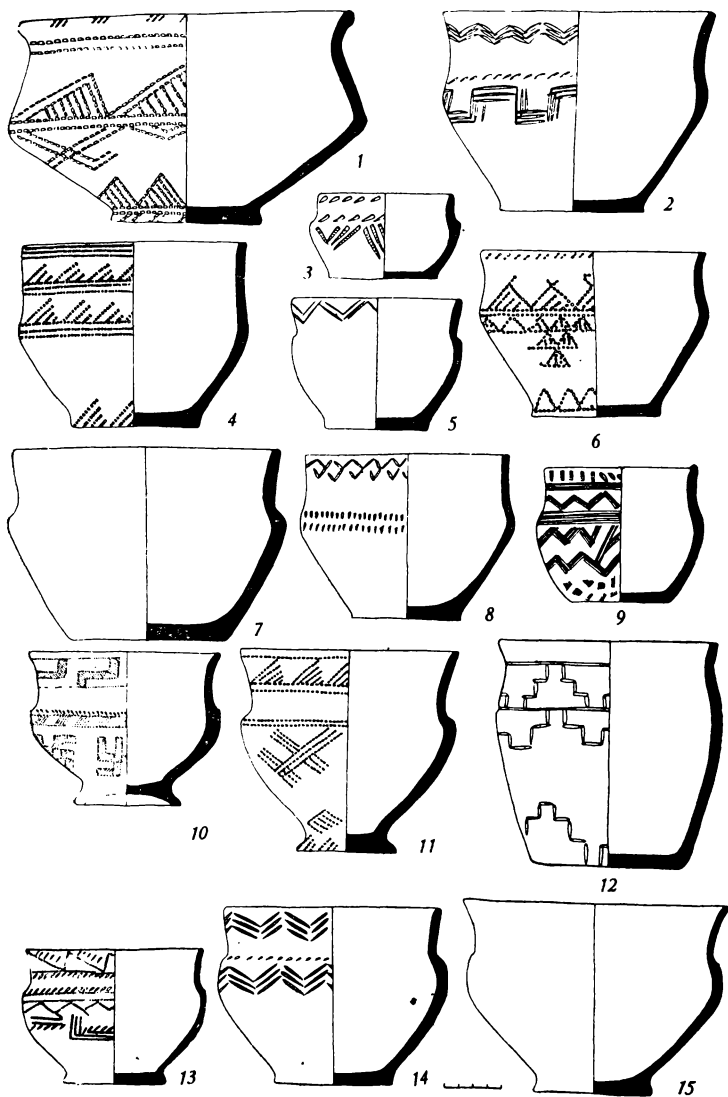
Погребения с обычной для алакульцев западной или южной с отклонениями к востоку или западу ориентировкой в могильниках Приуралья составляют 1,94% (9 случаев) и 2,9% (4 погребения) в Зауралье. Результаты анализа погребального обряда срубных могильников Башкирии, в которых обнаружены алакульские элементы, помещены в табл. 1.

Керамика — основной вещевой материал могильников и поселений, отражающий контакты рассматриваемых культур. В исследованных на территории Башкирии срубных могильниках найдено 857 сосудов (678 в Приуралье и 179 в Зауралье). Среди них 124 сосуда (14,5%) имеют алакульские признаки, проявляющиеся в той или иной степени. За безусловно алакульские нами приняты следующие признаки: уступчик при переходе от шейки к тулову, лощение и заглаживание поверхности, техника нанесения орнамента протасенной гребенкой, такие элементы декора, как меандр, «уточки», заштрихованные ромбы, многорядовый горизонтальный зигзаг.

Керамика с алакульскими чертами можно разделить на 3 группы. **I группа** — срубные сосуды баночной или горшечно-баночной формы с уступчиком при переходе от шейки к тулову (рис. 2, 3, 5, 7) или с элементами алакульского орнамента (заштрихованные ромбы, многорядовый горизонтальный зигзаг, меандровидные фигуры, пирамидки из заштрихованных треугольников, (рис. 2, 1, 2,

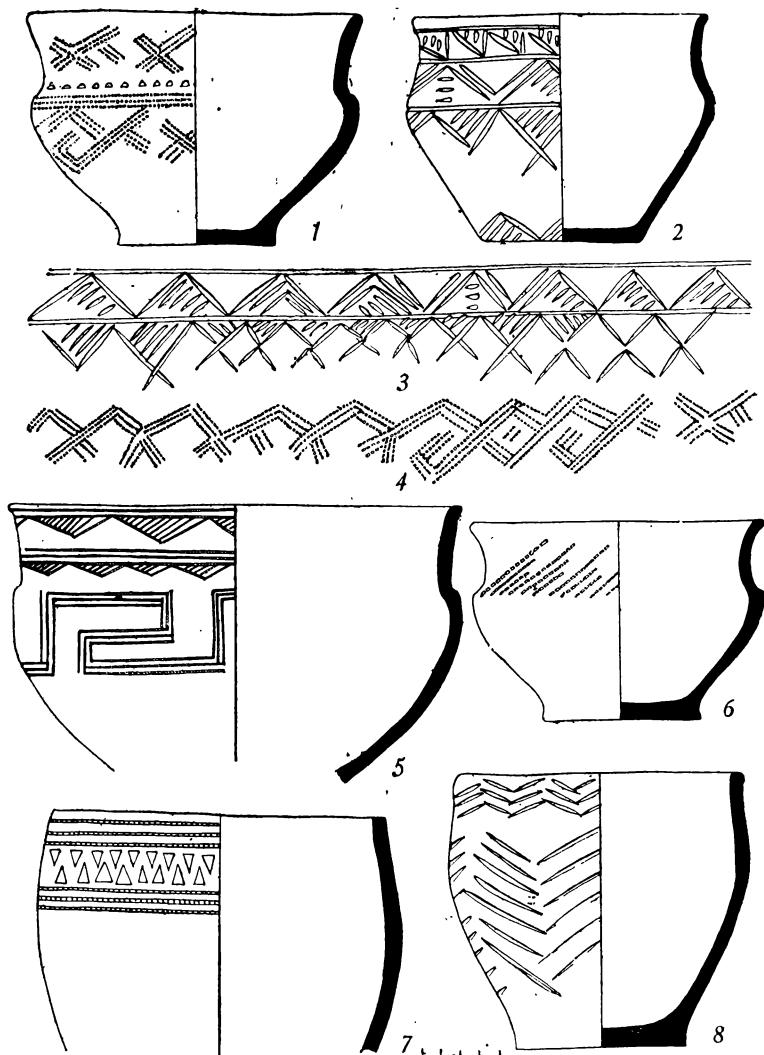
Т а б л и ц а 1

Могильники		Приуралье		Зауралье	
		кол-во	%	кол-во	%
Срубные могиль- ники	Всего	77	100	27	100
	С алакульскими чертами	27	35	20	74
Курганы в могиль- никах с алакуль- скими чертами	Всего	165	100	50	100
	С алакульскими черта- ми в погребальном об- ряде	22	13,3	20	40
Погребения в могиль- никах с алакуль- скими чер- тами	Всего	467	100	137	100
	С алакульскими чер- тами в погребальном обряде	35	7,49	29	21,17

Р и с. 2. Образцы керамики I и II групп.

1 — Старо-Ябалаклинский м-к, к. 23, п. 3; 2 — Елбулак-Тамакский м-к, к. I, п. 3; 3 — I Тавлыкаевский м-к, к. 4, п. 4; 4 — IV Ивановский м-к, к. 2, п. 3; 5 — I Тавлыкаевский м-к, к. 4, п. 1; 6 — Чишминский м-к, к. 4, п. 2; 7 — V Бекешевский м-к, к. I, п. 4; 8 — Старо-Ябалаклинский м-к, к. 31, п. 4; 9 — V Комсомольский м-к, к. 4, п. 4; 10 — Талачевский м-к, к. I, п. 9; 11 — Булатовский м-к, к. I, п. 1; 12 — III Тавлыкаевский м-к, к. I, п. 1; 13 — I Тавлыкаевский м-к, к. 4, п. 4; 14 — II Тавлыкаевский м-к, к. 9, п. 4; 15 — Старо-Ябалаклинский м-к, к. 86, п. 1.

Р и с. 3. Образцы керамики II и III группы.

1 — II Ново-Баскаковский м-к, к. 2, п. 7; 2 — Тавлыкаевский м-к, к. 2, п. 7; 3 — развертка рисунка на сосуде 2; 4 — развертка рисунка на сосуде 1; 5 — V Комсомольский м-к, к. 4, п. 3; 6 — V Бекешевский м-к, к. 1, п. 4; 7 — IV Ивановский м-к, к. 2, насыпь; 8 — II Тавлыкаевский м-к, к. 2, п. 9.

6, 8). Орнамент отличается асимметрией, небрежностью, нанесен крупнозубым штампом с едва выделенными зубцами. Данная группа составляет 4,58% (31 сосуд) в могильниках Приуралья и 10,6% (19 сосудов) — в Зауралье.

II группа — сосуды срубно-алакульского облика, в которых сильно смешение гончарных традиций обеих культур. Большая часть этих сосудов имеет четко выраженный уступ при переходе от шейки к тулову в сочетании с алакульскими элементами орнамента (рис. 2, 10, 11; 3, 1, 6). Иногда уступчатую форму имеют неорнаментированные горшки с залощенной поверхностью (рис. 2, 15). Алакульский орнамент, нанесенный проташенной гребенкой, встречается и на сосудах с плавным профилем (рис. 2, 9). Срубными чертами в керамике данной группы является приземистость, асимметрия в форме, следы грубого заглаживания поверхности, преобладает орнамент, нанесенный небрежно зубчатым штампом с едва выделенными зубцами. Срубной чертой в этой группе является и асимметричность рисунка пиктографического характера (рис. 3, 1, 2, 3, 4). Сосуды данной группы в приуральских могильниках составляют 4,42% (30 сосудов), в зауральских — 17,88% (32 сосуда).

III группа — алакульские сосуды, встреченные только в могильниках Зауралья и составляющие 6,7% (12 сосудов) (рис. 3, 5, 7, 8). В одном случае алакульский сосуд был помещен в могиле вместе со срубным, в трех — с сосудами срубно-алакульского облика, в одном погребении со срубной и срубно-алакульской посудой и в трех погребениях были только алакульские горшки.

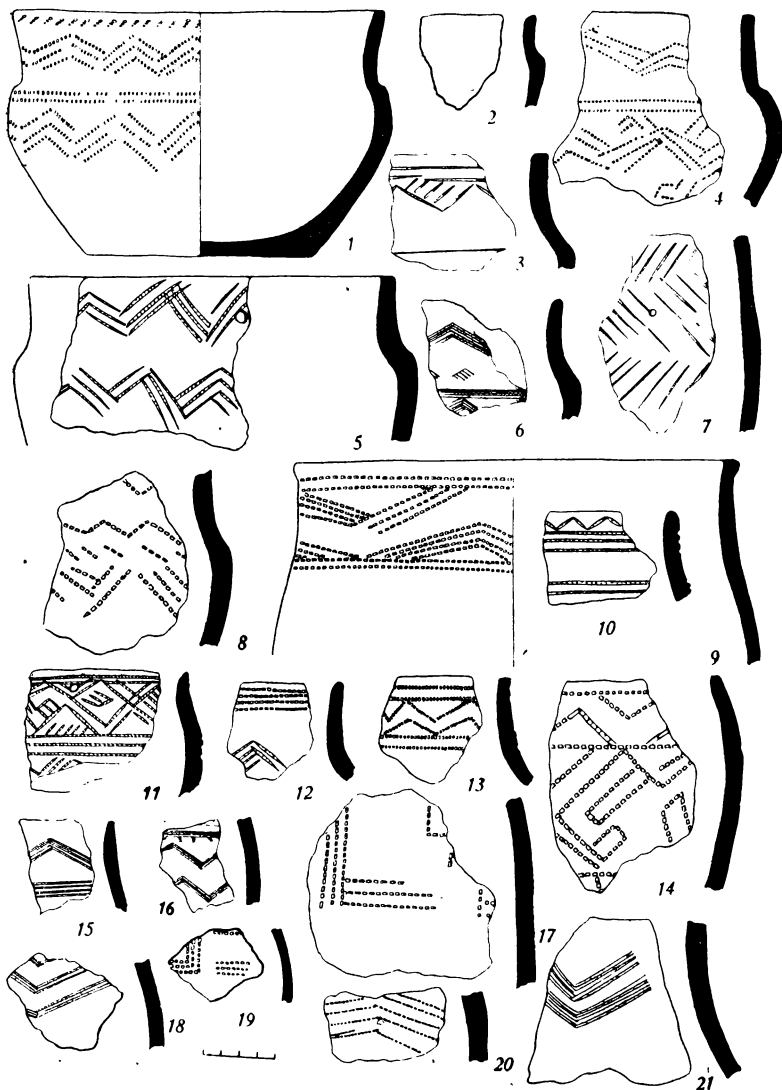
Таким образом, керамика с алакульскими чертами в срубных могильниках Башкирии составляет в Приуралье 9% (61 сосуд), в Зауралье — 35,2% (63 сосуда).

Анализ поселенческой керамики проведен на примере двух наиболее полно исследованных памятников — I Береговского в Приуралье и Тавлыкаевского в Зауралье. Керамики с алакульскими чертами в коллекции I Береговского селища всего 0,72%, причем около 2/3 этой коллекции составляют сосуды с очень слабо выраженными алакульскими чертами (рис. 4, 17, 19) и только 0,23% — срубно-алакульская посуда, сочетающая в форме и орнаменте в равной мере черты гончарных традиций обеих культур (рис. 4, 15, 16, 18, 21).

На Тавлыкаевском селище алакульская керамика составляет 1,8% (рис. 4, 6), посуда срубно-алакульского типа — 7,92% (рис. 4, 1, 4, 9) и срубная керамика со слабо выраженными алакульскими элементами — 5,9% (рис. 4, 3, 8, 7; см. табл. 2).

Таблица 2

Сосуды	I Береговское		Тавлыкаевское	
	кол-во	%	кол-во	%
Всего	11008	100	3056	100
С алакульскими чертами	79	0,72	478	15,64

Р и с. 4. К е р а м и к а с п о с е л е н и й.

1—9 — Тавлыкаевское; 10, 12 — II Якутовское, 11 — Ургункулевское, 13 — Муллакаевское,
14 — I Биккуловское, 15—21 — I Береговское.

Металлические изделия в исследованных памятниках довольно редки. Только в 10 погребениях найдены бронзовые украшения. Это желобчатые браслеты с несомкнутыми концами, подвески в 1,5 оборота, бусы, известные как у срубных, так и у андроновских племен. Значительный интерес представляют женские украшения — наконечники из погребения 3 кургана 48 Старо-Ябалаклинского могильника и из погребения I кургана 2 II Тавлыкаевского могильника, а также уникальное украшение — нагрудник и наконечник из погребения 3 кургана 2 Ново-Ябалаклинского могильника. Авторы раскопок отмечали андроновские параллели отдельным деталям этих украшений⁸. Как показали результаты спектрального анализа украшений из Ново-Ябалаклинского могильника, большая часть их сделана из металла Еленовско-Ушкаттинской группы, есть изделия из металла групп ВУ и ВК⁹. Трубчатые серьги, обтянутые фольгой из электрума, являются андроновскими импортами, типологически и по технике изготовления они принадлежат андроновским ювелирам¹⁰. Исследования женских украшений из Старо-Ябалаклинского и II Тавлыкаевского могильников позволили сделать аналогичный вывод¹¹.

Анализ материала могильников показывает, что в Приуралье курганы, в которых присутствуют элементы алакульской культуры, составляют 13,3%, количество погребений с этими элементами — всего 7,49%, керамика, сочетающая в себе срубные и алакульские элементы — 9%. Что касается поселений, то процент инкультурных (алакульских) включений совсем незначителен — 0,72% (табл. 2). Полученные данные не позволяют говорить о широком проникновении алакульского населения в Приуралье, ни один памятник этой части Башкирии нет оснований называть срубно-алакульским. Скорее всего данный материал является отражением таких форм контактов, как торговые отношения и межэтнические браки.

Несколько иную картину дают памятники Башкирского Зауралья. Процент захоронений с алакульскими чертами в обряде здесь более высок, также более значителен процент керамики смешанного облика. Тем не менее полученные данные не позволяют говорить о наличии срубно-алакульского населения и в Зауралье. Юго-восточная Башкирия в эпоху развитой бронзы была также заселена племенами срубной культуры, безусловно, в большей степени испытавшими влияние алакульцев, нежели население западных районов.

¹ Дмитриев П. А., Сальников К. В. Уфа — Ишимбаево, 1934 г. // Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941. С. 142.

² Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 157, рис. 18, 13; С. 166—167.

³ Сальников К. В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии // АЗБ. Уфа, 1964, т. 2. С. 76; Он же. Очерки древней истории Южного Урала. С. 226.

⁴ Андроновская культура // САИ, М.; Л., 1966. Вып. ВЗ-2. С. 45, 47—56; Маргулан А. Х., Акишев И. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 71, 80, 82, 85; Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутах I в Западном Казахстане // МИА, 1962, № 120. С. 10, 12—14, 18, 22; Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА, 1949, № 9. С. 41; Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. С. 249—257.

⁵ Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА, 1954, № 42. С. 140—141.

⁶ Васильев И. Б. Каменно-Вражский курганный могильник // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. С. 25, рис. 3, 13, 14; Он же. Лузновский курганный могильник // Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977. С. 35, рис. 1, 3, 8, 12, 16, 19; Зудина В. Н. Андроновские элементы в срубной культуре Куйбышевского Заволжья // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 89.

⁷ Сорокин В. С. Указ. соч. С. 29—33, табл. 1; Подгаецкий Г. В. Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // МИА, 1940, № 1. С. 71, рис. 4; С. 74, рис. 9; С. 79. Федорова-Давыдова Э. А. К проблеме андроновской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 139—140, табл. 1.

⁸ Морозов Ю. А. Срубные памятники Приуралья // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 9, 11; Горбунов В. С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы (Башкирия) // СА, 1977, № 1. С. 160—161.

⁹ Кузьминых С. В. Андроновские импорты в Приуралье (на примере женского захоронения из Ново-Ябалаклинского могильника) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983, С. 134.

¹⁰ Там же. С. 135.

¹¹ Там же. С. 124.

МЕЖОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ

Лесостепь южного Приуралья в древности являлась зоной контактов разноэтнических групп населения. В эпоху бронзы здесь соседствовали два больших этнокультурных массива: финно-угороязычный и индоиранский. Финно-угорской считают межевскую культуру позднего бронзового века, занимавшую окраину южно-лесной зоны и лесостепь от низовий Камы до Тобола.

Памятники межевой культуры были исследованы еще в конце XIX в., но впервые о них, как о самостоятельном этапе в истории черкаскульской культуры бронзового века, заявил К. В. Сальников в начале 60-х годов. По мнению исследователя, памятники межевого типа занимали промежуточное хронологическо-типологическое положение между памятниками собственно черкаскульского и березовского типов, и именно на межевском этапе носители черкаскульской культуры проникают из Зауралья в бассейн р. Белой¹. В. С. Стоколос путем анализа керамики доказал, что черкаскульским тождественны материалы Замаараевского поселения, относимого в то время к андроновской культуре².

В 70-е годы М. Ф. Косарев, указав на отличия материалов черкаскульского этапа от межевого и березовского, выделил «межево-березовскую (замаараевскую) культуру»³. Следует отметить, что эту культуру в настоящее время одни авторы называют замаараевской (Т. М. Потемкина), другие — межевой (автор), третьи — вслед за К. В. Сальниковым по традиции рассматривают памятники ее в рамках черкаскульской культуры (Е. П. Казаков). Детальный анализ различий черкаскульских и межевых комплексов, подтвердивший правомерность выделения двух культур, был проведен автором в кандидатской диссертации⁴. В ней же приведена развернутая характеристика межевой культуры на всей территории ее распространения. За последние годы в Приуралье материалы по межевой культуре были значительно пополнены. В настоящей статье подводятся итоги их изучения.

Большинство известных в Приуралье памятников межевой культуры составляют поселения, раскопки которых начались в 50-е годы, а первые публикации появились во второй половине 60-х годов. Причем в этих публикациях рассматриваемые поселения выступали под именем памятников ахметовского или межевого типа (I, II Ахметовское, Кумлекуль, Подгорно-Байларское)⁵ или

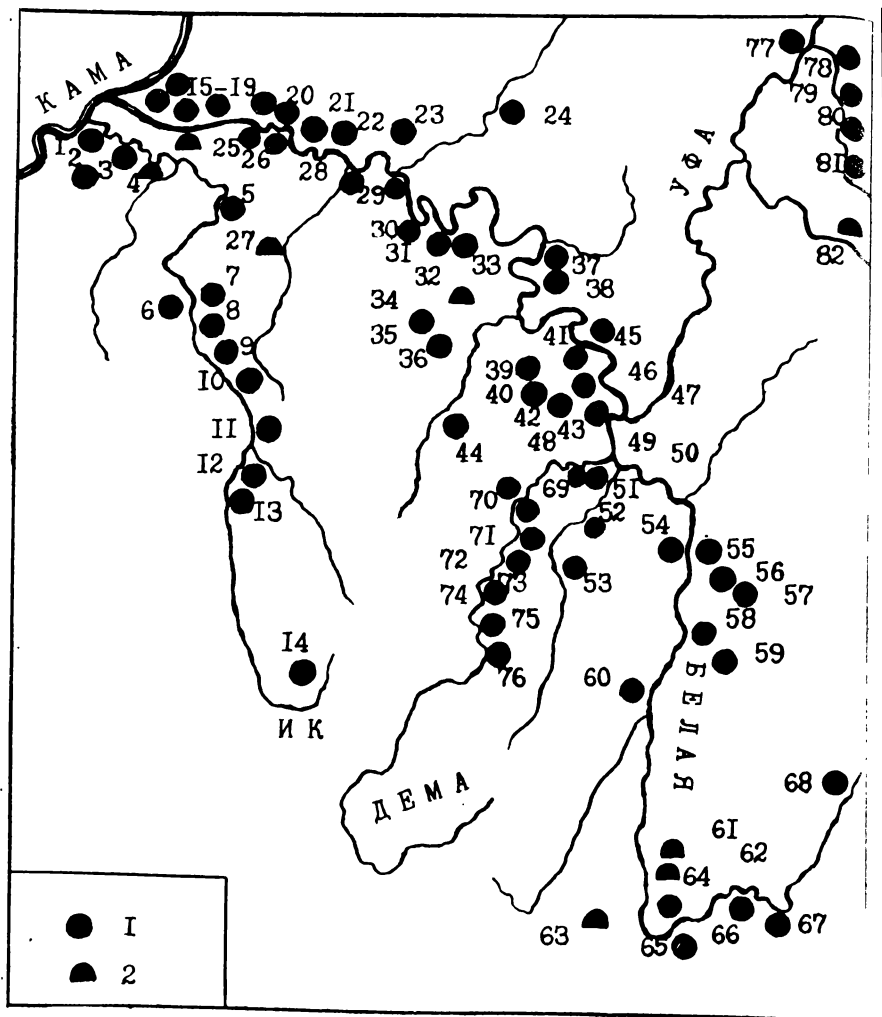

Рис. 1. Карта распространения памятников межовской культуры в Южном Приуралье.
1 — поселение; 2 — могильник.

Памятники, расположенные по р. Ик:

1 — Дубовогривское, 2 — Деуковское I, 3 — Подгорно-Байларское, 4 — Подгорно-Байларское могильник, 5 — Игимская, 6 — Русско-Шуганская III, 7 — Батраковская, 8 — Куштиряковская, 9 — Сасыкульская I, 10 — Беткинская, 11 — Какрыбашевская Верхняя, 12 — Мулино I, 13 — Япрыковская I, 14 — Мурадымовская.

Памятники, расположенные по р. Белой:

15 — Сауз I, 16 — Знарат, 17 — Шитка, 18 — Кюнь VIII, 19 — Старо-Кабановское II, 20 — Старо-Ногаевская II, 21 — Старо-Янзигитовская, 22 — Янгизнарат, 23 — Елановская, 24 — Ново-Кизгановская II, 25 — Такталачукский могильник, 26 — Уразаевская I-II, 27 — Чирковский II могильник, 28 — Медведевская, 29 — Чия-Атасевская, 30 — Ново-Надирская, 31 — Жедемекская, 32 — Балтачевская, 33 — Тартышевская III, 34 — Тартышевский I могильник, 35 — Тартышевская I, 36 — Тартышевская II, 37 — Тартышевская III, 38 — Тартышевская IV, 39 — Тартышевская V, 40 — Тартышевская VI, 41 — Тартышевская VII, 42 — Тартышевская VIII, 43 — Тартышевская IX, 44 — Тартышевская X, 45 — Тартышевская XI, 46 — Тартышевская XII, 47 — Тартышевская XIII, 48 — Тартышевская XIV, 49 — Тартышевская XV, 50 — Тартышевская XVI, 51 — Тартышевская XVII, 52 — Тартышевская XVIII, 53 — Тартышевская XIX, 54 — Тартышевская XX, 55 — Тартышевская XXI, 56 — Тартышевская XXII, 57 — Тартышевская XXIII, 58 — Тартышевская XXIV, 59 — Тартышевская XXV, 60 — Тартышевская XXVI, 61 — Тартышевская XXVII, 62 — Тартышевская XXVIII, 63 — Тартышевская XXIX, 64 — Тартышевская XXX, 65 — Тартышевская XXXI, 66 — Тартышевская XXXII, 67 — Тартышевская XXXIII, 68 — Тартышевская XXXIV, 69 — Тартышевская XXXV, 70 — Тартышевская XXXVI, 71 — Тартышевская XXXVII, 72 — Тартышевская XXXVIII, 73 — Тартышевская XXXIX, 74 — Тартышевская XL, 75 — Тартышевская XLI, 76 — Тартышевская XLII, 77 — Тартышевская XLIII, 78 — Тартышевская XLIV, 79 — Тартышевская XLV, 80 — Тартышевская XLVI, 81 — Тартышевская XLVII, 82 — Тартышевская XLVIII.

вообще не идентифицировались (1 Деуковское) ⁶. В работах более позднего времени, посвященных описанию Бирского и I Старо-Яппаровского поселений, I и II Уразаевских, Инзелгинской, II Ново-Кизгановской, Жуковской стоянок, они по традиции относились к межовскому этапу черкаскульской культуры ⁷. В публикации Юкаликулевского поселения межовские материалы уже были отделены от черкаскульских ⁸.

В настоящее время в регионе (рис. 1) известно 10 стационарных поселений с остатками построек и значительным культурным слоем, 34 сезонные стоянки, на которых собран вещевой материал, но нет сооружений (табл. 1), и примерно такое же число местонахождений керамики. Поселения межовской культуры располагались на высоких берегах рек, останцах и мысах. Пять памятников приурочены к высоким мысам, где впоследствии возникли городища раннего железного века. Площадь поселений — от 3 до 12 тыс. кв. м, мощность культурного слоя 40—60 см, насыщенность — не более 3,5 фрагмента на 1 кв. м площади памятника (Юкаликулевское поселение).

Всего на поселениях Приуралья выявлено и исследовано 19 построек (табл. 2), которые, судя по зафиксированным и раскопанным котлованам, на территории памятников располагались беспорядочно, ближе к краю террасы, за исключением Юкаликулевского поселения и пос. Тюбяк, где постройки располагались в ряд вдоль берега реки. Форма построек обычно прямоугольная или близкая к ней. Глубина котлованов от современной поверхности составляет от 70 до 195 см. По площади постройки делятся на три группы: малые — 14—16 кв. м, средние — 70—165 кв. м и большие — свыше 200 кв. м. Наиболее распространенными были средние постройки, исследованные на восьми поселениях (табл. 2), тогда как малые постройки известны только на Деуковском I поселении, а большие — на поселениях Тюбяк и Юкаликулевское. По периметру котлованы построек обычно окружены столбовыми ямками, ряды ям от столбов прослеживаются также по центральной оси построек, что позволяет реконструировать двухскатную крышу. Выход из жилища обычно был один и имел направление в сторону реки. Количество очагов иногда достигало четырех. В некоторых случаях

гиленик, 35 — Васильевская, 36 — Тарабердинская, 37 — Бирское городище, 38 — Бирское, 39 — Ахметовское I, 40 — Ахметовская II, 41 — Кереневская, 42 — Казарминская I, 43 — Шариповская, 44 — Турневская, 45 — Дуванейское, 46 — Ильмурзинская I, 47 — Кумлекулевское, 48 — Алексеевская II, 49 — Затонская II, 50 — Романовская VIII, 51 — Чесноковская I, 52 — Петровская, 53 — Чишинская, 54 — Ибрагимовская I, 55 — Утяшевская, 56 — Нижне-Тююньская, 57 — Зириковская, 58 — Курмантаевская, 59 — Инзелгинская, 60 — Орак-тау III, 61 — Красногорский I могильник, 62 — Юмаковский могильник, 63 — Юрматинский могильник, 64 — Тюбякское, 65 — Ялчинская, 66 — Юмагузинское I, 67 — Верхне-Биккузинская, 68 — Максютовское II.

Памятники, расположенные по р. Деме:

69 — Жуковская, 70 — Старо-Яппаровское I, 71 — Старо-Яппаровская III, 72 — Казангуловское Нижнее, 73 — Калиновская III, 74 — Казангуловское I, 75 — Давлекановское IV, 76 — Ново-Сипяшево.

Памятники, расположенные по р. Уфе и притокам:

77 — Усть-Айская, 78 — Сосновская, 79 — Яушевская, 80 — Нижнебраевская, 81 — Юкаликулевское, 82 — Ахуновский могильник.

Характеристика основных исследованных поселений и стоянок межовской культуры Южного Приуралья

Памятник	Топография			Площадь поселения, кв. м	Кол-во жилищных впадин	Раскопано		Автор и год раскопок
	мыс	терраса	пойма			площадь, кв. м	пост-роек	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Уразаевская I		+		1000	—	72	—	П. Н. Старости, Р. Н. Багаутдинов, 1970
Уразаевская II		+		1000	—	184		Они же, 1970, 1971
Ст. Кабаново II			+	1500	—	940	1	А. В. Збруева, 1960; В. С. Стоколос, 1968, 1969; М. Ф. Обыденнов, 1981, 1982
Ст. Янзигитово		+		3000	—	140	—	И. Б. Васильев, В. А. Иванов, 1971
Янгизнарат		+		разр.	—	92		В. А. Иванов, 1972
Балтачевская			+	разр.	—	144		Ю. А. Морозов, 1972
Ахметовское I	+			разр.	—	170		А. В. Збруева, Б. Г. Тихонов, 1957—1959
Ахметовское II	+			1000		300	1	Они же
Васильевская		+		1000		90		А. В. Збруева, 1957
Дуванейское II		+		6000		250		Г. И. Матвеева, 1968; И. Б. Васильев, 1971; Г. Н. Гарустович, М. Ф. Обыденнов, 1984
Кумлекуль	+			7000		252	1	К. В. Сальников, 1961
Бирское поселение		+		разр.		152		И. Б. Васильев, В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов, 1972
Бирское городище	+			3000		40		В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов, 1979
Инзелгинская	+			750		144		М. Ф. Обыденнов, 1974
Тюбякское		+		12000	4	968	2	Он же, 1982—1983
Юмагузинское	+			1050		468		Он же, 1982—1983
Жуковская	+			1200		66		Он же, 1973, 1983
Ст. Яппаровское I		+		5000	4	470	2	Он же, 1973, 1975, 1980
Казангуловское Нижнее			+	4000		152	1	Он же, 1980, 1981
Казангуловское I		+		3500	2	600	1	Он же, 1973, 1980; Ю. А. Морозов, 1978, 1979

1	2	3	4	5	6
Юкаликулевское	+			5000	
Подгорно-Байларское		+		4000	
Деуковское I		+		2000	
Русск. Шуганская III		+		2400	
Батраковское		+		16000	

Продолжение табл. 1

7	8	9
1308	6	В. С. Стоколос, 1970; В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов, 1979
400	1	А. Х. Халиков, 1958
680	3	А. Х. Халиков, 1968; О. А. Евтюхова, 1969
76		М. Ф. Обыденнов, 1981
328		Он же, 1981, 1984

Характеристика мезовских построек Приуралья

Поселение, № постройки	Размеры, м	Глубина котлована, см		Столб. ямки по перим.	Коэф. оч.
		в материк	от совр. поверхн.		
Ст. Кабановское	13,5x6,0	60	130	+	2
Ахметовское I	8x8	40	100	—	1
Кумлекуль	11,5x13,5	—	70	—	2
Тюбяк, п. 1	25,0x17,8	30	100	+	—
Тюбяк п. 2	17,5x9,6	65	120	+	4
Ст. Яппарово I, п. 1	10,5x9,5	115	195	—	—
Ст. Яппарово II, п. 2	14x7	—	100	+	—
Казангуловское Нижнее	15,0x6,3	—	80	+	3
Казангулово I	11x9	70	160	—	2
Подгорно-Байларское	12,0x4,5	?	?	?	—
Деуковское I, п. 1	3,5x4,5	20	70	—	—
п. 2	3,5x4,0	20	70	—	—
п. 3	2,5x3,0	22	72	—	—
Юкаликулево, п. 1	16x16	55	120	+	?
п. 4	вскрыта частично	20	115	+	?
п. 5	10x7,0	60	150	+	1
п. 6	10x12	—	100	+	1
п. 7	15x6,0	50	140	+	3

рядом с жилищем сооружались пристройки. На I Старо-Яппаровском поселении у южной стены землянки выявлено скопление столбовых ямок, возможно, от навеса или пристройки.

Мезовские жилища находят широкие аналогии в культурах бронзового века. Большие постройки полуземляночного типа распространены в приказанской и саргаринской культурах⁹.

Все известные в Приуралье мезовские поселения располагались исключительно на тех местах, где до них существовали поселения срубной культуры. Стратиграфические наблюдения на срубно-мезовских памятниках выявляют два периода жизни на них — срубный и мезовский. Следы смещения двух культур почти не фиксируются. Только на I Старо-Яппаровском и некоторых других поселениях по рекам Дема и Ик выявлена немногочисленная группа синкритической срубно-мезовской керамики, свидетельствующая о контактах срубного и пришлого мезовского населения.

Погребальный обряд населения, оставившего памятники мезовской культуры, реконструируется по материалам восьми могильников (см. рис. 1), на которых изучено 108 погребений, в том числе 98 из них выявлены на могильниках Такталачук и I Красногорском (соответственно, 62 и 36)¹⁰ (табл. 3). На этих же памят-

Характеристика погребального обряда

Таблица 3

Моги́льник	Исследо- вано		Положение костяка				Ориентировка костяков								Вторич- ные захо- ронения		Кости живот- ных		Кос- трища у мо- гил	Кол- во со- судов	Кол- во брон- зовых вещей	Автор и год раскопок
			вытянуто		скорченно		С	СВ	В	ЮВ	Ю	ЮЗ	З	СЗ	в мо- гиле	на го- ризон- те	в мо- гиле	в на- сыпи				
	на спи- не	на боку	на ле- вом	на пра- вом																		
Такталачук	7	62	4	—	15	9	3	6	29	8	—	2	1	—	7	3	16	1	1	56	11	Е. П. Каза- ков, 1969— 1976
Тартышев- ский I	2	3	—	—	3	—	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	3	1	К. В. Саль- ников, 1962. 1963
Красногор- ский I	13	36	18	2	—	1	—	—	—	—	1	—	19	—	3	10	1	1	1	6	4	В. С. Горбу- нов, М. Ф. Обыденнов, 1974
Ахуновский	2	2	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	2	—	Н. А. Мажитов, 1963
Подгорно- Байларский	1	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	1	2	—	Е. П. Каза- ков, 1969
Юрматин- ский	1	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	С. М. Васют- кин, В. И. Калинин, 1974
Юмаковский	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	2	В. С. Горбу- нов, 1982
Чишмин- ский II	1	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	Е. П. Каза- ков, 1981

никах выявлены многомогильные курганы, содержащие от 3 до 7 захоронений *. Большинство изученных погребений (52,7%) совершены по обряду труположения в неглубоких простых ямах прямоугольной или близкой к ней формы. Иногда в могилах встречаются остатки деревянного сруба или перекрытия из плах или бревен (9 погребений, из которых 6 — на I Красногорском могильнике). Характерная конструктивная особенность деревянных перекрытий, выявленных на указанном могильнике — мощное бревно, уложенное вдоль центральной оси ямы и служившее опорой для более тонкого перекрытия из веток или жердей. В одном погребении (кург. 14, погр. 6) зафиксированы остатки сруба из одного венца, поставленного вокруг могилы на уровне древней поверхности. На перекрытии могилы или внутри низкого сруба-ограды был насыпан чистый светлый песок, образовавший площадку-пробку над погребением. Положение костяков в могилах — вытянуто на спине (43,8% всех труположений), вытянуто на бок (5,2%), скорчено на левом боку (33,3%) или на правом (17,5%) боку. У некоторых костяков, положенных вытянуто на спине, кисти правых рук были уложены на таз. Этот элемент обряда известен в маклашевском Кумысском могильнике, встречается в ананьинских и переходных позднесрубных захоронениях ¹¹.

Преобладают широтные ориентировки костяков: восточная — 62,3% погребений и западная — 31,1%.

В нескольких могилах встречены захоронения костей человека, которые можно рассматривать как вторичные (25 погребений или 23,1%). Наиболее отчетливо подобные захоронения отмечены в Красногорском I могильнике. Могильные ямы со вторичными захоронениями не отличались ни по конструкциям, ни по размерам. Ориентированы по линии 3—В. Например, в погребении 2 кургана 1 человеческие кости находились в северо-западной половине могилы и лежали беспорядочно, а в погребениях 6 кургана 12 и погребении 3 кургана 14 кости были сложены аккуратно в кучку, а сверху положен череп. Вторичное захоронение костей встречено в центральном погребении кургана I Ахуновского могильника. Здесь в центре лежал человеческий череп, а недалеко от него — глиняный сосуд.

Вторичные захоронения, перекрытые насыпью кургана, встречаются не только в могилах, но и на уровне древнего горизонта. Во всех случаях вторичные захоронения вне могильной ямы представлены разбросанными человеческими костями, которые иногда сопровождалась разбитыми тут же сосудами.

Инвентарь, который сопровождал умерших, был немногочислен. На фоне обычных погребений богатством выделяется погребение 300 могильника Такталачук, где найдены сосуд, бронзовый нож, наконечник копья и три кремневых наконечника стрел. Вещи

* Наличие многомогильных курганов на могильнике Такталачук только предполагается, так как курганные насыпи там были, по-видимому, полностью распаханы.

в курганах были иногда преднамеренно испорчены при погребении. В Красногорском I могильнике все сосуды преднамеренно разбивались и их обломки найдены на значительном расстоянии друг от друга. В могильнике Такталачук у трех встреченных ножей концы были обломаны, а в одном случае (погр. 70) обломанный конец лежал рядом с ножом.

В 19% погребений встречены кости, принадлежащие крупному рогатому и мелкому рогатому скоту, реже отмечены кости лошади. Встречены кости рыб. Найденные в детских погребениях Такталачукского могильника бабки лошади, очевидно, служили для игр.

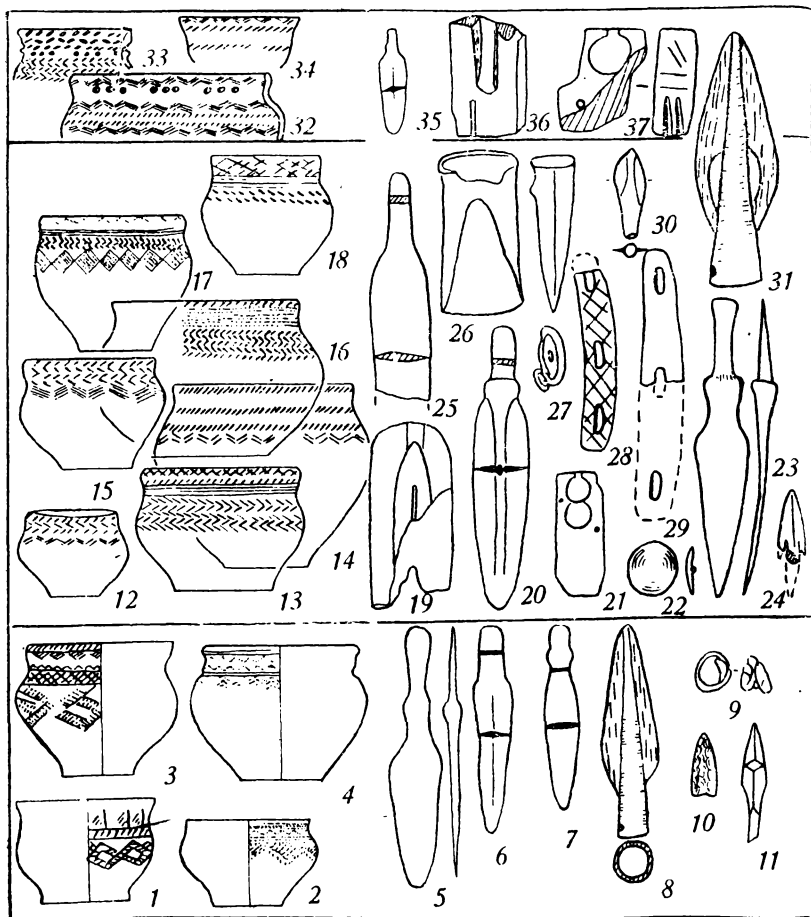
Следы огня зафиксированы в трех погребениях на трех могильниках. Это — ямы с углем, костями человека, животных и керамикой в Подгорно-Байларском и Такталачукском могильниках и трупосожжение в кургане II Красногорского I могильника в виде сажистой прослойки мощностью 15 см и размером 105 × 60 см с включением угольков и мелко раздробленных обожженных костей, в том числе обломков черепа человека.

Керамика межевских поселений и могильников не различается. Сосуды изготовлены из глины с примесью толченой раковины. Лишь на некоторых памятниках по рекам Дема и Ик (Старо-Япаровское I, Батраковское поселения и др.) встречено небольшое число фрагментов с примесью мелкого шамота или растительных остатков. С 10 стоянок происходит от 1 до 17 обломков от сосудов с примесью в глине талька. Только на Юкаликулевском поселении, расположенном близко к богатому тальком Зауралью, в составе коллекции насчитывается 17% (755 фраг.) тальковой керамики.

Проанализированные по форме 1343 сосуда с 11 памятников делятся на следующие типы: I — горшки (73%), в том числе горшки с прямой шейкой (19%), горшки с отогнутой шейкой (50%), горшки с закрытым устьем (4%); 2 — банки (17%); 3 — чаши (10%). Орнаментация межевской керамики в отличие от сложных геометрических узоров желобчатой черкаскульской посуды состоит из весьма скромных элементов: елочки, сетки, зигзага, рядов наклонных насечек (рис. 2, 1—4, 12—18, 32—34) в сочетании с валиками (до 24% сосудов на отдельных памятниках) и воротничками (до 65%) по шейке сосуда.

В развитии межевской культуры в Приуралье намечено три этапа — ранний, развитый и заключительный¹².

Погребальными памятниками раннего этапа являются Такталачукский и Тартышевский I могильники. Дата межевского Такталачукского могильника автором раскопок А. П. Казаковым была определена в пределах третьей четверти II тыс. до н. э.¹³ Предложенная дата, очевидно, верная, объясняется стремлением автора выявить в материалах могильника абашевские элементы. Значительные отличия абашевской и межевской посуды не позволяют синхронизировать обе культуры. По бронзовому ножу с упором киммерийского типа из погребения 345 (рис. 2, 5), по отмеченным Е. П. Казаковым федоровским чертам в орнаментике керамики и ножу из погребения 300 (рис. 2, 6), аналогичному Юкаликулев-

Р и с. 2. Схема развития межовской культуры южного Приуралья.

1—11 — такталачукский этап:

1, 2, 5—11 — Такталачукский могильник; 3, 4 — Тартышевский могильник.

12—31 — ахметовский этап:

12, 15 — Ахметовское I, 13 — Подгорно-Байларский могильник, 14 — Красногорский I могильник; 16, 18 — Ново-Кизгановская II, 17 — Жуковская, 19, 28 — Ахметовское I, 20, 29 — Ново-Кизгановская II, 21 — Жуковская, 22, 23, 27, 31 — Красногорский I могильник.

32—37 — быргындинский этап:

32 — Икская I, 33 — Старо-Янзигитовская, 34, 35 — Старо-Кабановское II, 36, 37 — Дуванское.

1—4, 12—18, 32—34 — керамика, 5—9, 20, 22, 23, 25—27, 30, 31, 35 — бронза, 10, 21, 37 — камень, 19, 36 — глина, 11, 24, 28, 29 — кость.

скому, время Такталачукского могильника определяется в пределах XIV в. до н. э. Сходство в пропорциях наконечника копья из погребения 300 (рис. 2, 8) с прорезными наконечниками копий типа красногорского и с озера Куяш-Огневское¹⁴, между которыми есть переходный тип с Красноплотбищенского могильника с намеченными прорезями, не оставляет сомнения, что между ними не должно быть большого хронологического разрыва. К тому же существовавший здесь Такталачукский могильник срубной культуры нельзя углублять до XVI в. до н. э., так как в этот период функционировали абашевские памятники, которые выявлены в низовьях р. Ик.

Определенное сходство в погребальном обряде межовских могильников раннего этапа Приуралья прослеживается с черкаскульскими могильниками на озере Аргази. Это наличие мелких могильных ям, скорченное положение костяков, восточная ориентировка их, бедность инвентаря, наличие одинаковых височных украшений (рис. 2, 9). Однако имеются и различия: отсутствие каменных колец, иная в целом керамика. Видимо, и черкакульские и такталачукские памятники оставлены генетически родственным населением, но имеющим отличия в материальной культуре, которые, очевидно, сложились в результате инокультурных влияний: на черкакульскую культуру — андроновской (федоровской), на приуральское население — срубной культуры. Приуральская керамика иногда содержит черты черкакульской культуры. Главным образом, это тальковая примесь в глине сосудов, а также желобчатый геометрический орнамент. На поселениях бассейна р. Дема встречено несколько сосудов, украшенных желобками и богатым геометрическим орнаментом. Отдельные сосуды такого типа отмечает Е. П. Казаков на Деуковском поселении и II Бексентаевской стоянке. Он считает возможным датировать эту керамику временем бытования в Зауралье собственно черкакульских памятников¹⁵.

Таким образом, памятники раннего этапа, названного такталачукским, датируются XIV в. до н. э. Следует отметить, что К. В. Сальников относил Тартышевский I могильник к последней четверти II тыс. до н. э.¹⁶

Несколько моложе выглядит другая группа памятников, представляющая Красногорский I и Подгорно-Байларский могильники, а также основной массой межовских поселений: Ахметовскими, Ново-Кизгановской II, Бирскими, Затонской II, Инзелгинской и др. Эту группу памятников, относительно однородную по керамическим материалам, можно называть ахметовской по поселению Ахметово I. На поселении найдена литейная форма для отливки кинжала киммерийского типа (рис. 2, 19), которая позволяет датировать керамику памятника рубежом II и I тыс. до н. э. В материалах памятников ахметовского этапа не прослеживается влияние черкакульской срубной и андроновской культур. Пожалуй, наиболее близка межовская посуда этого времени керамике саргаринской культуры. В керамике ахметовского этапа редко встречаются баночные сосуды, в то время как на раннем этапе такие формы были

распространены. Не характерная в целом для ранней межовской керамики елочная орнаментация занимает одно из ведущих мест среди основных элементов узора. На ахметовском этапе в Красногорском I могильнике заметно явное преобладание костяков с вытянутыми конечностями и западной ориентировкой. В погребениях раннего такталачукского этапа Такталачукского и Тартышевского I могильников преобладают скорченные костяки с восточной ориентировкой (табл. 3).

Для городища Зуевы Ключи, расположенного на р. Каме и исследованного под руководством В. Ф. Генинга, имеется радиоуглеродная дата, полученная по остаткам угля от сгоревших конструкций с глубины 90 см в раскопе III. Дата 3210 ± 150 получена в лаборатории Института геологии БФАН СССР, т. е. укладывается в рамки от XIV до XII вв. до н. э.¹⁷

Памятники развитого этапа датируются XIV—X вв. до н. э.¹⁸ Данная датировка хорошо подтверждается находками чернолесского типа (рис. 2, 28—29), ножами с упором (рис. 2, 19, 20, 23), бляшками с ушком (рис. 2, 21, 22), широко распространенными по лесостепи, в Поволжье и в Западной Сибири¹⁹.

Заключительный этап развития межовских памятников в Приуралье связан с проникновением в этот район населения с маклашеевской круглодонной керамикой и формированием памятников курмантаусского типа²⁰. Комплексы синкретического межовско-маклашеевского облика, вслед за Л. И. Ашихминой, считаю возможным назвать быргындинскими, а этап — быргындинским.

К этому этапу относится комплекс жилища 2 Быргындинской стоянки, Икское I, III, Старо-Янзигитовское, Старо-Кабановское II, Дуванейское, Максютинское II поселения. Среди керамики этого этапа появляется круглодонная посуда, увеличивается число чашевидных форм, по шейке сосуды украшаются рядом ямок с жемчужинами внутри, появляется шнуровой орнамент. На межовских материалах раннего и развитого этапов все эти элементы не известны.

Датировка быргындинских памятников, с одной стороны, может быть определена временем бытования маклашеевских комплексов Нижней Камы и Среднего Поволжья, которые завершают предананьинский период в этом районе, т. е. относятся к X—VIII вв. до н. э., а вероятнее всего к VIII в до н. э. С другой стороны, памятники быргындинского типа, или, иначе говоря, межовско-маклашеевские, дали начало памятникам курмантаусского типа на Средней Белой, дата которых — VIII—VI вв. до н. э.²¹ Инвентарь, встреченный на памятниках этого переходного этапа, немногочислен — литейные формы (рис. 2, 36, 37) с Дуванейского поселения, нож со Старо-Кабановского II поселения (рис. 2, 35), каменные наконечники стрел треугольной формы — и не указывает четкой даты. Поэтому абсолютная дата третьего переходного этапа может быть определена только на основании относительной датировки. К тому же нам представляется, что этот этап не должен быть продолжительным.

Межевская культура входит в круг культур, сформировавшихся в эпоху поздней бронзы на северных окраинах срубно-андроновского мира в лесостепной и южнолесной зонах. Это высококая, белогрудовская культуры на Украине, поздняяковская и приказанская в Поволжье, ирменская в Обском бассейне. Все эти культуры испытали влияние южных степных культур, но основным компонентом в их образовании чаще выступал местный. Для носителей этих культур характерно сочетание лесных и степных производственных традиций.

- ¹ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- ² Стоколос В. С. Культура населения бронзового века южного Зауралья. М., 1972.
- ³ Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- ⁴ Обьденнов М. Ф. Культура населения Южного Урала в конце бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981.
- ⁵ Збруева А. В., Тихонов Б. Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. М., 1970; Шокуров А. П. Материалы к археологической карте нижнего течения р. Белой и среднего течения р. Ик // Там же; Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала; Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.
- ⁶ Евтюхова О. А. Деуковская I стоянка // КСИА, 1973. Вып. 134. С. 91—95.
- ⁷ Васильев И. Б., Горбунов В. С. Бирское поселение // СА, 1975, № 3; Старостин П. Н., Багаутдинов Р. Н. Иманлейская и Уразавские стоянки эпохи бронзы // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981; Калинин В. К., Обьденнов М. Ф. Исследования поселений эпохи бронзы на р. Деме // Очерки истории доревوليонной России. Уфа, 1975. Вып. 3.; Обьденнов М. Ф. Новые стоянки черкаскульской культуры в Башкирии // СА, 1976, № 4; Он же. Новый памятник бронзового века на р. Деме // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976.
- ⁸ Горбунов В. С., Обьденнов М. Ф. Жилища Юкаликулевского поселения // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.
- ⁹ Халиков А. Х. Приказанская культура // САИ. В1-24. М., 1980. С. 9—12; Зданович С. Я. Поселения и жилища саргаринской культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 66.
- ¹⁰ Казаков Е. П. Памятники черкаскульской культуры в восточных районах Татарии // СА, 1979, № 1; Горбунов В. С., Обьденнов М. Ф. Курганный могильник эпохи поздней бронзы в южной Башкирии // СА, 1980, № 3.
- ¹¹ Генинг В. Ф., Старостин П. Н. Кумысские стоянки и могильник // ОНКАЭ. М., 1972. Вып. 1. С. 96; Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА, 1952, № 30. С. 113; Мамонтов В. И. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье // СА, 1980, № 1. С. 182.
- ¹² Обьденнов М. Ф. Культура населения Южного Урала... С. 10—11.
- ¹³ Казаков Е. П. Памятники черкаскульской культуры Бельско-Икского междуречья Татарии // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 84; Он же. Погребения эпохи бронзы могильника Такталачук // Древности Икско-Бельского междуречья // ОНКАЭ. Казань, 1978. Вып. 2. С. 104; Он же. О срубных могильниках в восточных районах Татарии // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 64; Он же. Памятники черкаскульской культуры... С. 157.
- ¹⁴ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. С. 361, рис. 58, 9.
- ¹⁵ Казаков Е. П. Памятники черкаскульской культуры... С. 159.
- ¹⁶ Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. С. 371.
- ¹⁷ Яхимович В. Л., Пшеничнюк В. С., Кикеев И. Д., Шестопал Я. Л. Радиоуглеродные даты, полученные лабораторией Института геологии Башкир-

ского филиала АН СССР // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. М., 1974, № 42. С. 205, 222.

¹⁸ Ср: *Обыденнов М. Ф.* Новые стоянки черкаскульской культуры... С. 118—120; *Горбунов В. С., Обыденнов М. Ф.* Курганный могильник ... С. 182.

¹⁹ *Халиков А. Х.* Древняя история Среднего Поволжья, рис. 55, 133, 173, 178; *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. IV. Еловско-ирменская культура. Томск, 1974, табл. 5.

²⁰ *Ашихмина Л. И.* Поселения эпохи бронзы и раннего железа на Средней Каме // Археологические памятники эпохи палеометалла в среднем Приуралье. Сыктывкар, 1978. С. 53.

²¹ *Иванов В. А.* Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1978. С. 12; *Он же.* Проблема культуры курман-тау // Приуралье в эпоху бронзы и железа. Уфа, 1982. С. 70; и др.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ

За последнее десятилетие в области изучения эпохи раннего железа Южного Урала достигнуты определенные успехи. Как и в предыдущие годы, исследования велись на широкой территории с охватом как северных лесных, так и южных степных и лесостепных районов. Возобновлены, хотя и незначительные пока по масштабам, работы в горно-лесной зоне.

Предшествующими исследованиями установлено, что в начальный период раннего железного века территория бассейна низовьев р. Белой была заселена племенами ананьинской культурной общности, являвшейся одним из крупнейших этнокультурных объединений этого периода в Восточной Европе. Бассейн р. Белой, особенно ее среднее течение, являлся периферией ананьинской культуры. Ананьинские памятники на этой территории по-прежнему очень малочисленны, за последние годы количество их не увеличилось.

Неоднократно ставился вопрос об отнесении части поселений с керамикой, орнаментированной пояском ямок по шейке, к докара-абызскому времени, к периоду развитого ананьина — VI—IV вв. до н. э. (А. Х. Пшеничнюк, В. А. Иванов). Хотя и небогатый, но очень характерный для развитого ананьина материал могильников по ул. Тракторной в г. Уфе¹ и Старшего Шиповского, расположенного в 30 км южнее г. Уфы, на правобережье р. Белой², в известной мере подтверждает эту мысль, тем не менее население этого периода в бассейне среднего течения р. Белой представляется очень малочисленным.

В IV в. до н. э. количество памятников на этой территории резко возрастает, что, безусловно, свидетельствует об увеличении населения. На базе немногочисленного ананьинского населения и пришлых гафурийских племен формируется яркая и самобытная кара-абызская культура.

В последние годы материал по кара-абызской культуре значительно пополнился за счет раскопок известных поселений Гафурийского района и Охлебининского могильника. В Гафурийском районе произведены раскопки на Михайловском, Касьяновском, Табынском городищах, селище Курман-Тау. Полученные материалы показали, что все эти памятники однослойные, относятся к раннему периоду кара-абызской культуры³. Ранее предложенная классификация и

процентное соотношение керамических типов полностью подтвердилось. На селище Курман-Тау, Михайловском, Касьяновском городищах полностью преобладает кара-абызский тип керамики. Посуда так называемого гафурийского типа составляет всего 1%. В то же время на Табынском городище гафурийской керамики больше 70%, а на Курмантаевском — керамический материал вообще представлен только одним гафурийским типом. Вероятно, эти две группы населения, местная, потомки ананьинских финно-угорских племен, и пришлая («гафурийцы») какое-то время мирно соседствовали. Шел активный процесс взаимоассимиляции и формирования единого этноса.

Наиболее значимые данные в области изучения кара-абызской культуры получены в результате трехлетних раскопок Охлебининского могильника, расположенного в Иглинском районе, примерно в 45 км южнее г. Уфы, на правом берегу р. Белой. Вместе с раскопками 1965 г.⁴ сейчас исследовано 635 погребений. Определены в основном границы памятника. Примерная площадь могильника составляет не менее 50 тыс. кв. м, раскопанные участки не превышают 5—6% всей площади некрополя, а общее количество погребений определяется в 10—15 тыс. Судя по всему, это самый большой в Урало-Поволжском регионе некрополь эпохи раннего железа.

Ранние погребения Охлебининского могильника датируются началом IV в. до н.э., поздние — III в. н.э. Удалось твердо установить, что могильник заполнялся непрерывно с IV в. до н.э. по III в. н.э., т.е. существовал в течение семи веков. Большое количество исследованных погребений, значительный промежуток времени, в течение которого функционировал могильник, частые случаи перекрывания одной могилы другой, богатые наборы сопровождающего инвентаря служат надежным материалом для установления относительной и абсолютной хронологии могильника, выделения хронологических стадий. В силу перечисленных обстоятельств Охлебининский могильник может стать опорным для установления хронологии памятников оседлых племен эпохи раннего железа всего Урало-Поволжского региона. Очень важным в этом плане является сочетание в одних и тех же погребальных комплексах сугубо местных прикамских (финно-угорских) предметов с надежно датируемыми вещами южного происхождения, такими как бусы, наконечники стрел, отдельные типы мечей и кинжалов, височных подвесок.

Предварительный анализ погребального инвентаря позволяет выделить 4 хронологических группы (стадии). В свое время в кара-абызской культуре на основе материалов могильников мной было выделено 3 этапа: 1) IV—III вв. до н.э.; 2) III—II вв. до н.э. и 3) конец II в. до н.э.—II в. н.э.⁵ Раскопки последних лет Охлебининского могильника дают основания выделять и более поздние погребения — II—III вв. н.э.

Ранняя группа погребений, IV—III вв. до н.э., на Охлебининском могильнике очень невелика, насчитывает всего 13 погребений.

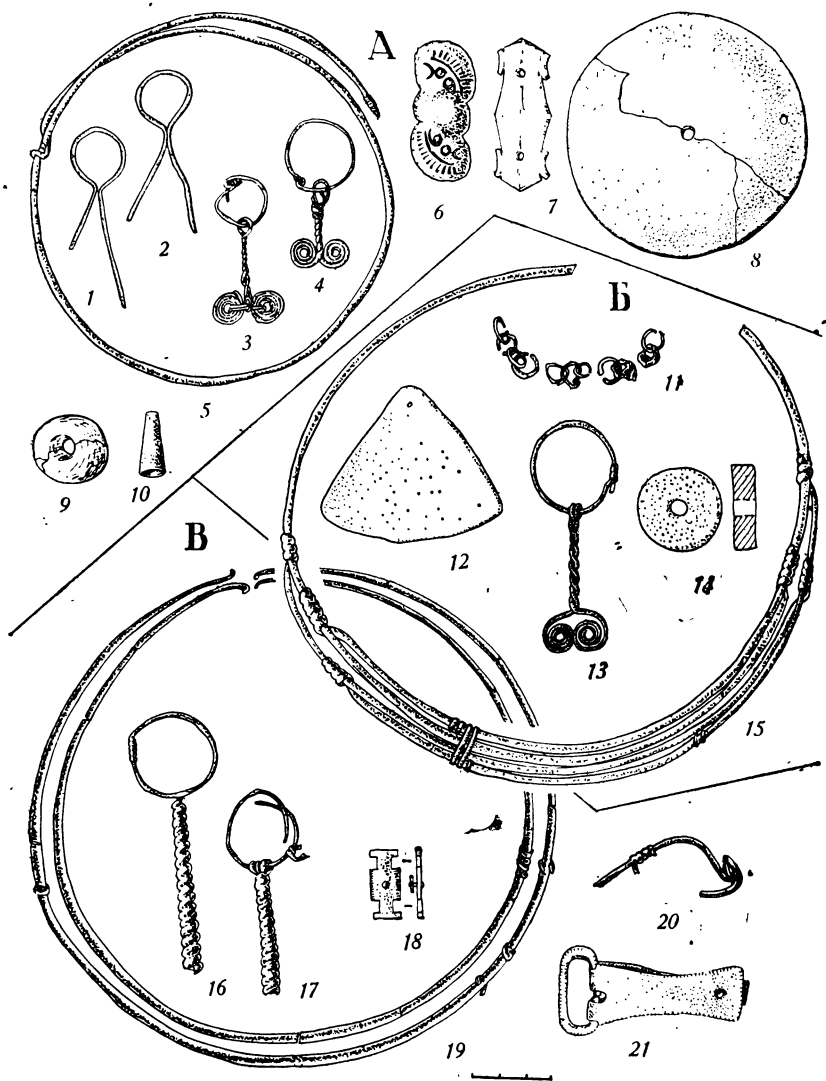
Несколько больше погребений следующей хронологической группы — III—II вв. до н. э. В раскопках 1965 г. они не были выявлены. Сейчас их известно более 25. Мужские погребения выделяются главным образом по бронзовым наконечникам стрел, а женские — по височным кольцам в 1,5 оборота, поясным сложным пряжкам подпрямоугольной формы и целому набору бронзовых украшений, имеющих почти полное сходство с комплексами Биктимировского могильника, дата которого хорошо определяется III—II вв. до н. э.⁶

Основную массу исследованной части могильника составляют погребения третьей хронологической группы — конец II в. до н. э. — II в. н. э.

Четвертая группа погребений, датирующаяся концом II—III вв. н. э., немногочисленна — около 60 погребений. Эта группа выделяется впервые. О III в. н. э. для кара-абызской культуры говорится еще в связи с исследованиями Шиповского могильника. Найденные в погребениях восточной окраины могильника бронзовые пряжки с подвижным язычком, двулезвийный меч без перекрестия и навершия, остатки поясных ремней с ромбическими и прямоугольными накладками, височные кольца с крючками-замочками, бронзовая фибула с ромбической спинкой по аналогии с поздне-сарматскими памятниками и отчасти с памятниками мазунинской культуры III—V вв. были датированы нами II—III вв. н. э.⁷ Тогда казалось, что Шиповский грунтовый могильник единственный погребальный памятник кара-абызской культуры, захватывающий и III в. н. э. В известных к тому времени Биктимировском, Ново-Уфимском, да и в Охлебининском могильниках погребения позже II в. н. э. не были выявлены. Считалось, что на рубеже II—III вв. н. э. кара-абызская, как и пьяноборская, культура прекратила свое существование, их сменили мазунинская и азелинская.

Раскопками последних лет в Охлебинино также выявлены погребения конца II—III вв. н. э., аналогичные во многом поздним захоронениям Шиповского могильника. В основном они сосредоточены в западной части могильника. Подавляющее большинство категорий вещей погребальных комплексов этой группы характерно и для предшествующей хронологической группы — конца II в. до н. э. — II в. н. э. В то же время появляется и ряд новых предметов, многие категории вещей претерпевают значительные типологические изменения. Для женских погребений следует указать прежде всего на появление бронзовых дрововых гривн. В кара-абызских могильниках, в том числе и в Охлебининском, гривны встречались в комплексах IV—III вв. до н. э. Во всех случаях они изготовлены из толстого в сечении бронзового прута. Затем гривны надолго исчезают и вновь появляются лишь в погребениях конца II—III вв. н. э. Гривны из поздних комплексов изготовлены из тонкого дрота, иногда из 2—3 прутков, скрепленных между собой в виде диадемы.

К предметам женских украшений, появившимся в этот период, следует отнести также бронзовые цепочки простого плетения (рис. 1,

Р и с. 1. Материал из женских погребений Охлебининского могильника.

А — погр. 191; Б — погр. 444; В — погр. 485.
 1—4, 13, 16—17 — височные подвески; 5, 15, 19 — гривны; 6—7, 18 — поясные накладки;
 поясная бляха; 9—14 — пряслица; 10, 12 — подвески; 11 — цепочка; 20 — фибула;
 пряжка.
 1—6, 8, 10—13, 15—21 — бронза; 7 — кость; 9, 14 — глина.

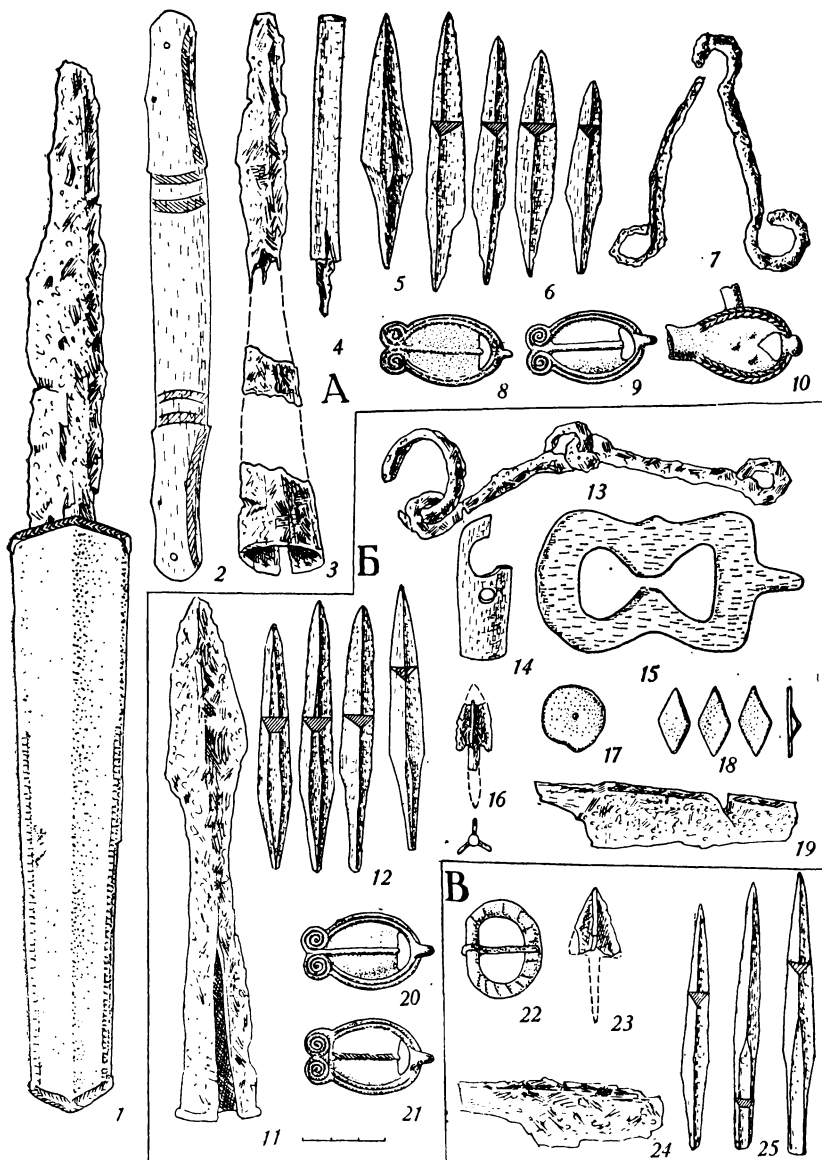
11), бронзовые поясные накладки прямоугольной формы с двумя фасетками (рис. 1, 18), маленькие конусовидные подвески (рис. 1, 10): Меняется форма такого характерного для кара-абызских могильников украшения, как височные подвески. Распространение получают очковидные подвески (рис. 1, 3—4, 13) и подвески в виде колечка с прикрепленной к нему витой спиральной трубицей (рис. 1, 16—17). Продолжают употребляться петлевидные и трапециевидные подвески (рис. 1, 1—2, 12), появившиеся еще в предшествующий период.

Показательными для этого периода являются комплексы женских погребений: 191—поясная бляха с отверстием в центре, поясные накладки со стилизованным изображением голов лошадей, среди них одна фигурная костяная накладка, бронзовая гривна, очковидные и петлевидные височные подвески, глиняное пряслице, конусовидные подвески (рис. 1а); 444—очковидные подвески, стеклянные бусы, трехдротовая гривна, цепочка, глиняное пряслице, трапециевидная подвеска (рис. 1б); 485—височные подвески в виде колечка с опущенной спиральной трубицей, двудротовая гривна, лучковая фибула с подвижным приемником, поясные прямоугольные накладки с фасетками (рис. 1в).

Мужские погребения этого периода выделяются главным образом по костяным черешковым наконечникам стрел. В предшествующий период использовались почти исключительно железные трехлопастные черешковые наконечники. В комплексах конца II—III вв. н.э. они также изредка встречаются, но, как правило, вместе с костяными и по одному экземпляру. Причем головки этих стрел имеют гораздо большие размеры, что указывает на их позднюю дату⁸. Изредка в погребениях этого периода встречаются остатки поясов с бронзовыми накладками ромбической формы, бронзовые пряжки с подвижным язычком, маленькие бронзовые пластинчатые пряжки овальной формы с неподвижным крючком и небольшой припаянной сбоку трубочкой, служившие, видимо, для пристегивания кинжалов к поясу. Несколько видоизменяются обувные пряжки-застежки, костяные пряжки.

Примером поздних мужских погребений могут служить комплексы могил: 430—железный однолезвийный кинжал с бронзовым наконечником ножен, 5 костяных черешковых наконечников стрел, костяная пластинчатая накладка с изображением на концах головы лося (?), железные двусоставные удила, бронзовая пластинчатая пряжка овальной формы с неподвижным крючком и трубочкой сбоку, 2 бронзовые пластинчатые обувные пряжки, нож, шило с костяной рукоятью (рис. 2а); 479—костяная пряжка, железный наконечник копья, 5 костяных и один железный черешковый наконечник стрел, железные удила с дополнительными кольцами, поясные накладки ромбической формы, нож, шило, обувные пластинчатые пряжки (рис. 2б); 515—бронзовая пряжка с подвижным язычком, нож, 6 костяных и I железный черешковый наконечники стрел (рис. 2в).

Следует отметить, что четкой границы между погребениями

Р и с. 2. Материал из мужских погребений Охлебининского могильника.

А — погр. 430; Б — погр. 479; В — погр. 515.
 1 — кинжал; 2 — накладка; 3, 11 — наконечники копий; 4 — шило; 5—6, 12, 16, 23, 25 — наконечники стрел; 7, 13 — удила; 8—10, 15, 20—21, 22 — пряжки; 14 — уздечная обойма; 17 — бляшка; 18 — поясные накладки; 19, 24 — ножи.
 1 — железо, бронза; 2, 5—6, 12, 14—15, 25 — кость; 3, 7, 11, 13, 16, 19, 23—24 — железо; 4 — железо и кость; 8—10, 17—18, 20—22 — бронза.

III и IV вв. хронологических стадий нет. Далеко не всегда можно уверенно отнести то или иное погребение к I—II вв. н.э. или же к концу II—III вв. н.э., особенно это касается погребений с бедным набором инвентаря. В данном случае важно подчеркнуть, что Охлебининский могильник, как и кара-абызская культура в целом, охватывает III в. н.э., во всяком случае его первую половину. Убедительно свидетельствуют об этом бронзовые пряжки с подвижным язычком и бронзовые лучковые фибулы, широко распространенные в позднесарматских могильниках, бронзовые цепочки простого плетения, поясные накладки ромбической формы и прямоугольные с фасетками, богато представленные в памятниках мазунинской культуры III—V вв. н.э.⁹ Вполне возможно, что какое-то, вероятно, очень непродолжительное, время кара-абызская и сформировавшаяся преимущественно на ее основе в более северных районах мазунинская культуры сосуществовали.

Близкую картину дают и могильники пьяноборской (чегандинской) культуры. О рубеже II—III вв. н.э. и даже начале III в. поздних погребений пьяноборской культуры писал В. Ф. Генинг¹⁰. Богатый материал по позднему пьяноборью дал Ново-Сасыкульский могильник, расположенный в северо-западной Башкирии. Найденные в комплексах этого могильника многожгутовые эполетообразные застежки и особенно лучковые фибулы позволяют уверенно датировать поздние погребения III в. н.э.¹¹

Вывод о III в. н.э. для пьяноборской культуры вовсе не означает, что возникла необходимость омоложения культуры в целом, определяя ее нижнюю дату концом II в. до н.э.¹² Действительно, основная масса известных пьяноборских погребений, как, между прочим, и кара-абызских, относится ко II в. до н.э.—II в. н.э. Но в то же время есть немало погребений, инвентарь которых по южным аналогиям твердо датируется временем развитой прохоровской культуры — III—II вв. до н.э. Имеются в виду прежде всего бронзовые наконечники стрел, хронология которых разработана очень убедительно. Такие погребения встречаются в могильниках Уяндыкском, Юлдашевском. Причем это не 1—2 наконечника в колчанах вместе с костяными или железными, что могло бы рассматриваться как случайное явление, а целиком колчан состоял только из бронзовых стрел¹³. общепринятая нижняя дата пьяноборской (чегандинской) культуры — III в. до н.э. является, на мой взгляд, вполне обоснованной.

Итоги исследований сарматских памятников южных районов Башкирии подведены мной в специальной работе¹⁴. В последние годы раскопкам подвергнут лишь один памятник сарматской культуры на территории Башкирии — Дербеневский могильник, расположенный в Мелеузовском районе на правом берегу р. Белой. Могильник очень компактный, насчитывает около 100 небольших курганов. Раскопано 30 насыпей, под которыми оказались захоронения позднесарматской культуры II—III вв. н.э. По погребальному обряду, вещевому материалу могильник полностью аналогичен Салиховским¹⁵ и II Ахмеровским¹⁶ курганам, расположенным

также на правом берегу р. Белой в 40—60 км севернее Дербеневских. Памятники представляют значительный интерес в связи с их этнокультурной интерпретацией. Авторы раскопок Салиховских и II Ахмеровских могильников видели в них сарматов, подвергшихся сильному влиянию местного финно-угорского населения¹⁷. Г. И. Матвеева, касаясь материалов II Ахмеровского могильника в связи с вопросом о происхождении именьковской культуры, также считает их смешанным, но в отличие от С. М. Васюткина второй «несарматский» компонент связывает не с местным финно-угорским населением, а с пришлыми с запада потомками зарубинецких племен¹⁸.

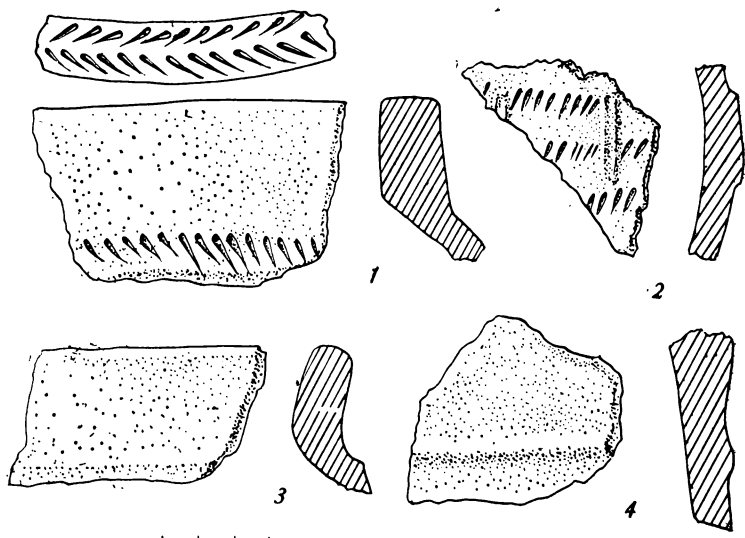
Материалы Дербеневского могильника, как и Салиховских и II Ахмеровских курганов, полностью согласуются, на мой взгляд, с точкой зрения об их принадлежности к позднесарматской культуре. Проявляющиеся «несарматские» черты очень незначительны, и их стоит отнести за счет местного населения, оставившего памятники убаларского, а позднее имендьяшевского типов.

Памятники среднесарматского и позднесарматского периодов на территории Западного Приуралья по-прежнему очень малочисленны. Сосредоточение в этот период населения на правом берегу р. Белой (кара-абызская культура, упомянутые позднесарматские могильники) и, наоборот, запустение территории левобережья Белой объясняется, по всей вероятности, какими-то серьезными природно-климатическими изменениями.

Определенный интерес для изучения истории сарматских племен Зауральских районов Башкирии представляет открытое в 1983 г. Ю. А. Морозовым поселение близ д. Тайсара Абзелиловского района. На низкой распахиваемой террасе правого берега р. Малый Кизил собрана небольшая коллекция керамики с примесью талька в тесте, утолщенный венчиком, резным и желобчатым орнаментом (рис. 3)*. По форме, фактуре и орнаменту она аналогична керамике зауральских поселений воробьевского и гороховского типов¹⁹, а также гафурийской тальковой керамике Приуралья²⁰. Одновременно она близка посуде расположенных в этом же районе курганных могильников позднесавроматского и раннепрохоровского времени, таких, например, как Булатовские, II Сибайские, Альмухаметовские, Переволочанские курганы²¹.

Открытие Тайсаровского поселения заставляет с нескольких позиций рассматривать хозяйственную деятельность ранних кочевников восточных склонов Южного Урала, в частности, учитывать их определенную, вероятно, сезонную оседлость, одновременно это сближает памятники этой территории с поселениями и могильниками Зауральской лесостепи. Эта близость объясняется видимо, как сходными природно-климатическими условиями, создавшими единый хозяйственный уклад, основу которого составляло полукочевое скотоводство, так и тесными этнокультурными

* Выражаю благодарность Ю. А. Морозову за предоставленный материал.

Р и с. 3. Образцы керамики с Тайсаровского поселения.

контактами и участием зауральского, в широком смысле слова, населения в формировании культуры южноуральских сарматов ²².

Распространено мнение, что сарматское общество по своему экономическому базису и общественной организации было значительно ниже и примитивнее по сравнению с соседними кочевыми объединениями. Основанием для таких утверждений служит отсутствие среди сарматских погребальных памятников «царских» курганов со сложными могильными сооружениями и богатством погребального инвентаря, таких как знаменитые скифские курганы Чертомлык, Куль-Оба, Солоха, Толстая могила, Гайманова могила, сакский курган «Иссык», курганы «сибирских» скифов Пазырык, Башадар, Аржан и другие, ослепляющие блеском золота. Среди исследованных до сих пор сарматских памятников Южного Урала таких курганов пока нет. Но это не означает, что их не было у сармат вообще. Курганы больших размеров, достигающие высоты 4—5 м, нередко в степях Оренбургской области. Группа таких курганов находится близ г. Орска. Курганы высотой до 8—10 м известны близ д. Филипповки Илекского района. На западе Уральской области, территория которой в эпоху раннего железа также была заселена сарматскими племенами, известны курганы высотой до 16 м. Наиболее вероятна сарматская принадлежность этих погребальных сооружений, и есть все основания ожидать открытия в них богатых захоронений типа «царских». Раскопки этих курганов могут послужить одним из важных источников в изучении социальной истории сарматов. Находясь практически в центре ог-

ромного, преимущественно ираноязычного, кочевого мира, простиравшегося от Монголии до Дуная, сарматские племена не представляли, на мой взгляд, какого-либо исключения. В основе сарматы находились на той же стадии раннеклассовых образований, что и соседние кочевые племена.

¹ Ахмеров Р. Б. Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК, 1952. Вып. 48.

² Пишеничнюк А. Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982.

³ Пишеничнюк А. Х. Новые материалы с поселений Гафурийского района // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.

⁴ Пишеничнюк А. Х. Охлебининский могильник // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3.

⁵ Пишеничнюк А. Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Уфа, 1973. Т. 5. С. 170—172.

⁶ Пишеничнюк А. Х. Биктимировский могильник // АЭБ. Уфа, 1964. Т. 2.

⁷ Пишеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 75—77.

⁸ Абрамова М. П. Сарматская культура II в. до н.э.—I в. н.э. // СА, 1959, № 1. С. 63; Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971. С. 40—41.

⁹ Останина Т. И. Два памятника мазунинской культуры в Центральной Удмуртии // Поиски, исследования, открытия. Ижевск, 1984, табл. 1, 1—2; 15, 13; 16, 13.

¹⁰ Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Ижевск, 1970, Вып. 10. С. 89—90.

¹¹ Васюткин С. М., Калинин В. К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986.

¹² Агеев Б. Б. К вопросу о нижней дате пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976.

¹³ Пишеничнюк А. Х. Памятники ананьинской и пьяноборской культур в низовьях р. Белой // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986; *Он же*. Юлдашевский могильник // Там же.

¹⁴ Пишеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. М., 1983.

¹⁵ Сальников К. В. К вопросу об этническом составе населения южной Башкирии в середине I тыс. н. э. // СА, 1958, № 3; Васюткин С. М. Новые материалы по археологии раннего средневековья Башкирии // АО 1967 года. М., 1968.

¹⁶ Васюткин С. М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.

¹⁷ Сальников К. В. Указ. соч. С. 32; Васюткин С. М. II Ахмеровский курганный могильник... С. 89.

¹⁸ Матвеева Г. И. О происхождении именевской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 71.

¹⁹ Сальников К. В. Городище «Чудаки» Челябинской области (по раскопкам 1937 г.) // СА, 1947 № 9; *Он же*. Исетские древние поселения // СА, 1956. № 25.

²⁰ Пишеничнюк А. Х. Кара-абызская культура..., рис. 25—26.

²¹ Пишеничнюк А. Х. Культура ранних кочевников..., табл. ХХIX, 8; ХХХVIII, 7—8; Х III, 34—35; Х VII, 10—12.

²² Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974. С. 48—50.

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ НАСЕЛЕНИЯ ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Социально-экономическое развитие населения среднего течения р. Камы на рубеже нашей эры привело к формированию пьяноборского союза племен, в котором, по мнению исследователей, наблюдается процесс значительной имущественной и социальной дифференциации¹.

В последние годы В. А. Ивановым высказано сомнение в уровне социально-экономического развития, степени социального расчленения финно-угорского населения и существования в Прикамье племенных объединений². Однако приведенные им аргументы не представляются убедительными, а поскольку затронутые проблемы имеют важное значение не только для понимания истории племен Прикамья эпохи раннего железа и средневековья, но и для освещения истории финноязычного населения Волго-Уральского региона в целом, ниже мы подробнее рассмотрим некоторые аспекты возникновения союзов племен.

1. Демографический аспект. В настоящее время известно 45 пьяноборских городищ³. Сведения о размерах (площади) имеются для 36, о мощности культурного слоя для 32 из них. Площадь 4 городищ до 1000; 9—4 000; 7—6 000; 6—8 000; 3—10 000; 4—15 000; 3—30—40 000 кв. м. Культурный слой до 20 см встречен на 9 поселениях, до 30— на 6, до 40— на 11, раскопками и разведочными шурфами на 13 городищах зафиксирована его мощность в 40—50 см. На ряде городищ напластования с культурными остатками на их склонах доходили до 100—200 см (Быргындинское II, Верхне-Машкаровское, Верхне-Малиновское). На городище Чеганда I в углублении с внутренней стороны вала культурный слой доходил до 4 м, на площадке он составлял 40—70 см⁴. На Серенькином городище (раскопки В. А. Иванова и автора) его мощность в северной части составляла 40—50 см, в южной—140 см. В целом культурный слой в 30—50 см, видимо, является для пьяноборских городищ значительным. Во-первых, многие из них, по мнению исследователей, не были постоянно обитаемы: население на них появлялось в случае опасности и, видимо, в осенне-зимний период. Это диктовалось чисто практическими соображениями: близость к лесу, к охотничьим угодьям. Во-вторых, часто культурный слой использовался для насыпки валов (Чеганда I, Юлдашевское и другие городища) и засыпки рвов, что замечено В. А. Ивановым

при анализе оборонительных сооружений. В-третьих, населением практиковался обычай выбрасывать отходы на склоны городищ, а золу ссыпать на определенных участках. В весенне-летний период население, видимо, перемещалось в поймы рек: поближе к рыбным угодьям, пастбищам и к участкам обрабатываемой под посевы земли. Это подтверждает сделанная ниже выборка из приведенных В. Ф. Генингом памятников⁵ по следующим признакам: 1) мощность культурного слоя и его насыщенность находками; 2) площадь памятника, при отсутствии данных — протяженность распространения находок и 3) топография памятника. Памятники, с которых происходят разведочные сборы, но отсутствуют данные по двум из трех признаков, не учитывались. Выяснилось, что мы располагаем достоверными данными по 21 поселению. Большинство из них расположено на невысоких надлуговых террасах рек или стариц, преобладают поселения площадью в 4—10 000 кв. м и культурным слоем в 30—40 и более сантиметров. Наряду с небольшими поселениями существовали селища площадью в 45 000, 150 000 и 250 000 кв. м с культурным слоем 30—40 см (Тойгузинское II, Актанышское II и Подгорно-Байларское II). Для освещения демографического аспекта проблемы большое значение имеют могильники (в настоящее время известно 31). На полностью исследованных могильниках количество погребений различно. Так, емкость могильника Чеганда II, по мнению В. Ф. Генинга, составляла около 400 погребений, III Кушулевского — 324, Ныргында II — 308, Сасыкульского — 418, II Деуковского — 48. Интересен факт нахождения рядом синхронных могильников (I и II Пьяноборские, I и II Уяндыкские, I и II Деуковские, II и III Кушулевские, Камышлы-Тамакские), свидетельствующий о том, что они использовались двумя группами населения, обитавшими недалеко друг от друга.

Таким образом, данные поселений и могильников подтверждают мнение исследователей о значительной концентрации населения по среднему течению р. Камы.

II. Природно-хозяйственный аспект. Соответствует ли демографическая емкость ландшафта концентрации населения, наблюдаемой в пьяноборской культуре? Видимо, да.

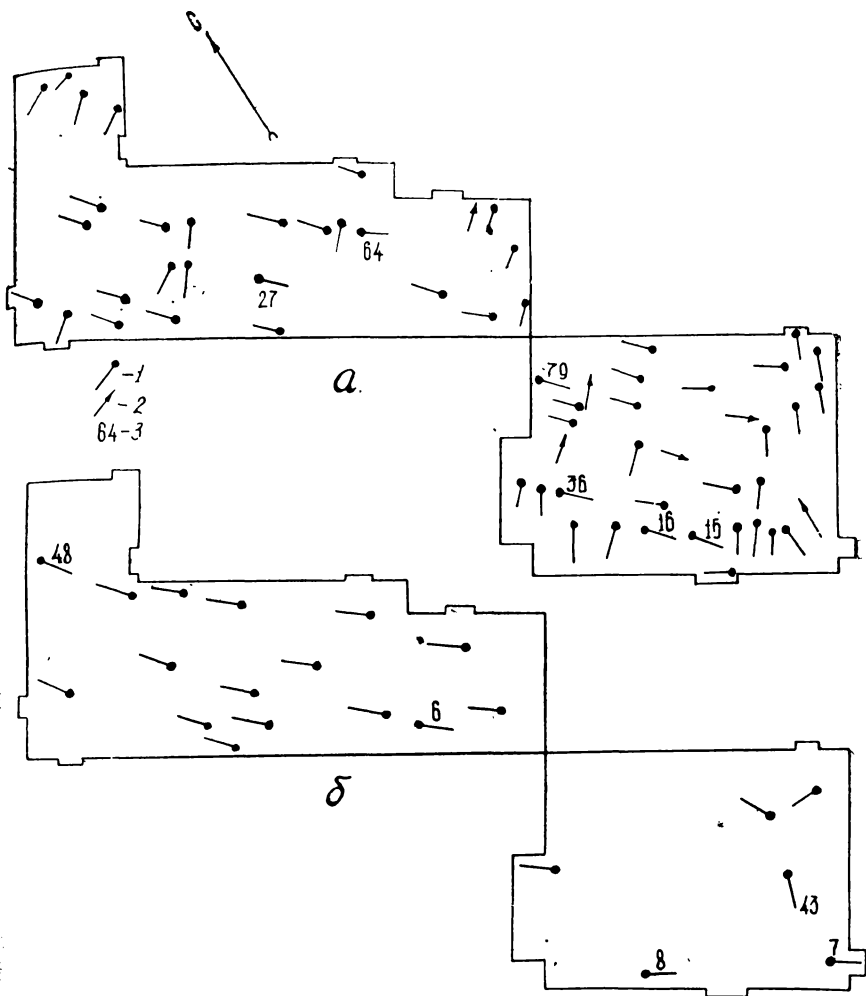
Во-первых, при ее несоответствии, как известно, происходит сегментация рода или племени и часть населения вынуждена мигрировать в незаселенные районы. На археологическом материале переселение пьяноборских племен в необжитые области в рассматриваемое время не фиксируется. Зато четко прослеживается миграция позднепьяноборского (азелинского) населения в IV в. в Волго-Вятское междуречье. Однако это перемещение было связано не с нарушением демографической емкости ландшафта, а с историческими событиями, связанными с Великим переселением народов⁶. Материалы могильников (Чеганда II, Ныргында II, Юлдашевский, II, III Кушулевский, I Уяндыкский, Суюндюковский, Урманавский) свидетельствуют об их одновременности. На всех этих могильниках в различных соотношениях представлены как ранние

так и поздние погребения. Известны полностью исследованные (Ныргында I, Сасыкульский I) могильники, на которых погребения раннего этапа отсутствуют. Этот факт вполне объясним процессом сегментации рода (племени?); выделившееся из него население обосновалось на новой территории и оставило могильники следующего этапа культуры. Однако эти перемещения были на небольшом расстоянии, носили локальный характер и, возможно, происходили на территории расселения одного и того же племени. Появление памятников по верхнему течению р. Ик, в которых отсутствуют наиболее ранние комплексы, говорит о сравнительно дальних миграциях избыточного населения на территории культуры.

Во-вторых, пьяноборская культура локализуется в благоприятном для жизнедеятельности человека климатическом и географическом районе — зоне смешанных лесов и лесостепи. Занимая сравнительно небольшую площадь, пьяноборская культура была окружена большими незаселенными пространствами, что подтверждается отсутствием синхронных пьяноборской культуре памятников на востоке до р. Волги, на западе — р. Уфы. По всей вероятности, охотничьи угодья пьяноборского населения занимали обширную территорию. Однако охота, по мнению исследователей, имела подсобное значение как средство добычи дополнительных запасов пищи. В питании населения зоны смешанных лесов преобладала продукция животноводства: свинина, затем мясо лошади, далее крупного и мелкого рогатого скота⁷. Возможно, уменьшение в рационе питания мяса лошади по сравнению с более северной таежной подзоной, где оно, по наблюдению А. Г. Петренко, играло главную роль наряду с мясом крупного рогатого скота, связано с применением лошадей в качестве тяговой силы при обработке почвы. К сожалению, орудий земледелия, кроме зернотерок, на пьяноборских поселениях не найдено. Находки злаков известны в двух пунктах Прикамья. На Ново-Кабановском городище ананьино-пьяноборского времени, расположенном в нижнем течении р. Белой, найдены зерна полбы, на Осинском, находящемся в 160 км севернее, — зерна полбы, мягкой и карликовой пшеницы, ячменя, овса. Последний не являлся самостоятельной культурой, а был засорителем посевов. Определенный состав сорных растений, а также весьма широкий ассортимент выращиваемых культурных растений, по мнению Ю. А. Краснова, говорит о наличии старопашотных почв и относительно высоком уровне (подчеркнуто мною. — А. Б.) земледельческого хозяйства, что несовместимо с представлением о подсеке как господствовавшей, а тем более единственной системе земледелия⁸. По всей вероятности, пьяноборскому населению, кроме подсечно-огневого земледелия, были известны и краткосрочные перелогы, когда участок не обрабатывался в течение определенного времени, а затем население возвращалось к нему. Именно этим можно объяснить расположение памятников «гнездами» или «кустами», которые были интерпретированы на основании материалов могильников как племенные территории⁹.

Таким образом, одновременность большинства могильников, наличие поселений со значительным культурным слоем и имеющиеся факты по хозяйству свидетельствуют лишь о небольших перемещениях внутри племенных территорий и культуры, длительном использовании населением природных ресурсов отдельных участков.

III. Социально-экономический аспект. На небольшой территории по среднему течению р. Камы сосредоточено 45 городищ, 31 могильник, 83 селища и многочисленные местонахождения кладов, отдельных предметов. Несмотря на необычайное однообразие материальной культуры, на этой территории наблюдаются некоторые различия в деталях женского костюма, ориентировке погребенных, на основании которых было выделено два варианта пьяноборской культуры¹⁰. Два варианта выделены и А. Х. Пшеничнюком в кара-абазыской культуре¹¹. Ю. А. Поляковым в гляденовской культуре выделено 8 обособленных групп памятников, представляющих племенные территории¹². Наличие локальных вариантов, племенных территорий свидетельствует о более крупном объединении, чем племя — союзе племен. Появление постоянных объединений племен в Прикамье было обусловлено самим процессом исторического развития местного населения. Несомненно, что в возникновении их определенную роль играла внешняя опасность, но, как правило, такие объединения при отсутствии угрозы извне распадались. Поэтому объединения прикамского населения следует рассматривать не как политический союз племен, а как конфедерацию, союз или группу племен, имеющих общее происхождение, язык, идеологию, территорию и стоящих на одном социально-экономическом уровне развития. Концентрация и рост населения привели к усилению кровнородственных отношений, которые диктовались не только общностью происхождения, но и дуально-экзогамными брачными связями, при этом участвующие роды (фратрии?) считались состоящими в тесных родственных отношениях, родственниками, что зафиксировано у многих народов. Согласно этнографическим данным, женщина, перейдя в новый род, кроме атрибутов собственного (украшения и т. д.), приобретала и символы нового рода¹³. По всей вероятности, их должны были хоронить по обряду тех родов, из которых они происходили. Интерес в этом плане представляет Камышлы-Тамакский могильник, антропологический материал которого обработан М. С. Акимовой. На первый взгляд создается впечатление, что погребения на территории могильника располагаются беспорядочно, хотя в расположении некоторых могил исследователи усматривают ряды¹⁴. Деление погребений по полу и ориентировке показало, что женские могилы ориентированы на юго-восток и северо-восток (рис. 1а). Отклонение от этого правила составляют погребения 15, 16, 27, 36, 64, 79, в которых умершие лежали на северо-запад. В двух могилах (15, 36) были захоронения женщины и подростка, женщины и ребенка, погребение 16 содержало захоронение девочки, в могиле 79 у костяка отсутствовал череп, хотя остальные части скелета лежали в

Р и с. 1. Расположение на территории Камышлы-Тамакского могильника женских (а), мужских (б) погребений.

1 — женские могилы; 2 — пол неопределен, предположительно женское; 3 — погребения, упоминаемые в тексте.

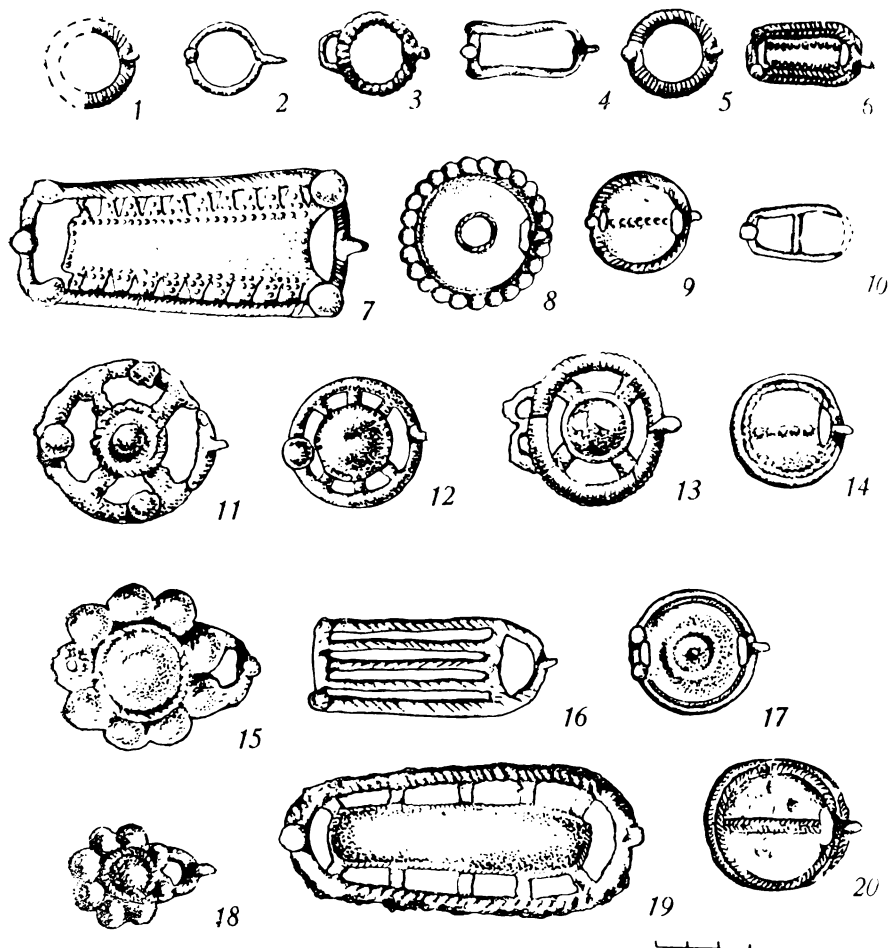
анатомическом порядке. У погребенного в могиле 64 пол не определен, по инвентарю он может быть условно отнесен к группе женских. Лишь погребение 27 по антропологическому материалу и инвентарю является женским. Юго-восточная ориентировка преобладает в мужских могилах (рис. 1б). В четырех погребениях (6, 7, 8, 48) прослежена северо-западная ориентировка. При этом одно погребение (48) было парным и костяки в нем были ориентированы в противоположные стороны, могила 6 наряду с женскими

вещами (бусы, височные подвески) содержала и мужские (вооружение), в погребении 8 пол умершего не определен, а по инвентарю оно может быть отнесено к мужским. На северо-восток ориентирована могила 43, над которой находилось детское захоронение. В целом наблюдаемые отклонения в ориентировке женских и мужских могил были, видимо, продиктованы особыми обстоятельствами (парные, детские захоронения и т. д.) в жизни древнего населения и не затеняют четкой картины расположения погребений на могильнике. Исходя из этого, можно считать, что похороненные женщины являются представителями других родов, для которых была характерна северо-восточная и юго-восточная ориентировка, а мужчины — из местного рода (при условии, что брак был патрилокальным). Не исключено, что женские могилы с юго-восточной ориентировкой оставлены представительницами также местного рода.

Концентрация населения привела к усилению экономических связей. Определенную роль в этом процессе играли металлургия и металлообработка бронзы и железа. Сложные технические приемы (литье, пайка и т. д.) свидетельствуют о наличии в пьяноборском обществе узкого круга людей-ремесленников. Однако трудно представить, что крупные клады (Чегандинский II, Трошковский и др.) весом до 10 кг и более были изготовлены и принадлежали одному человеку. Трудоемкость операций, связанных с плавкой металла (добыча, доставка сырья, плавка и т. д.), требует участия определенного коллектива: рода или большой семьи, в которых секреты и традиции металлообработки передавались из поколения в поколение. Именно этим объясняется устойчивость форм, орнаментальных мотивов и техники изготовления бронзовых предметов. В то же время массовость и однотипность бронзовых украшений говорят о существовании центров по их производству, работающих на межплеменной рынок, и консолидации вокруг них населения. О существовании центров металлургии свидетельствует широкое распространение прикамских украшений в памятниках Среднего Поволжья, что в свое время вызвало оживленную дискуссию об их культурной принадлежности. В развитии экономических связей значительное место отводилось торгово-меновым отношениям с южным миром, в которых не все племена играли одинаковую роль. В контакт с кочевниками, посредниками с античным миром, входило прежде всего население, расположенное на границе сарматских кочевий, что хорошо прослеживается на материале ряда могильников, в которых много находок вещей южного происхождения (бусы, фибулы, предметы вооружения). Однако в пьяноборском объединении племен экономическое положение не у всех групп населения было одинаковым. Выделяются богатством инвентаря Камышлы-Тамакский, Юлдашевский могильники. По всей вероятности, они оставлены экономически сильными родами. В то же время внутри родов, судя по материалам могильников, наблюдается сильное имущественное расслоение. Так, на могильнике Чеганда II погребения без инвентаря составляют 39%.

на III Кушулевском — 34,1%, Юлдашевском — 13%, Камышлы-Тамакском — 20%. В. Ф. Генинг по количеству вещей, их назначению в наряде разделил все погребения могильника Чеганда II на пять групп и считает, что в чегандинской родовой общине наблюдается значительная имущественная дифференциация¹⁵. К числу наиболее богатых погребений им отнесено 8 женских и 5 мужских могил. Из них восемь (7, 15, 17, 25, 26, 33, 36, 156) располагаются в одной, выделенной мной семейно-территориальной группе Г₁, две — в группах Г₂ и Г₃ (40, 139) и относятся к позднему этапу могильника¹⁶. Остальные могилы (39, 160, 189) находятся на других семейных участках, относящихся к ранним этапам функционирования могильника. Таким образом, имущественное расслоение в родовой общине наблюдается между большими патриархальными семьями, происходит выделение экономически сильных семей, что ярко иллюстрируют материалы могильника Чеганда II. Аналогичная картина наблюдается и на других памятниках. Наиболее богатые погребения сосредоточены в северной части Юлдашевского и северо-западной половине Камышлы-Тамакского могильников. Однако не всегда богатство погребений, свидетельствующее об имущественном неравенстве, говорит о социальной стратификации общества. Для определения различий социального порядка большое значение имеет анализ инвентаря мужских погребений, т. е. тот набор вооружения, которым сопровождался погребенный. В ряде могил он состоит только из стрел, в других, кроме них, помещали копьё, в третьих — мечи, копьё, стрелы, кинжалы и удила. Несомненно, что все это носит обрядовый характер, но тем не менее, видимо, подчеркивает социальное положение умершего в обществе. На могильнике Чеганда II погребения (7, 26, 33, 36, 156) с мечами, кинжалами, ножами, наконечниками стрел и в одном случае с удилами (156) расположены в одной семейной группе¹⁷. В целом погребения содержат одинаковый набор вещей (сюльгамы, круглые пряжки с подвижным язычком, «сарожковидные» подвески, втульчатые и черешковые наконечники стрел) и, видимо, компактны во времени, хотя можно предположить, что погребение 156 является наиболее поздним, так как оно расположено на периферии семейного участка позднего этапа могильника.

Аналогичная картина наблюдается и на Юлдашевском могильнике. Мной указывалось на особое расположение некоторых погребений (69, 70, 75, 76) с мечами, которые составляют условный центр могильника, вокруг которого группируются женские погребения и могилы с инвентарем, состоящим из копьё и стрел или только из стрел¹⁸. Эти погребения выделяются, во-первых, размерами (длина 235—280 см, ширина 90—110 см) и глубиной (135—150 см). Во-вторых, в этих могилах (2, 69, 70, 75), за исключением погребения 76, в котором найдены только меч и стрелы, представлен полный набор вооружения, состоящий из меча, копьё, стрел и удила. В-третьих, единственная на весь могильник золотая височная подвеска найдена на груди погребенного в могиле 70.

Р и с. 2. Пряжки Юлдашевского могильника.

1 — погр. 76; 2 — погр. 113; 3—4 — погр. 11; 5—6 — погр. 10; 7—10 — погр. 69, 11 — погр. 75; 12 — погр. 60; 13—14 — погр. 64; 15—17 — погр. 70; 18—20 — погр. 2.

В-четвертых, погребения эти разновременны, что хорошо устанавливается по бронзовым пряжкам. Наиболее ранним из них является погребение 76, в котором найдена простая кольцевая пряжка с неподвижным язычком (рис. 2, 1). В периферийной части могильника однотипные пряжки происходят из погребений 10, 11, 47, 113, 124 (рис. 3). В погребении 10 кольцевая пряжка сочеталась с пластинчатой пряжкой (рис. 2, 5, 6) овальной формы, а в могиле II встречена вместе с овальной пряжкой (рис. 2, 3, 4) и бронзовым наконечником стрелы с выступающей втулкой. Это дает основание отнести оба погребения ко времени захоронения 76. Погребение

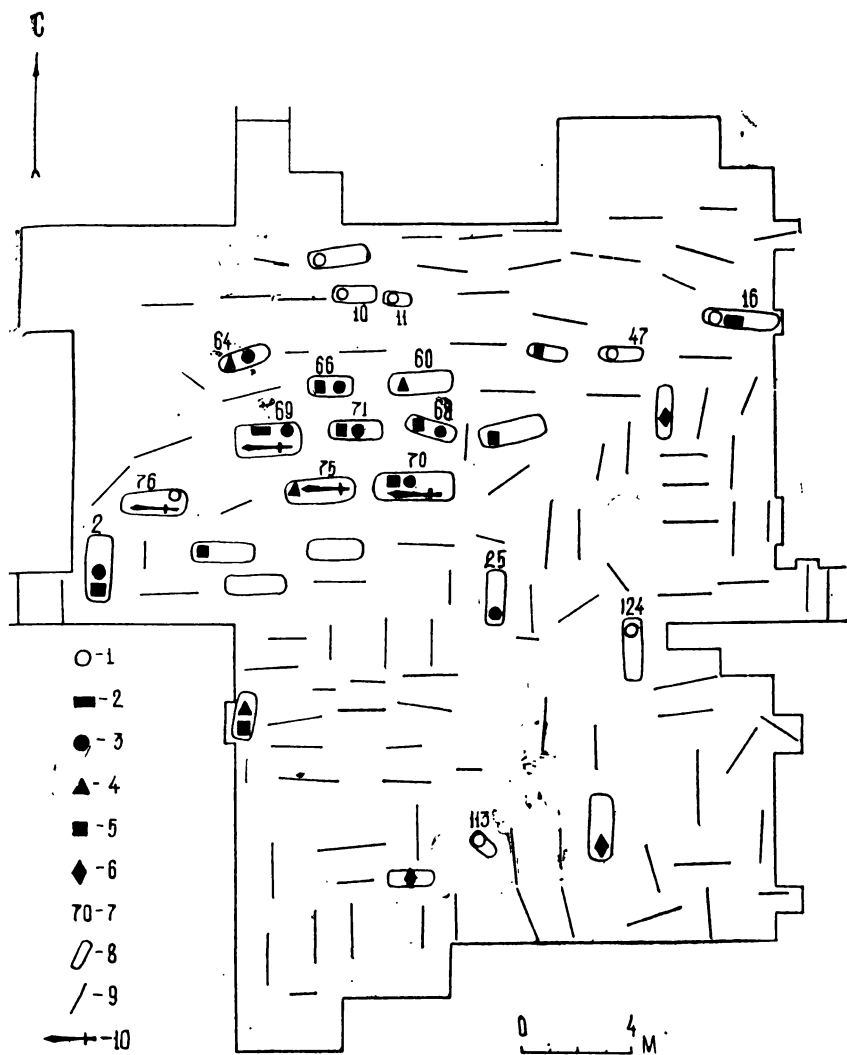

рис. 3. Расположение на территории Юдашевского могильника погребений.

1 — с простыми кольцевыми пряжками; 2 — с крупными пластинчатыми; 3 — с круглыми астинчатыми; 4 — с кольцевыми с «перекладинами» и умбоном внутри; 5 — с умбовидной бляшкой с припаянной дужкой; 6 — с железными с подвижным язычком; 7 — погребения, упоминаемые в тексте; 8 — погребения, в которых встречены пряжки; 9 — остальные погребения; 10 — погребения с мечами.

ние 47 по овальной рамчатой пряжке развитой формы (типа рис. 2, 16, 19) и ажурно-прорезной подвеске относится к группе поздних могил. Спустя некоторое время было совершено захоронение 69, в котором найдено 6 пряжек (рис. 2, 7—10). Если костяная и овально-рамчатая застёжки (рис. 2, 10) могут быть отнесены к кругу ранних вещей, то крупная пластинчатая и круглые пластинчатые пряжки (рис. 2, 7—9) несомненно относятся к более позднему времени, чем простые кольцевые застёжки из погребений 10, 11 и 76. Аналогичные пластинчатые пряжки встречены в погребениях 4, 16 (рис. 3). В погребении 4 пластинчатые пряжки сочетались с застёжкой в форме умбоновидной бляшки с припаянной дужкой, а в погребении 16 с сьюлгамой и простой кольцевой пряжкой. Следующим по времени является, видимо, погребение 75, в котором найдена большая кольцевая пряжка (рис. 2, 11) с «перекладинами» и умбоном внутри. Аналогичная пряжка встречена в погребениях 60 и 64, в последнем она сочеталась с кольцевой пластинчатой застёжкой (рис. 2, 13—14) и стеклянной бусиной со спиралевидным орнаментом, массовое распространение которые получают в I—II вв. н.э.¹⁹ Наиболее поздними в этой группе являются погребения 2 и 70, отделенные друг от друга значительным пространством, но содержащие одинаковый набор кольцевых пластинчатых застёжек (рис. 2, 17, 20) и эполетообразных пряжек (рис. 2, 15, 18). Такое сочетание пряжек встречено в могилах 66, 68, 71 (рис. 3). В целом выделенная группа погребений (2, 69, 70, 75, 76) с полным набором вооружения весьма компактна во времени и только по появлению новых типов пряжек, по их распределению на территории могильника можно выявить хронологическое различие между захоронениями этой группы и определить направление роста семейного участка могильника. Разновременность погребений 69, 70, 75, 76 свидетельствует о том, что в центре семейного участка была оставлена свободная площадь, на которой производилось захоронение людей, занимающих особое положение в обществе. После заполнения площади, но опять-таки в непосредственной близости к этой группе могил, было совершено захоронение 2. Очевидно, материя Юлдашевского могильника в наиболее ярком виде отражает реальную картину процесса имущественного и социального расслоения пьяноборского общества. Несомненно то, что люди, похороненные с полным набором вооружения на специально отведенных участках общеродового кладбища, не были рядовыми членами рода, которых хоронили только со стрелами и копьями, а занимали привилегированное положение в социальной иерархии.

Таким образом, пьяноборское общество было и экономическим объединением родственных племен, в котором наблюдается значительная имущественная и социальная стратификация.

¹ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА, 1952, № 28. С. 109; Он же. Железный век Башкирии // МИА, 1957, № 58. С. 37; Генинг В. Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10. С. 123—125, 135—139; Агеев Б. Б. Большевесемейные группы в пьяноборском обществе // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 21. С. 138—145; Он же. Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 101—108.

² Иванов В. А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа. М., 1984. С. 74—75, 79.

³ Агеев Б. Б. Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1983, С. 15—16.

⁴ Генинг В. Ф. История населения... // ВАУ. Свердловск, 1971. Вып. 10. С. 36—37, 89, 91, 108—109.

⁵ Генинг В. Ф. Указ. соч. С. 84—140.

⁶ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—IV вв. // ВАУ. Свердловск, 1963. Вып. 5.

⁷ Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1984, С. 129

⁸ Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971. С. 57.

⁹ Агеев Б. Б. Пьяноборский союз племен. С. 105—106.

¹⁰ Агеев Б. Б. Локальные варианты пьяноборской культуры // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976, С. 5—8.

¹¹ Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э. — III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 123.

¹² Поляков Ю. А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в верхнем и среднем Прикамье // УЗ ПГУ, № 148. Пермь, 1967. С. 201—202.

¹³ Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. М., 1975. С. 491

¹⁴ Мажитов Н. А., Пшеничнюк А. Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 2. С. 38.

¹⁵ Генинг В. Ф. История населения... // ВАУ. Вып. 10. С. 122—124.

¹⁶ Агеев Б. Б. Большевесемейные группы... С. 137—143.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. 11-12. М., 1978. С. 47.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ САРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Окончательное формирование раннесарматской культуры в Поволжье и Приуралье завершается к III в. до н. э. С этого времени сарматские племена начинают играть ведущую роль в евразийских степях. Они устремляются на запад и подчиняют некогда могущественную Скифию, вступают в тесные экономические и политические контакты с античными государствами Северного Причерноморья и, в конце концов оказавшись соседями Римской империи, становятся активными участниками варварского движения в Подунавье. Другим направлением продвижения сарматов был Кавказ. Они осваивают предкавказские районы и Северный Кавказ, совершают частые военные походы в Закавказье. Средняя Азия также входила в сферу интересов сарматов. В середине II в. до н.э. не без их участия пало Греко-Бактрийское царство.

Эта внешнеполитическая активность сарматов, приведшая к постоянным контактам их с рабовладельческими цивилизациями, содействовала проявлению интереса к ним со стороны сперва греков, а затем и римлян. В сочинениях греко-латинских историков, географов и литераторов появляются более подробные сведения о сарматах, они уже не воспринимаются ими в общем как, например, ранее «женоуправляемые» савроматы. Среди сарматов выделяются отдельные племена или племенные объединения, очерчиваются занимаемые ими территории, сообщаются отдельные эпизоды из их истории. Письменные источники донесли до нас наименования некоторых племенных объединений сарматов — сираков, аорсов, языгов, роксоланов, аланов; сохранились названия и более мелких сарматских подразделений.

История археологических исследований сарматских древностей свидетельствует о постоянном внимании ученых к проблеме отождествления тех или иных археологических памятников с определенным сарматским этносом. Такое стремление понятно, так как оно выражает суть исследовательской задачи — соединение вещественных и письменных источников, что дает возможность наиболее полно реконструировать историю сарматов.

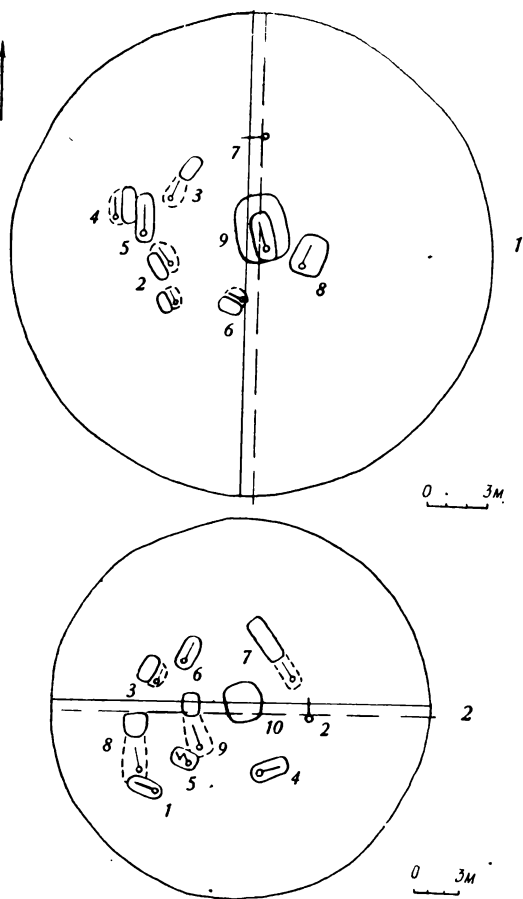
Обычно работы, преследующие цель — отождествление археологических памятников с каким-либо сарматским этнонимом, строились по следующей схеме. По письменным источникам выявлялась территория, соответствующая конкретному сарматскому этносу.

определялось время его бытования там. Эти данные затем сопоставлялись с одновременными археологическими памятниками. Поскольку археологически сарматская культура представлена преимущественно курганами, то за основной этнический показатель зачастую бралась форма подкурганной могильной ямы. Причем часто той или иной форме ямы отводилось решающее значение. Такое положение, на мой взгляд, сложилось потому, что в связи с одинаковостью курганных насыпей основной классификационной единицей при анализе погребального обряда сарматов стала форма могильной ямы. В этнических реконструкциях ей стали придавать самостоятельное значение.

Так, уже П. С. Рыков, впервые раскопавший крупный курганный могильник на Волге у с. Суслы, считал, что отдельные типы могильных ям в нем можно связать с разными сарматскими племенами: подбойные — с аланами, квадратные и широкие с заплечиками — с аорсами¹. Широкую известность получила работа К. Ф. Смирнова, вышедшая во второй половине 40-х годов, в которой была обоснована роксоланская принадлежность диагональных погребений². Первоначально эта точка зрения получила широкое распространение, достаточно было нескольких диагональных погребений, чтобы утверждать о присутствии в том или ином районе роксолан.

С конца 50-х годов начинается пересмотр такого однозначного подхода. Накопление нового материала приводит К. Ф. Смирнова к выводу о том, что один и тот же тип могильной ямы может принадлежать различным сарматским объединениям³. Ряд авторов приходят к мнению, что, например, распространение диагональных погребений у сармат могло быть вызвано социальными или религиозными причинами⁴. Однако посылка: форма могильной ямы — основной этнический определитель, существует в археологической литературе и по сей день, например, в попытке выделить раннеаланские памятники⁵.

Хотелось бы специально остановиться на этом вопросе. Он постоянно интересует исследователей сарматской культуры, различные его аспекты часто освещаются в литературе⁶, тем не менее новые наблюдения могут внести определенные коррективы в его разработку. Известно, что в раннесарматское время широко практиковался обычай многократного погребения в одной курганной насыпи. Довольно часто погребения располагались под насыпью по кругу, не нарушая друг друга, что свидетельствует об их относительной одновременности. Это подтверждает и вещевой материал. Несомненно, что такие группы погребений оставлены близкородственным населением, скорее всего одним родовым коллективом. Однако конструкции погребальных ям часто варьируют в таких курганах (рис. 1). Мною сделана выборка из 17 курганов из могильников Волгоградского Заволжья, содержащих 141 практически одновременное раннесарматское погребение (Политотдельское, кург. 3, 4, 6, 19, 20 — раскопки К. Ф. Смирнова; Бережновка, гр. II кург. 14, 65 — раскопки И. В. Синицына; Рыбный, кург.

Р и с. 1. 1— Быково, кург. № 11 (раскопки А. С. Скрипкина, 1978 г.); 2— Красная Деревня, кург. № 7 (раскопки А. В. Лукашова, 1981 г.).

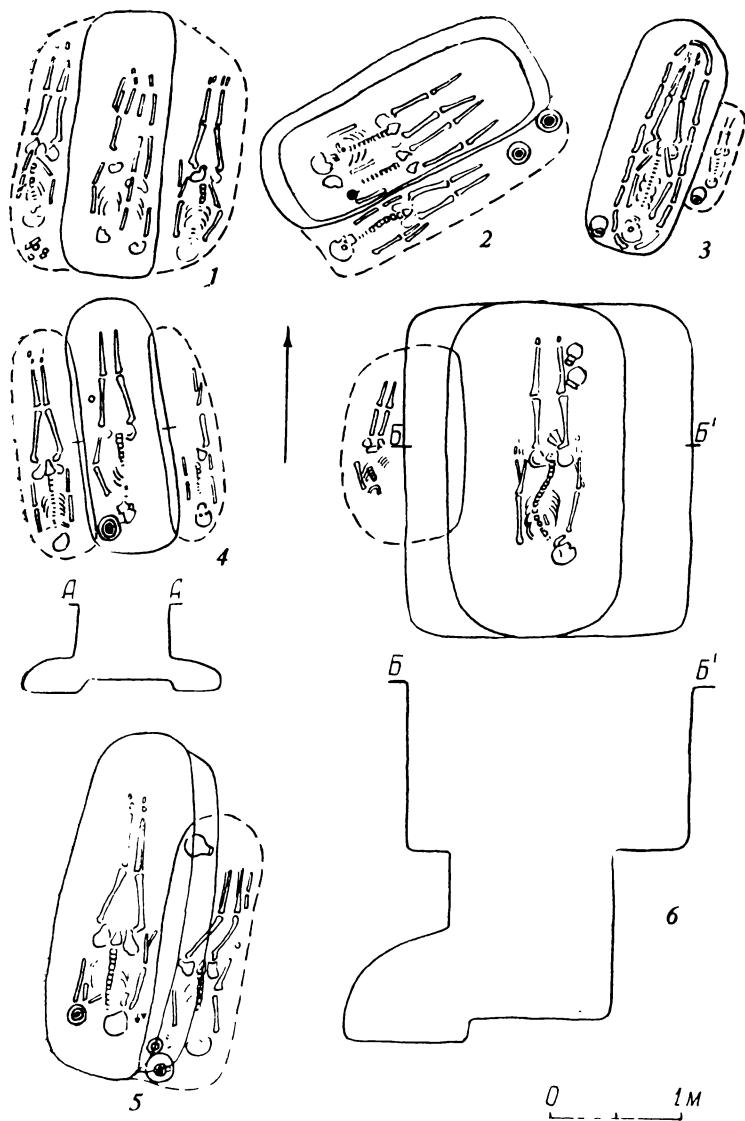
(рис. 2, 1—4); 2) прямоугольные с заплечиками и подбойные (рис. 1, 6); 3) подбойные ямы и катакомбы (рис. 3, 1, 2); 4) прямоугольно-удлиненные и катакомбы (рис. 3, 3); 5) квадратные ямы с диагональным положением погребенного и подбойные (рис. 3, 4—6).

Первые датируются ранне- и среднесарматским временем, 2—4— раннесарматским и 5— среднесарматским. В одних случаях в этих погребениях похоронены взрослые и дети, в других — разнополые взрослые. В таких комплексах следует видеть погребенных, находившихся в тесных родственных, вероятно семейных, отношениях. В первом случае это родители и дети, во втором — видимо, супруги или находящиеся в других степенях семейного родства. Этот пример показывает, что даже для узкого родственного коллек-

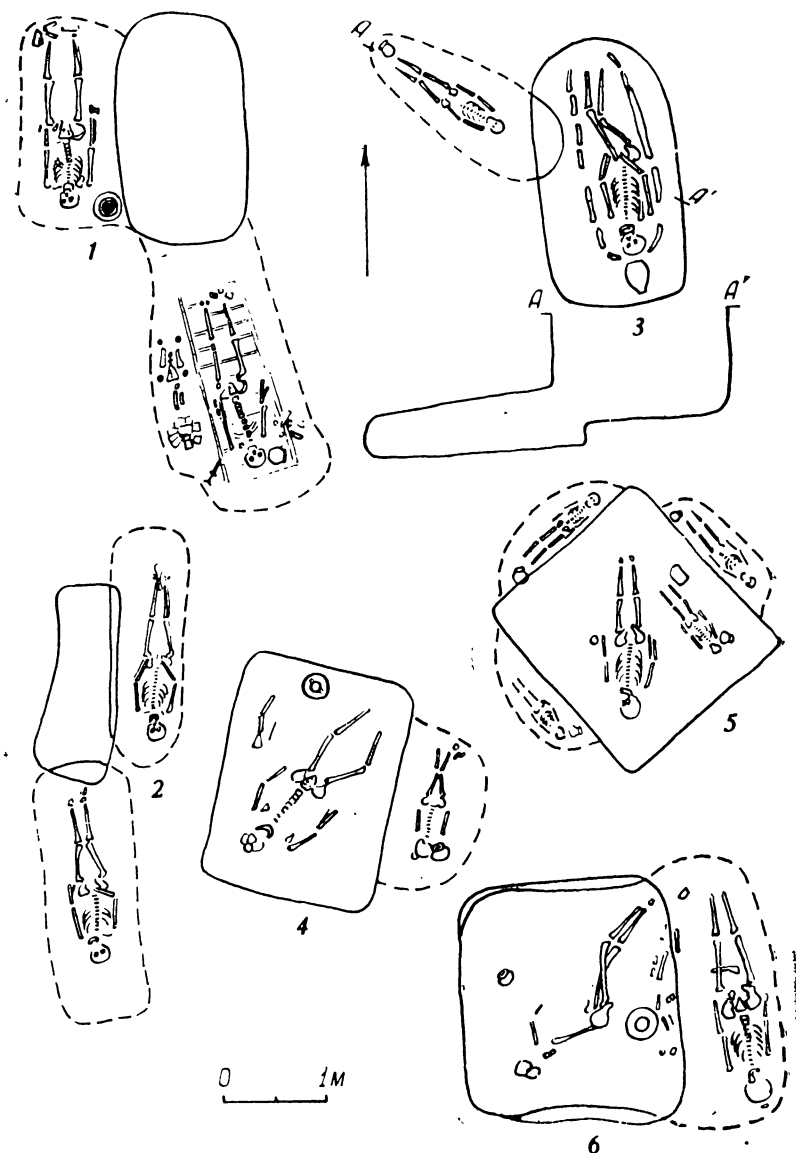
2, 3; Быково, кург. 2, 5, 7, 9, 11; Верхний Балыклей, гр. I кург. 6; гр. II кург. 5— раскопки А. С. Скрипкина; Красная Деревня, кург. 7— раскопки А. В. Лукашова). По типам ям эти погребения распределяются следующим образом:

42— прямоугольно-удлиненные, 40— подбойные, 14— прямоугольные с заплечиками, 6— катакомбные, 36— в насыпи. Бесспорно, все они принадлежали одной группировке сарматов последних веков до н.э. Следует отметить и еще один интересный момент, имеющий непосредственное отношение к данной теме. В настоящее время на территории Азиатской Сарматии выявлено значительное число погребальных комплексов, сочетающих в себе в каждом отдельном случае несколько типов погребальных ям:

1) прямоугольно-удлиненные и подбойные

Р и с. 2. 1, 2— Быково, кург. № 7, погр. № 7; кург. № 9, погр. № 8; 3— Россошки, кург. № 4, погр. № 4; 4, 5— Тузлуки, кург. № 30; кург. № 25; 6— Кос-Оба, кург. № 6 (1, 2— раскопки А. С. Скрипкина; 3— И. П. Лисицина; 4, 5— Е. И. Беспалого; 6— Б. Ф. Железчикова).

Р и с. 3. 1— Жутово, кург. № 27, погр. № 5, 6; 2— Калиновка, кург. № 19, погр. №№ 20, 21; 3— Россошки, кург. № 4, погр. №№ 5, 6; 4— Уметбаево, кург. № 5, 5— Бережновка II, кург. № 18; 6— Чиков, кург. № 7 (1, 2, 6— раскопки В. П. Шилова; 3— И. П. Лисицина; 4— Б. Б. Агеева; 5— И. В. Сеницына).

тива, каким является семья, сарматами использовались различные типы погребальных ям. Даже если допустить, что муж и жена принадлежали к разным родовым организациям, то вряд ли брачные союзы выходили за пределы племени, по крайней мере такие случаи были редки.

Следовательно, отдельно взятый тот или иной тип могильной ямы не может быть решающим аргументом в этнических реконструкциях. Однако из этого вывода не следует, что типы могильных ям не должны учитываться при решении этнических проблем сарматской культуры. Несмотря на то, что в каждом конкретном случае та или иная форма могильной ямы может нести в себе ритуально-религиозную или социальную смысловую нагрузку, она характеризует какие-то внутренние особенности развития культуры данного общества и уже поэтому отражает его этническую специфику. Мне бы хотелось подчеркнуть необходимость такого подхода к проблеме этнических реконструкций в сарматской археологии, который был бы основан на всестороннем анализе погребального обряда во всем его объеме и предостерег от тех методических просчетов, которые имели место в прошлом.

В реконструкции сарматской истории следует учитывать и то, что такие этнонимы, как аорсы, сираки, роксоланы, языги, аланы и другие скрывали не одно какое-то племя, а являлись названиями крупных племенных союзов. Эти этнополитические объединения, более мелкие подразделения которых скрывались под именем племени объединителя, племени гегемона⁷. В таком случае вообще неправомерно связывать какой-либо тип могильной ямы с упомянутыми выше этнонимами.

В решении этнических проблем сарматской культуры, где археологический материал призван сыграть ведущую роль, видится пока единственно правильный путь, заключающийся в следующем. В первую очередь, в тщательной хронологической проработке всего материала, в создании хронологических схем развития сарматской культуры в отдельных регионах: в Южном Приуралье, Поволжье, на Нижнем и Среднем Дону, в степях к югу от Маныча, на Северном Кавказе и в Северном Причерноморье, так как в каждом из них развитие сарматской культуры отличалось локальным своеобразием. Отчасти эта работа по отдельным районам проведена или проводится. Существующая классическая периодизация, разработанная М. И. Ростовцевым, П. Д. Рау, Б. Н. Граковым и К. Ф. Смирновым, не может удовлетворять требования сегодняшнего дня в исследовании сарматской культуры. В законченном виде она была изложена Б. Н. Граковым в известной статье почти сорок лет назад⁸. Накопившийся за этот срок новый материал дает возможность значительно уточнить ее в целом ряде моментов. К тому же она не может претендовать на роль всеобщей периодизации сарматской культуры, так как была разработана на локальном поволжско-уральском материале. Каждый из хронологических периодов должен быть достаточно полно охарактеризован в отношении развития погребального обряда и материальной культуры по одной

современной методике, что необходимо для объективного сопоставления памятников различных регионов. Такой подход, вероятно, даст возможность более обоснованно создавать и этнические реконструкции.

В статье я остановлюсь на некоторых этнических проблемах Азиатской Сарматии, то есть районе к востоку от Танаиса (Дона) по представлению античной географии. Предварительная проверка дат двух этапов — прохоровского и сусловского — классической периодизации сарматской культуры, о которой речь шла выше, на основе корреляции ведущих типов материальной культуры (вооружения, зеркал, керамики) с фибулами допозднесарматского времени дала следующие результаты. Выделяются достаточно четко две сопряженные группы вещей. Первая из них датируется второй половиной II—I вв. до н.э., вторая — I — началом II в. н.э. Причем для первой хронологической группы характерны все основные категории вещевого материала прохоровского (раннесарматского) этапа, а для второй — сусловского (среднесарматского) этапа. Последующая корреляция этих хронологических групп с некоторыми деталями погребального обряда обнаружила различие между ними и в погребальном обряде. Первая группа проявляет устойчивую связь с впускными погребениями в прямоугольно-удлиненных или подбойных ямах, вторая — в первую очередь с квадратными ямами с диагональным положением погребенных, а затем с прямоугольно-удлиненными и подбойными ямами, большинство из которых являлись основными в курганах.⁹ Таким образом, поскольку фибулы среднелатенской схемы, датирующиеся второй половиной II—I вв. до н.э., захватывают только заключительный этап развития раннесарматской культуры, весь период ее существования, с момента окончательного сложения, следует датировать III—I вв. до н.э., а среднесарматскую культуру — I — началом II в. н.э.

Сложившаяся раннесарматская культура в археологическом отношении отличается однообразием на обширных районах Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Различия, которые отмечались для VI—IV вв. до н.э., нивелируются. Если взять наиболее крупные погребальные памятники этого времени, Бишунгаровские и Старокишкинские курганы на Южном Урале, то они практически ничем не отличаются от нижеволжских. Оба эти района в III—I вв. до н.э. занимала единая археологическая культура. Некоторые особенности в погребальном обряде и вещевом материале, выражающиеся в преобладании западной ориентировки у погребенных, длительного употреблении втульчатых железных наконечников стрел, в распространении иных типов мечей, начинают наблюдаться на Нижнем Дону и особенно к югу от Маныча. На керамическом комплексе здесь сказывается значительное влияние оседлых центров Кубани и Нижнего Дона. Существует мнение, что керамика является устойчивым этническим признаком, так как в ней заключены особенности трудовых навыков и эстетических вкусов того населения, в среде которого она создавалась. Иногда этот вы-

вод целиком распространяют и на кочевые общества, что не совсем правомерно. В большей мере такое положение характерно для земледельческих районов с устойчивой оседлостью, со своим ремеслом или для более ранних эпох с более слабым уровнем разделения труда. В меньшей степени это характерно для кочевников, у которых ремесло было развито слабо. Это видно и на примере сарматов, у которых керамические наборы **обычно** зависят от тех ремесленных центров, с которыми они соседствуют. При определении сарматской принадлежности памятника в учет можно брать, пожалуй, только лепную керамику, которая могла производиться в кочевническом хозяйстве.

С каким же из известных этнонимов можно сопоставить памятники раннесарматской культуры к востоку от Дона? Из письменных источников для выяснения этого вопроса наиболее ценным будет, пожалуй, Страбон, достаточно подробно описавший Северный Кавказ и территории, прилежавшие к нему с севера. Страбон, как известно, в написании XI книги своей «Географии» использовал более ранние источники — сочинения авторов III—I вв. до н.э.¹⁰ В данном случае сведения Страбона о населении к северу от Кавказа одновременны раннесарматской культуре. В степных районах к северу от Кавказа Страбон поселял сираков и аорсов. К. Ф. Смирнов, рассматривая сираков как потомков геродотовых савроматов, считал, что сиракскими могут быть курганные погребения в Предкавказье с западной ориентировкой, северной границей распространения которых являлся Маныч¹¹. Памятники, расположенные к северу от сиракских, должны, по Страбону, принадлежать аорсам. Таким образом, за раннесарматской (прохоровской) культурой устанавливается аорский примат. В данной ситуации мы имеем тот случай, когда происходит совпадение письменных и археологических источников в хронологическом аспекте. По письменным источникам можно установить примерное время появления аорсов в степных районах, соседствующих с сиракскими землями.

По мнению исследователей, сведения для восьмого параграфа V главы XI книги Страбоном были заимствованы у Гипсикрита Амисского¹². Этот параграф достаточно точно датируется временем правления на Боспоре Фарнака (63—47 гг. до н.э.). Но, судя по его содержанию, аорсы, как и сираки, задолго до описываемых событий занимали отведенные им места. Это следует из фразы: «Эти аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше». Уже для источника Страбона события, связанные с появлением этих племен, туманны, отдалены во времени. Да и дальнейшее повествование говорит о том, что аорсы и сираки не новое население, они находятся в тесных, устойчивых экономических и политических отношениях с Боспором и Закавказьем. Существует мнение, что первое упоминание сираков связано с политическими событиями в Прикубанье в самом конце IV в. до н.э., описанными Диодором в той части, где речь идет о борьбе приемников Персида за власть¹³. Появление сираков в Прикубанье, видимо, предпо-

ределило и появление аорсов к северу от них. Это вытекает из сообщения Страбона, в котором те и другие объявляются беглецами из среды племен, живущих выше, и в котором эти события подразумеваются как одновременные. Такая ситуация достаточно хорошо увязывается с гипотезой К. Ф. Смирнова о складывании прохоровской культуры в Южном Приуралье и давлении ее носителей на савроматов Геродота и дальнейшим смещением их в Предкавказье.

Страбон различает две группы аорсов: собственно аорсов и верхних аорсов, которые, судя по всему, являлись самостоятельными территориально-политическими объединениями. Они имели отдельные армии, самостоятельных правителей и различные территории. Аорсы жили по Танаису, а верхние аорсы (они, по Страбону, были более многочисленными) занимали огромную область, прилегающую к Северному Прикаспию. Пока трудно достаточно точно очертить территории, занимаемые аорсами и верхними аорсами. В специальной литературе этой проблеме неоднократно уделялось внимание¹⁴. Область влияния верхних аорсов на юге, вероятно, простиралась вдоль северо-западного Прикаспия вплоть до Северного Кавказа. Д. М. Мачинский считает, что верхние аорсы должны были занимать территорию Северного Прикаспия от р. Кумы на западе до ближайших их соседей с востока даев, занимавших земли к северу и востоку от Кара-Богаз-Гола¹⁵. Аорсы располагались на Нижнем Дону, так как на Среднем Дону памятники раннесарматской культуры представлены слабо. Скорее всего центры аорсов были сосредоточены на левобережье Дона, потому что в междуречье Дона и Днепра в это время находились другие сарматские племена. В. П. Шилов полагает, что ряд курганов в могильниках в Подонье на юге Волгоградской области, таких как Жутовский, Терновский и другие, принадлежал аорсам¹⁶.

Гораздо сложнее определить северные границы верхних аорсов. Вряд ли область обитания их можно распространять на всю территорию, занимаемую раннесарматскими памятниками, вплоть до Башкирии и Куйбышевской области. К. Ф. Смирнов, например, считал, что памятники северных районов Волгоградской и Саратовской областей принадлежали другой группировке сарматских племен, сыгравшей значительную роль в завоевании Скифии¹⁷. Возможно это и так. Хотя аргумент о нахождении там и здесь диагональных погребений для доказательства данной гипотезы несостоятелен по той причине, что диагональные погребения волгоградского и саратовского Заволжья датируются преимущественно I—II вв. н.э., временем, когда Скифия уже была завоевана сарматами.

О том, что северные области распространения раннесарматской культуры в Заволжье и Приуралье могли занимать другие сарматские племена, свидетельствует краткий список племен, населяющих первую часть Азии, приведенный Страбоном, в котором перечисление народов идет с севера на юг: «...первую часть — от северных стран и океана — населяют некоторые скифы — кочевники, живущие в кибитках, а еще далее от них в глубь страны — сарматы (также скифы), аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказа».

ских гор...». Здесь перед аорсами упоминаются «скифы-кочевники» и «сарматы (также скифы)», то есть кочевники. В данном случае речь идет о кочевниках, живущих севернее аорсов и отличающихся от них, которыми, по данным современной археологии, могли быть только сарматы. То, что их территория простиралась вплоть до океана — результат географической некомпетентности Страбона и его источников о северных странах. В этом кратком перечне народов первой части Азии под этнонимом аорсы у Страбона скорее всего скрываются собственно аорсы и верхние аорсы. Таким образом, верхние аорсы занимали районы, прилежащие к Северному Прикаспию, севернее которых обитало еще, по крайней мере, два сарматских племенных объединения.

Вероятно, племенная структура Азиатской Сарматии была еще более сложной. В частности, об этом говорит история завоевания сарматами Скифии. Наиболее ранние памятники, открытые в междуречье Дона и Днепра, датируемые III—II вв. до н. э., по культурной принадлежности раннесарматские (прохоровские), обнаруживают ближайшие аналогии в доно-волжских степях. Да и вся предыдущая традиция единодушна в том, что Скифия была подчинена сарматскими племенами, появившимися с востока, из-за Дона. Но названия этих племенных объединений новые, не известные в большинстве своем на древней сарматской территории. Это саи, савдараты, фисаматы, языги, роксоланы, урги и другие.

Не совсем ясно, до которого времени аорсы продолжают жить на землях, указанных Страбоном. С одной стороны, известно, что, подчиняясь общему движению сарматов на запад, аорсы в конце концов тоже устремляются в этом направлении. Не ясно только, когда и какая часть аорсов начала это движение. Д. А. Мачинский, указав на отождествление в письменных источниках аорсов и амаксобиев, пришел к выводу, что аорсы начали занимать земли к западу от Дона во второй половине I в. до н. э., а около середины — третьей четверти I в. н. э. они уже достигли дельты Дуная. Однако он же считает, исходя из известного рассказа Аммиана Марцеллина о борьбе вновь прибывших алан с другими народами за установление своего господства, что не все население, входившее в состав аорского объединения, ушло на запад¹⁸.

Можно предположить, что аорсы — амаксобии — новое объединение, выделившееся из среды аорсов. Ведь и к востоку от Дона аорсы не были однородны. События середины I в. н. э., описанные Тацитом и связанные с войной между Митридатом VIII и его союзниками дандариями и сираками, с одной стороны, и боспорским царем Котисом и поддерживавшими его римлянами и аорсами — с другой, свидетельствуют о том, что аорсы продолжали оставаться значительной политической силой в Северо-Восточном Причерноморье. Б. Н. Граков, например, придерживался мнения о прекращении влияния аорсов в Предкавказье около 70 г.¹⁹

Со второй половины I в. н. э. в сочинениях римских авторов (Сенека, Лукан, Фалерий Флакк, Плиний Секунд, Иосиф Флавий) начинают упоминаться аланы. Флавий, описывая события 72 г.,

связанные с вторжением алан в Армению, поселяет последних на Танаисе, там, где раньше Страбон помещал аорсов. Письменные источники весьма скупы в описании ранней истории алан.

Античные историки считали алан выходцами из массагетской среды. Аммиан Марцеллин нарисовал картину постепенного усиления алан, подчинения ими многих других народов, которыми они передали свое имя.

Мне хотелось бы остановиться на археологическом аспекте аланской проблемы, заключающейся в выделении раннеаланских памятников. Это одна из важнейших задач сарматской археологии, потому что от того, как она будет решена, зависит подход к изучению в этом плане сарматских памятников вообще, и первых веков новой эры в частности. Хотя этой проблеме и уделялось значительное внимание, она еще далека от окончательного своего решения. Первая попытка выделить раннеаланские памятники, основанная на развернутой аргументации, восходит к исследованиям П. Д. Рау, суть которой сводится к следующему. Во второй половине 20-х годов П. Д. Рау выделил две последовательные стадии развития сарматской культуры в Нижнем Поволжье. Появление алан он считал результатом слияния различных более мелких этнических разновидностей ранней стадии А, завершившегося оформлением их в народность на стадии В²⁰. Этот вывод П. Д. Рау был поддержан Б. Н. Граковым и развит К. Ф. Смирновым. Последний выдвинул гипотезу о формировании алан внутри массива племен, возглавляемого аорсами, о постепенном их становлении как самостоятельной политической силы. Археологически, по мнению названных исследователей, аланы были представлены позднесарматской культурой степных районов с характерными ее атрибутами: преобладанием подбойных ям, северной ориентировкой костяков, деформацией черепов, соответствующей материальной культурой²¹.

Эта гипотеза автохтонна по своему содержанию. В последующее время Л. Г. Нечаевой была разработана гипотеза об аланской принадлежности северокавказских катакомб первых веков н. э.²², которую В. Б. Виноградов существенно подкрепил анализом письменных источников²³. Б. А. Раев предпринял попытку отнести к аланской знати богатые курганы Нижнего Дона на основании датировки их не ранее середины I в. н.э., что совпадало с появлением здесь алан по письменным источникам²⁴. Недавно с энергичной поддержкой предположения К. Ф. Смирнова о принадлежности прикубанских памятников типа «Золотого кладбища» аланам выступил А. М. Ждановский²⁵. Практически все эти гипотезы в равной мере были подвергнуты критике различными оппонентами. Недостатком большинства предыдущих исследований по вопросу выявления раннеаланских памятников, на мой взгляд, является узкий, локальный подход к проблеме. За редким исключением авторы, обосновывающие принадлежность тех или иных памятников аланам, увязывают свои гипотезы с уже существующими. Пожалуй, лишь Л. Г. Нечаева, впервые более полно изложив точку зрения о принадлежности северокавказских катакомб аланам, по-

пыталась по-иному объяснить этническую принадлежность поволжских позднесарматских подбойных погребений, уже связываемых с аланами, приписав их гуннам. Не ясно, в какой взаимосвязи между собой и с другими находятся гипотезы об аланской принадлежности «Золотого кладбища» и нижнедонских курганов. В том случае, если выдвигаются новые точки зрения по интересующему нас предмету, они должны или аргументированно отвергнуть существующие мнения, или объяснить правомочность принадлежности на разных территориях разнотипных памятников аланам.

Сторонники аланского происхождения северокавказских катакомб считают, что этот обычай был занесен аланами из поволжско-уральских степей, обычно при этом ссылаются на известную работу К. Ф. Смирнова по катакомбам степного Приуралья и Поволжья²⁶. Однако эта работа отличается очень осторожными выводами. Автор не исключал возможности влияния поволжско-уральских степей, «особенно в вопросе о происхождении прикубанских и учкекенских катакомб II и III типов»²⁷. На Северном Кавказе распространены преимущественно катакомбы I типа (по классификации К. Ф. Смирнова). Этот тип не представлен сколько-либо компактно в степях Поволжья и Приуралья. Включенные К. Ф. Смирновым в I тип восемь катакомб, по существу разнотипные, абсолютно индивидуальны. Шесть катакомб датируются довольно ранним временем — V—II вв. до н. э. Более поздняя катакомба из калмыковского кургана № 4 только условно может быть отнесена к этому типу. А так называемая катакомба II в. н. э. из кургана № 41 II левобережной группы Восточного Маныча совершенно иной конструкции, она очень близка ферганским погребальным сооружениям первых веков н. э.²⁸.

Точка зрения о привнесении катакомбного обряда из степей Северного Прикаспия опирается на представления о том, что аланы вывели внутри аорской конфедерации племен. К. Ф. Смирнов, исходя из локализации в этих местах аорсов, считал, что известные степные катакомбы принадлежали аорсам. Отсюда следовал вывод, что аланы могли принести этот тип могильного сооружения на Северный Кавказ. Но при таком построении этой версии сразу возникает целый ряд вопросов. Почему аланами была занесена форма могильной ямы, которая на исходной территории представлена незначительным числом?²⁸ Почему на Северном Кавказе распространилась такая форма катакомбы, которая в поволжско-приуральских степях не выделилась в четкий самостоятельный тип? К. Ф. Смирнов, учитывая все это, считал наиболее аргументированной гипотезу о среднеазиатском происхождении катакомб I типа²⁹. Кроме того, следует отметить, что формирование алан в аорской среде — это только одна из гипотез их появления в Восточной Европе и ни в коей мере не доказанный факт. Наоборот, в свете новых археологических исследований усиливает позиции альтернативная гипотеза о среднеазиатском происхождении алан.

Подвергая сомнению приоритет поволжско-уральских катакомб в генезисе северокавказских, я не отрицаю их вероятной принад-

лежности аланам. Вся последующая история развития аланской культуры довольно четко фиксирует связь катакомбного обряда погребения с аланами. Это и средневековые древности Кавказа и салтовские памятники Северского Донца. Новым подтверждением этого тезиса является, на мой взгляд, открытие в последнее время нескольких десятков подкурганных катакомбных погребений в низовьях Дона, большинство из которых датируется III—IV вв. н.э. Именно здесь и в это время локализует алан-танаитов Аммиан Марцеллин. Следует отметить, что типологически и в материальной культуре катакомбы Дона обнаруживают близкое сходство с катакомбами Северного Кавказа.

Присоединяясь к мнению тех исследователей, которые придерживаются массагетской (среднеазиатской) теории происхождения алан, хотелось бы еще раз, вслед за Л. Г. Нечаевой, К. Ф. Смирновым и Е. П. Алексеевой, обратить внимание на распространение катакомбного обряда в Средней Азии как возможной исходной территории в генезисе северокавказских катакомб. В Средней Азии подбойнокатакомбный обряд распространяется вслед за событиями середины II в. до н. э., приведшими к падению Греко-Бактрии³⁰, в крушении которой, по Страбону и Помпею Трогу, приняли участие асии и асианы. Е. П. Алексеева вслед за С. П. Толстовым также приходит к мнению о возможной принадлежности катакомбного обряда в отдельных районах Средней Азии асиям, вероятным предкам восточноевропейских алан³¹.

Не исключено, что для Северного Кавказа и Прикубанья существовали различные источники, положившие начало развитию в этих районах катакомбного обряда. Катакомбы «Золотого кладбища» в основном отличаются от северокавказских, они обнаруживают сходство лишь с учкекенскими II и III типов, в отличие от северокавказских I типа³². В настоящее время уже несостоятельным является тезис о внезапном появлении в первые века н.э. катакомб «Золотого кладбища». Интенсивные раскопки курганов новостроечными экспедициями в Краснодарском и Ставропольском краях выявили достаточное число подкурганных катакомбных погребений, типологически близких «Золотому кладбищу», датированных III—I вв. до н. э. Причем расположены они в зоне распространения курганных погребений с западной ориентировкой костяков, традиционно приписываемых сиракам.

В решении проблемы генезиса катакомбного обряда в сарматское время, на мой взгляд, следует вернуться к исходному моменту — к созданию классификации этого типа погребальных сооружений с четкими критериями в сочетании с другими деталями погребального обряда, охватив районы Средней Азии, Поволжья, Приуралья, Кубани и Северного Кавказа. Сопряженность составных погребального обряда во всей совокупности позволит определить степень и характер близости по катакомбному обряду между этими районами.

Что касается нижнедонских богатых курганов типа Хохлач, Садовый и других, отождествляемых Б. А. Раевым с погребениями³³

аланской знати, то их этническую принадлежность следует рассматривать на фоне более широкого круга памятников и в соответствии с теми изменениями, которые происходят на рубеже эр в степях Восточной Европы. Как уже указывалось, сейчас есть основания датировать среднесарматский период I — началом II в. н.э. Считалось, что переход от раннесарматской к среднесарматской культуре не отличался резкими изменениями в археологическом плане. Однако такое представление не соответствует положению вещей — изменения были и в погребальном обряде, и материальной культуре. С I в. н.э. в Подонье, Поволжье и Приуралье появляются могильники с индивидуальными погребениями под курганными насыпями, повсеместно распространяются квадратные ямы с диагональным положением костяков. В материальной культуре происходит смена форм оружия (ведущее место занимают мечи и кинжалы с кольцевидным навершием), зеркал, керамического комплекса, конских уздечных наборов. В изобразительном искусстве распространяется новая волна звериного стиля, не имеющая местных корней. Все это наводит на мысль об изменениях этнического характера в степях Восточной Европы. Нижнедонские богатые курганы, несомненно, связаны с этими новыми явлениями и отличаются только социальным статусом погребенных. Связаны ли эти события непосредственно с появлением алан — сказать трудно. Новые черты в погребальном обряде и материальной культуре, выявленные археологически, и данные письменных источников хотя и не совпадают полностью, однако сближаются во времени. По крайней мере утверждение алан происходило на новом археологическом фоне, для которого были присущи черты среднесарматской культуры. Но пока нет убедительной гипотезы об отождествлении каких-либо памятников в степных районах с ранними аланами. Признать таковыми нижнедонские богатые курганы мне не позволяют следующие соображения. Д. Б. Шелов по материалам Танаиса выделяет с начала новой эры два прилива сарматов на Нижний Дон. Но только второй, датируемый второй половиной II в. н.э., он связывает с продвижением аланов с востока. Этот прилив отмечен в некрополе Танаиса появлением черт позднесарматской культуры и новым ономастическим материалом, ранее не известным в городах Северного Причерноморья, но обнаруживающим близость к дигорскому диалекту осетинского языка³³. Кажется бы появление алан в I в. на Нижнем Дону, по крайней мере, за век до второго прилива сарматов, плотно окруживших Танаис, судя по расположению богатых курганов, должно было сказаться на материалах Танаиса в плане привнесения новых восточноиранских (среднеазиатских) черт. Однако этого не произошло. Хотя и в I в. сарматское влияние сказывалось на Танаисе, но оно ничем не отличалось от традиционных местных элементов сарматской культуры времени господства аорсов.

Вряд ли правомерно считать, что дальнейшая консолидация племен Восточной Европы под гегемонией алан привела к выработке единой культуры — позднесарматской. В складывании позд-

несарматской культуры определенную роль сыграл новый этнический компонент, вероятно, не связанный с первоначальным появлением алан. Он определяется и по археологическим и антропологическим материалам. Появление обычая искусственной деформации черепов, монголоидной примеси позволило антропологам сделать вывод о переселении части населения в урало-поволжские степи из среднеазиатских районов. Появление этих новых черт на Нижнем Дону фиксируется, как уже отмечалось, во второй половине II в., в то время как аланы в этих местах в письменных источниках упоминаются уже во второй половине I в.

Не исключено, что продвижение алан на запад происходило не сразу, а несколькими волнами, отдельными группировками. Первое появление алан в Поволжье и Подонье могло привести к слиянию их с аорсами, что, возможно, нашло отражение в составном этнониме «аланорсы»³⁴.

Так или иначе аланы в первые века становятся ведущей политической силой в сарматском мире. Сложность же аланской проблемы как раз и заключается в том, что название «аланы» в большей степени в письменных источниках распространялось на весь племенной союз, возглавляемый аланами. Тут, вероятно, и кроется основная ошибка. Отыскивая аланские памятники, исследователи воспринимают название «аланы» в узкоэтническом смысле, неадекватном письменным источникам.

Этнические реконструкции, бесспорно, сложная исследовательская задача, особенно в отношении таких динамичных, подвижных обществ, которыми являлись кочевники в эпоху военной демократии. Она требует комплексного подхода, использования всех доступных источников: археологических, антропологических, этнографических, лингвистических и других. Это касается этнической истории сарматской культуры, где исследователям предстоит сделать еще очень большую работу.

¹ Рыков П. С. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925. С. 25.

² Смирнов К. Ф. О погребении роксолан // ВДИ, 1948, № 1.

³ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА, 1959, № 60. С. 319.

⁴ Мошкова М. Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972. С. 70; Смирнов К. Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975, С. 160—161; Засецкая И. П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // Археологический сборник. Л., 1964. Вып. 16. С. 121.

⁵ Березин Я. Б., Савенко С. Н. К вопросу о происхождении катакомб сарматского времени на Северном Кавказе // Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977. С. 37—44; Ждановский А. М. Новые данные об этнической принадлежности курганов «Золотого кладбища» // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979. С. 38—45; Ждановский А. М. Некоторые аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I—III вв. н.э. // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984. С. 49—56.

- ⁶ *Мошкова М. Г.* К вопросу о катакомбных погребальных сооружениях как специфическом этническом определителе // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 18—34.
- ⁷ *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия во II—IV вв. (некоторые проблемы исследования) // СА, 1982, № 2. С. 53.
- ⁸ *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ, 1947, № 2. С. 100—121.
- ⁹ *Скрипкин А. С.* О хронологии сарматской культуры // Доклад, прочитанный на «Первых Рыковских чтениях». Саратов (в печати).
- ¹⁰ *Ростовцев М. Н.* Страбон как источник для истории Боспора // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1914.
- ¹¹ *Виноградов В. Б.* Описание Северного Кавказа в «Географии» Страбона (XI, V, 1—8) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 1975. Вып. 4. С. 33—44.
- ¹² *Ростовцев М. Н.* Указ. соч.; Виноградов В. Б. Указ. соч. С. 39.
- ¹³ *Десятичиков Ю. М.* Арифарн, царь сираков // История и культура античного мира. М., 1977. С. 45—48; *Шилов В. П.* Аорсы: Историко-археологический очерк // История и культура сарматов. Саратов, 1983. С. 35—36.
- ¹⁴ *Смирнов К. Ф.* Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э.—II в. н.э. // СА, 1974, № 3. С. 33—34; *Шилов В. П.* Указ. соч. С. 34—48; *Мачинский Д. А.* Некоторые проблемы этнографии восточно-европейских степей // Археологический сборник. Л.: АСГЭ, 1974. Вып. 16. С. 129; *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 129—131; *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 68—70, 138—148.
- ¹⁵ *Мачинский Д. А.* Указ. соч. С. 128—129.
- ¹⁶ *Шилов В. П.* Указ. соч., с. 44; *Он же.* Запорожский курган (к вопросу о погребениях аорской знати) // СА, 1983, № 1. С. 178—192.
- ¹⁷ *Смирнов К. Ф.* Сарматы Нижнего Поволжья. С. 41—43.
- ¹⁸ *Мачинский Д. А.* Указ. соч. С. 131—132.
- ¹⁹ *Граков Б. Н.* Рец. на кн.: *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963 // СА, 1964, № 4.
- ²⁰ *Rau P.* Die Hügelgräber römischer Zeit an der Unteren Wolga. Pokrowsk, 1927.
- ²¹ *Граков Б. Н.* Пережитки матриархата у сарматов. С. 105—106, 120—121; *Смирнов К. Ф.* Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Южного Приуралья // Доклады и сообщения исторического факультета. М., 1947. Вып. 5. С. 82; *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК, М.; Л., 1950. Вып. 34. С. 111—114.
- ²² *Нечаева Л. Г.* Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1956; *Она же.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе // Исследования по археологии СССР. Л., 1961. С. 151—156.
- ²³ *Виноградов В. Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа.
- ²⁴ *Ряев Б. А.* Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I—III веков н. э. на Нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1979. С. 13—15.
- ²⁵ *Ждановский А. М.* Новые данные об этнической принадлежности «Золотого кладбища»; *Он же.* Некоторые аспекты социально-политической истории племен Прикубанья в I—III вв. н. э.
- ²⁶ *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья—Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА, 1972, № 1. С. 73—81.
- ²⁷ *Там же.* С. 80.
- ²⁸ *Литвинский Б. А.* Курганы и курумы Западной Ферганы. М., 1972. С. 57—58.
- ²⁹ *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения... С. 80.
- ³⁰ *Ставиский Б. Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 103—105.

³¹ *Алексеева Е. П.* Этнические связи сарматов и ранних алан с местным населением Северо-Западного Кавказа (III в. до н.э.— IV в. н.э.). Черкесск, 1976. С. 145—146.

³² *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия во II—IV вв. С. 39.

³³ *Шелов Д. Б.* К этнической истории Нижнего Подонья // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону, 1974. Вып. 3. С. 52.

³⁴ *Смирнов К. Ф.* Сарматские племена Северного Прикаспия. С. 109—114.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОГО УРАЛА

Значение Южного Урала в истории кочевых племен Евразии едва ли нуждается в особой расшифровке и дополнительном обосновании. Степная полоса региона на протяжении многих веков служила своеобразным коридором, связывающим два континента: Азию и Европу, и сквозь него неоднократно проходили самые различные кочевые племена, непосредственно влиявшие на ход евразийской истории. Кроме того, данный регион вполне определенно рассматривается и как территория, где происходили завершающие этапы этногенеза ряда крупных тюрко- и угроязычных народов: башкир, татар, отчасти — казахов и мадьяр. Перечисленные обстоятельства, естественно, привлекают внимание исследователей именно к средневековым археологическим памятникам Южного Урала и Приуралья, и в первую очередь к тем, которые так или иначе могут быть связаны с кочевниками.

Однако с самого начала их изучения исследователи столкнулись с комплексом объективных трудностей, значительно осложнивших процесс реконструкции основных этапов средневековой истории региона. Среди них ведущую роль, конечно же, играет отсутствие последовательных сведений о кочевых племенах региона в нарративных источниках, что, в свою очередь, требует от исследователя в процессе этноисторической реконструкции привлечения самого широкого круга данных: археологических, этнографических, фольклорных, лингвистических. Но в степном Приуралье именно процесс поиска и накопления археологического материала осложнен активным хозяйственным использованием этой части региона, составляющей основной пахотный фонд современных областей Южного Урала (к середине 60-х годов пашни, комплектуемые в основном за счет степных районов, составили 44% всего земельного фонда Южного Урала)¹.

Следует учитывать также и неравномерность распределения известных на Южном Урале средневековых кочевнических памятников во времени (в степях региона до сих пор единичны памятники эпохи Великого переселения народов), что, вероятно, было обусловлено отмеченной исследователями спецификой образа жизни кочевников на различных стадиях их социально-экономического развития².

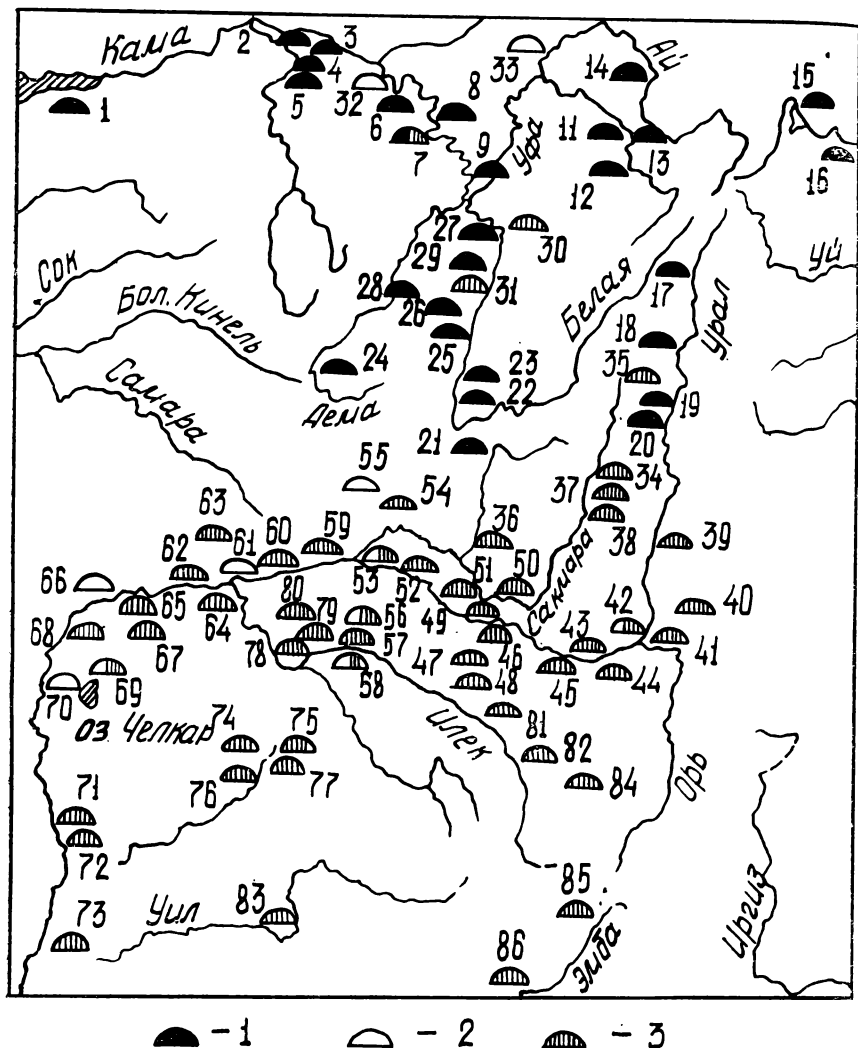

Рис. 1. Карта кочевнических могильников эпохи средневековья на Южном Урале и в Приуралье.

1 — Большетиганский; 2 — Игимский; 3 — Чишминский; 4 — Иманлейский; 5 — Такталачук; 6 — Новоайкинский; 7 — Синтыштамак; 8 — Бирский; 9 — Новотурбаслинский; 10 — Манянский; 11 — Лагереvский; 12 — Идельбаевский; 13 — Старохапильовский; 14 — Каранаевский; 15 — Байрамгулово II; 16 — Синеглазовский; 17 — Усмановский; 18 — Муракаевский; 19 — I Бекешевский; 20 — II Бекешевский; 21 — Ямашитау; 22 — Береговский; 23 — Красногорский; 24 — Тулбаевский; 25 — у ст. Ишимбай; 26 — Стерлитамакский; 27 — Шарееvский; 28 — Ибраевский; 29 — Ст. Мусино; 30 — на Охлебининском гор.; 31 — Шах-Тау; 32 — Жигиттамак; 33 — Мрясимовский; 34 — IV Ивановский; 35 — II Ишкульовский; 36 — Андрееvский; 37 — Юлдыбаевский; 38 — у пос. Комсомол; 39 — Покровский; 40 — Новоорский; 41 — Орский; 42 — Новокумакский; 43 — Хабарный I; 44 — Худай-Берген; 45 — у пос. Урал; 46 — Жанатапан; 47 — Урта-Бурта; 48 — Карагач; 49 — Алабайтал; 50 — Тяпгуловский; 51 — VII Новочеркасский; 52 — Каменноозерный; 53 — Нежинский; 54 — Имангулово II; 55 — Колычевский; 56 — Увак; 57 — Мертвецовский; 58 — Тамар-Уткуль; 59 — Рычковский; 60 — Россыпинский; 61 — у хут. Яман; 62 — Белый Ключ; 63 — Студеный [Кр. Яр]; 64 — Жарсуат; 65 — Алебастрово I, II; 66 — Рубежский; 67 — Федоровский; 68 — Мамбетбай; 69 — Челкар III; 70 — на г. Сасай; 71 — Базартюбе; 72 — Караултюбе; 73 — Мамбеталы; 74 — Лебе-

Наряду с перечисленными объективными факторами, существенную сложность в развитие средневековой археологии региона приносят факторы субъективного порядка. К последним относятся постоянно меняющаяся тематическая и территориальная направленность научных интересов работающих на Южном Урале исследователей-кочевниковедов. В результате на сегодняшний день имеет место очевидная неравномерность территориальной изученности региона (имея в виду интересующую нас проблематику), что наглядно иллюстрируется картой на рис. 1, на которой указаны все известные в данное время курганы VII—XIV вв. и которая охватывает территории Башкирской АССР, Оренбургской и большую часть Уральской, Актюбинской и Челябинской областей.

Наконец, следует отметить, что импульсивность, свойственная, на наш взгляд, любому исследователю, стоящему у начала нового поиска, при решении ряда проблем средневековой истории Южного Урала приобрела характер устойчивого методического приема. Тому пример — история изучения памятников турбаслинской культуры — одного из ярких этнокультурных образований эпохи раннего средневековья в лесостепной полосе Приуралья.

Историография этой культуры в значительной степени освещена в соответствующих работах³, поэтому мы ограничимся только перечнем тех аспектов «турбаслинской проблемы», которые нам представляются достаточно существенными при реконструкции этнической истории региона в начале эпохи средневековья.

Комплектование источниковедческой базы данной культуры в том ее виде, как она существует сейчас, завершилось в 1969 г. раскопками М. Х. Садыковой на Уфимском (Дежневском) курганном могильнике. Новых памятников за истекшие 15 лет не появилось, да и поиски их не велись. В настоящее время все сведения по турбаслинской культуре мы черпаем из материалов шести могильников (Кушнаренковский, Шареевский, Ново-Турбаслинский, Уфимский (Дежневский), серия погребений Бирского могильника и погребения на территории г. Уфы — в общей сложности 140 погребений, из которых максимально информативны не более половины) и пяти поселений, на которых проводились разномасштабные раскопки (Кушнаренковское, Романовское, Ново-Турбаслинское II, Улукулевское, городище Уфа II).

В 60-е—70-е годы эти материалы получили самую различную этнокультурную интерпретацию: потомки сармато-алан (Н. А. Мажитов, Г. И. Матвеева, С. М. Васюткин)⁴; тюрки (Н. А. Мажитов, В. Ф. Генинг)⁵; тюркизированные угры (В. Ф. Генинг)⁶; потомки саков-усуней (буртасы) (Н. А. Мажитов)⁷. Все предложенные интерпретации строились, практически, на одних и тех же источниках и при помощи аналогичных методических приемов, что, естественно, сокращает возможность их критического сопоставле-

дсвка II; 75 — Лебедевка IV; 76 — Лебедевка VI; 77 — Лебедевка VIII; 78 — Линеvский; 79 — Пчельник; 80 — Изобильный; 81 — Каратурай; 82 — Каргалы; 83 — Батпакты; 84 — Шпаки; 85 — Родники; 86 — Новая База I, II.
I — памятники VII—IX вв.; 2 — памятники огузо-печенежского периода /IX—XI вв./; 3 — памятники кыпчакского периода /XII—XIV вв./.

ния. Авторы этих строк не располагают какими-либо дополнительными данными по генезису или этнической принадлежности турбаслинской культуры, а потому не берут на себя смелость давать качественную оценку перечисленным выше точкам зрения по этому вопросу. Единственно, на что хотелось бы обратить внимание — это то обстоятельство, что турбаслинская культура, истоки которой единодушно связываются с кочевым миром, в Приуралье известна как культура оседлого скотоводческо-земледельческого населения, испытывавшего на себе заметное воздействие местных финно-угорских (бахмутинских) племен⁸.

В настоящее время бесспорно установленными фактами из истории рассматриваемой культуры можно считать появление на рубеже IV—V вв.⁹ в Приуралье пришлых племен, исходную территорию которых, возможно, следует искать не только в степи, но и образование ими в результате взаимодействия с местными оседлыми племенами (?) узко локализованной оседлой культуры, просуществовавшей не более чем до конца VI в. н.э. и исчезнувшей без заметных следов под натиском иной, более яркой культуры, известной в науке под именем культуры кушнаренковско-караякуповских племен.

Результаты многолетнего изучения памятников кушнаренковско-караякуповского типа, появившихся в Приуралье в конце VI — начале VII вв., представляются более продуктивными. Правда, сразу же следует отметить, что и о времени существования данных памятников, и об их этнической принадлежности между исследователями не прекращаются споры. Но в данном случае мы имеем возможность сравнивать не только конечные результаты исследований, но и методику, с помощью которой эти результаты были получены.

На этническую принадлежность рассматриваемых памятников с самого начала их изучения сложились и продолжают существовать два противоположных взгляда. Сторонники одного (их большинство) дополняют и развивают выдвинутую еще в середине 60-х годов В. Ф. Генингом идею об угорском (по В. Ф. Генингу — угро-самодийском) происхождении памятников кушнаренковско-караякуповского типа¹⁰, тогда как их основной оппонент Н. А. Мажитов (один из основных исследователей памятников рассматриваемого типа в Приуралье) настойчиво связывает эти памятники с тюрками — башкирами¹¹.

Для доказательства угорской принадлежности памятников указанного типа исследователи широко используют весь набор признаков, составляющих классическую этнодиагностирующую триаду: типологическое сходство кушнаренковской и караякуповской керамики с керамикой памятников I тыс. н.э. в Приобье и Прииртыше, характерные черты погребального обряда, имеющие параллели в памятниках Сибири и Дунайской Венгрии (в первую очередь — маски-наглазники и захоронения частей конской туши) и специфические типы украшений.

По мнению Н. А. Мажитова, основным признаком тюркской (древнебашкирской) принадлежности указанных памятников являются поясные наборы тюркских типов, широко представленные в кушнаренковско-караякуповских погребениях, и датировка этих погребений IX—X вв., то есть временем, когда, по свидетельству письменных источников (Венгерский Аноним), угры (древние мадьяры) в основной своей массе уже ушли из Приуралья.

Однако данная датировка, в основу которой исследователь ставит отдельные аналогии отдельным, произвольно взятым из комплексов вещам и идею об обязательном запаздывании найденных в погребениях монет, как минимум на 50 лет, не представляется методически безупречной и была исчерпывающе раскритикована другими исследователями ¹².

Для определения хронологии той или иной группы археологических памятников из всех ныне существующих методов наиболее оптимальным представляется метод статистики взаимовстречаемости типов вещей, успешно применяемый исследователями средневековых памятников на других территориях ¹³. В результате парной и тройной корреляции взаимовстречающихся типов вещей, произведенной научными сотрудниками Отдела физики и математики БФАН СССР Н. К. Бакировым и В. П. Евдокимовой на ЭВМ ОС/ЕС-1033 с коэффициентом точности 0,95—0,99, в кушнаренковско-караякуповских погребальных комплексах выделено несколько групп вещей, обнаруживающих устойчивую взаимовстречаемость, то есть бытовавших одновременно. Первая группа — «геральдические» поясные наборы, широко известные в памятниках Евразии второй половины VI—VII вв., и плоскодонные сосуды кушнаренковского типа (рис. 2). Вторая группа — вещи, собственно и характеризующие материальную культуру кушнаренковско-караякуповских памятников, в том числе — круглодонные сосуды кушнаренковского типа и круглодонные сосуды, украшенные отисками зубчатого штампа (рис. 2). Идентичные наборы украшений встречены в датированных монетами слоях Пенджикента, в погребениях деменковской и урынской стадий в Прикамье и в погребениях с монетами VIII—первой половины IX в. могильников Мыдлань-Шай, Большетиганского, Хусаиновского, Стерлитамакского, II Бекешевского ¹⁴.

Таким образом, комплекс вещей первой из перечисленных выше групп позволяет нам уверенно говорить о том, что появление в регионе памятников кушнаренковско-караякуповского типа произошло в конце VI—VII вв. (а не в конце VII—VIII вв., как это предполагалось нами в одной из предшествующих работ) ¹⁵, тогда как верхняя граница их существования по вещам второй группы и сопутствующим им монетам едва ли выходит за середину IX в. н. э.

Применение метода статистики вероятностей при анализе погребального обряда курганов кушнаренковско-караякуповского типа для выявления устойчивых сочетаний признаков показало, что данным памятникам характерна тройная иерархия признаков, где на первое место выступают признаки с высокой частотой

ших, череп и кости ног коня в могиле, наличие костей других животных, из сопровождающих вещей — детали сбруи, ножи и наконечники стрел. На третье — признаки с очень малой (но не нулевой) встречаемостью, абсолютно не связанные с другими признаками: курганные насыпи из земли и камня, каменные выкладки над могилой, могилы с заплечиками или подбоем, деревянное перекрытие, наличие гроба или древесной подстилки, северо-восточная или южная ориентировка покойных, угли в заполнении могилы, помещение черепа и ног коня над человеком или рядом с ним, из вещей — шумящие подвески или листовидные медальоны.

Сравнение выявленной иерархии признаков кушнаренковско-караякуповского погребального обряда с иерархией, установленной аналогичным образом для древнетюркских могильников Алтая, Сибири и Восточного Казахстана (а более близких к Уралу тюркских памятников этого периода мы не знаем), показало настолько существенные различия между ними, что говорить о наличии каких-то этногенетических связей просто не имеет смысла¹⁶.

Чрезвычайно слабо обеспечен пока археологическим материалом период IX—XI вв., то есть именно то время, для которого в степной полосе Приуралья письменные источники вполне определенно фиксируют расселение тюркоязычных племен огузо-печенежского кочевого объединения¹⁷. На сегодняшний день в регионе выявлено 24 погребения, оставленные огузами и печенегами: у оз. Челкар и п. Рубежка — в Уральской области; Нежинское, Увакское, Тамар-Уткуль, Яман, Колычевское — в Оренбургской области; Старо-Мусино, Жититамак — на территории Башкирской АССР.

Опираясь на предложенную Н. А. Мажитовым интерпретацию курганов VII—IX вв. на Южном Урале как башкирских, исследователи проводят границу между огузами, кимаками и башкирами по южным и восточным предгорьям Уральского хребта¹⁸. Согласно данной реконструкции, территории, лежащие к западу от Уральских гор и к северу от среднего, широтного, течения р. Урал в IX—X вв. должны были быть заняты древнебашкирскими племенами. Однако пока для этого периода на территории современного Башкирского Приуралья, кроме Жититамакского и Старо-Мусинского могильников, известны только отдельные памятники с керамикой чияликского (по Е. П. Казакову) типа, генетически связанной с уральско-западносибирскими уграми¹⁹.

Ограниченность имеющегося в настоящее время материала позволяет пока только в самом предварительном плане проводить внутреннюю типологическую дифференциацию погребальных комплексов гузо-печенежского периода для последующей корреляции полученных результатов с данными письменных источников (Ибн-Фадлан) о расселении в Приуралье гузов и печенегов. Уже сейчас можно, в частности, говорить о существовании в регионе двух типов погребального обряда, близких тем, которые С. А. Плетнева выделила на материале памятников южнорусских степей²⁰. До-

«статочно надежно и уверенно можно говорить сейчас о северной границе гузо-печенежских кочевий в Приуралье, хорошо очерченной серией соответствующих памятников в Куйбышевском Заволжье (у пионерлагеря «Золотая Нива», Волчанское, Александровское, Покровское, III Кировское погребения) ²¹. Проходила она, судя по имеющимся данным, через нижнее течение р. Самары и верховья р. Демы, то есть там, где проводили ее исследователи, опиравшиеся в основном на косвенные свидетельства нарративных источников ²². Часть известных в регионе гузо-печенежских памятников находится в непосредственной близости от района встречи Ибн-Фадлана с одним из представителей древних башкир, или, говоря словами названного автора, непосредственно у границ «страны башкир» (см. рис. 1). Это этногеографическое понятие до сих пор археологически никак не выделяется из общей массы кочевнических памятников региона IX—X вв. Объяснение данному обстоятельству мы видим только в правоте выводов исследователей, связывающих приход древних башкир в Приуралье с движением гузо-печенежской этнокультурной волны ²³.

Относительно синхронных рассмотренным памятников Южного Зауралья (Мрясимовский, некоторые курганы у оз. Синеглазово) в настоящее время можно сказать, что вся совокупность признаков, характеризующих их погребальный обряд и материальную культуру, дает все больше оснований считать указанные памятники кимакскими ^{24*}.

Наиболее изученным и обеспеченным археологическим материалом в истории средневековых кочевников рассматриваемого региона представляется сейчас кыпчакский период (XII—XIV вв.). Экспедициями Б. Н. Гракова, К. Ф. Смирнова, М. Г. Мошковой, Г. А. Кушаева, Н. А. Мажитова, А. Х. Пшеничнюка, М. Х. Садыковой, Б. Ф. Железчикова и авторов этих строк в различные годы в степях Приуралья выявлено и изучено более 50 могильников и курганных групп, состоящих в общей сложности из 200 погребений (см. рис. 1).

Первую этнокультурную интерпретацию и хронологизацию курганов данного периода в регионе, правда, на довольно ограниченном материале известных тогда 25 погребений, дал в середине 60-х годов Г. А. Федоров-Давыдов, связавший их с кыпчаками и отчасти — с сибирскими племенами, пришедшими в Приуралье в составе монголо-татарского нашествия ²⁵.

Десять курганов XII—XIV вв., исследованные Н. А. Мажитовым в 1975 г. в бассейне среднего течения р. Урал, послужили для названного автора основанием к выделению в Приуралье особой группы памятников «башкир-беркутовского типа», этнически связанной с «...кочевниками, пришедшими сюда вместе с монголо-татарами» ²⁶. Свое негативное отношение к этому искусственному образованию мы уже имели возможность высказать в печати ²⁷.

* Эта мысль прозвучала в докладе С. Г. Боталова на выездном заседании Ученого совета ИА АН СССР в г. Куйбышеве 27 марта 1985 г.

Авторы этих строк подготовили к изданию, монографию, где попытались собрать и обобщить весь известный в настоящее время археологический материал по кыпчакам Южного Урала и Приуралья в XII—XIV вв.²⁸, поэтому здесь мы позволим себе ограничиться только кратким изложением основных выводов указанной работы. Прежде всего, используя метод статистики вероятностей, памятники кыпчакского периода удалось разделить на три хронологических группы: домонгольскую (XII—нач. XIII вв.), золотоордынскую языческую (XIII—первая половина XIV вв.) и золотоордынскую мусульманскую (вторая половина XIV—нач. XV вв.). Количественное соотношение памятников по выделенным периодам показывает, что наибольшее их распространение в регионе приходится на золотоордынский языческий и золотоордынский мусульманский периоды (соответственно 70 и 20% всех известных погребений). Эти данные достаточно убедительно указывают на время массового расселения кыпчаков в Приуралье, происходившего очевидно, не без влияния административной политики ордынских феодалов.

Далее, типологический анализ погребального обряда памятников кыпчакского периода позволил разделить их также и на две локальные группы: западную и восточную, из которых первая характеризуется земляными курганами, разнообразием форм могильных ям и обычаем захоронения в могиле шкуры коня (череп и кости ног); вторая — курганами, сооруженными с применением камня, наличием различных деревянных конструкций в могиле и захоронением целой туши коня, уложенной на специальной ступеньке²⁹. Границу между указанными группами памятников пока условно можно провести через современный Оренбург, верховья рек Уил и Эмбы.

Распространение памятников кыпчакского типа на Южном Урале и в Приуралье позволяет рассматривать этот регион как составную часть Дешт-и-Кипчак и очертить северную границу этой земли, долгое время считавшуюся проблематичной. В Зауралье она проходит по широте современного Челябинска (Федоровское погребение), в Приуралье — по бассейнам рек Сакмары и Самары. На территории Бугульминско-Белебеевской возвышенности курганы кыпчаков не известны, хотя единичные захоронения указанных кочевников зафиксированы в устье р. Камы (Балымерские курганы и погребение у с. Рождествено)³⁰.

Формально-типологическое сопоставление кыпчакских погребений с территориями, лежащих к востоку от Волги, с синхронными памятниками Половецкой земли, ставшее в настоящее время актуальным и вполне возможным, даст ответ на вопрос о степени этнокультурного сходства или различия этих областей и о необходимости в дальнейшем их действительного отождествления или размежевания.

И последнее — хронология и типологическая характеристика погребального обряда кыпчакских курганов Урала и Приуралья делает сейчас более предметным вопрос о времени внедрения и ут-

верждения ислама в духовной жизни кочевников региона. И в частности, явного уточнения требует дата XIII—XIV вв. как время принятия данной религии кочевниками Южного Урала³¹, поскольку в приуральских степях в настоящее время известны погребения, совершенные с соблюдением всех норм языческого обряда, но содержащие монеты золотоордынских ханов Узбека и Джанибека (Тлягуловские, Андреевский курганы).

В заключение следует отметить, что имеющиеся на сегодняшний день итоги 25-летнего археологического изучения средневековых кочевников Южного Урала показывают, прежде всего, методическую слабость узколокального (в пределах какой-то одной административной территории) подхода к материалу, когда важные для рассматриваемого региона этноисторические построения осуществляются без учета аналогичных материалов и явлений в других регионах. Все новые выводы и построения, особенно если они претендуют на известную революционность или критическую переоценку высказанных положений, должны доказываться всем комплексом имеющихся фактов, а не отдельными, наиболее «подходящими» фрагментами*. В противном случае исследователь рискует оказаться в ситуации, самую резкую оценку которой дал еще В. И. Ленин в своей работе «Статистика и социология»: «В области явлений общественных нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание отдельных фактиков, игра в примеры. Подобрать примеры вообще — не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаев. Факты, если взять их в их целом, в их связи, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»³². И чтобы избежать подобной ситуации, нам представляется необходимым в средневековой (кочевнической — прежде всего) археологии Южного Урала от глобальных обобщений вновь вернуться к стадии накопления массового материала по наименее обеспеченным ее разделам, имея в виду широкую территорию поиска и использование новых (точнее — относительно новых) методов анализа материала. Именно эта задача вытекает, на наш взгляд, из фактов, приведенных в настоящей статье.

* В этом плане достаточно показательна опубликованная недавно в ж. «Афизел» (1985, № 4) статья: Колшарипов. М. Башкорт халкының формалашуы мәсьаләһе, где вопросы этногенеза башкирского народа рассматриваются без учета всего имеющегося археологического материала и без должного критического отношения к отрывочным и достаточно противоречивым сообщениям нарративных источников.

¹ Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Российская Федерация. Урал. М., 1968. С. 139.

² Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М., 1982, гл. 1.

³ Васюткин С. В. Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен // УЗ БГУ. Серия историч. наук, № 12. Уфа, 1970. Вып. 54. С. 166—178.

⁴ Мажитов Н. А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. — БАС, Уфа, 1959. С. 142; Васюткин С. М. Раскопки курганов в г. Уфе... С. 174; Матвеева Г. И. Население лесной и лесостепной Башкирии в III—VIII вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. 15.

⁵ Мажитов Н. А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // АЭБ, 1964. Т. 2. С. 105, 110; Генинг В. Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // АЭБ, 1964. Т. 2. С. 125.

⁶ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. н.э. // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 278.

⁷ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 178—179; Он же. Южный Урал в VI—VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 25.

⁸ Матвеева Г. И. Население лесной и лесостепной Башкирии... С. 16; Пшеничник А. Х. Уфимский курганный могильник // АЭБ, 1968. Т. 3. С. 112.

⁹ Васюткин С. М. Раскопки курганов в г. Уфе...

¹⁰ Генинг В. Ф. К вопросу об этническом составе..., С. 126; Он же. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение // АЭБ, 1971. Т. 4. С. 53; Он же. Южное Приуралье в III—VII вв... С. 274; Матвеева Г. И. Памятники кара-якуповского типа в Приуралье // Научные труды КГПИ. Куйбышев, 1975. Т. 160. С. 22; Халикова Е. А., Magna Hungaria // ВИ, 1975, № 7. С. 40; Она же. Ранневеггерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА, 1976, № 3; Плетнева С. А. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья... С. 80; Кузеев Р. Г., Иванов В. А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V—XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984. С. 7; Халиков А. Х. Культура древних венгров в Приуралье и Подунавье в VIII—X вв. н. э. // Interaktionen der mitteleuropäischen Slaven und anderen ethnika im 6—10 Jahrhundert. Nitra, 1984. P. 45—47.

¹¹ Мажитов Н. А. Новые материалы о ранней истории башкир // АЭБ, 1964. Т. 2. С. 153; Он же. Происхождение башкир // АЭБ, 1971. Т. 4. С. 13—14; Он же. Южный Урал в VII—XIV вв... С. 181; Он же. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981. С. 130.

¹² Генинг В. Ф. Рец. на кн.: Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. и Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. // СА, 1982, № 1. С. 288—291; Ахмеров Р. Б. Стерлитамакский могильник и его изучение // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984. С. 32—33.

¹³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 93—116; Голдина Р. Д. Могильники VII—IX вв. на Верхней Каме // ВАУ, 1969. Вып. 9. С. 95—101; Вихляев В. И. Древняя мордва Посурья и Примошанья. Саранск, 1977. С. 25—28; Краснов Ю. А. Безводнинский могильник. М., 1980.

¹⁴ Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 87—94; Голдина Р. Д. Могильники VII—IX вв... С. 91—93; Генинг В. Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдланьшай // ВАУ, 1962. Вып. 3; Ахмеров Р. Б. Стерлитамакский могильник и его изучение... С. 33; Халикова Е. А. Больше-Тиганский могильник // СА, 1976, № 2; Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв... С. 27.

¹⁵ Кузеев Р. Г., Иванов В. А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе... С. 7.

¹⁶ Иванов В. А. К хронологии и этнической интерпретации раннесредневековых могильников Южного Урала // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 61—64; Он же. О западных пределах расселения древних тюрков (в связи с проблемой тюркизации Южного Урала) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий: Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. Омск, 1984. С. 145—149.

- ¹⁴ Гумилев Л. Н. Соседи хазар // Страны и народы Востока. М., 1965. Вып. 4. С. 133; Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 78—79; Кумеков Б. Е. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С. 60; История Казахской ССР. Алма-Ата, 1977. Т. 1. С. 358—359; Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956. С. 130.
- ¹⁵ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен... С. 80; Кумеков Б. Е. Государство кимаков... С. 61.
- ¹⁶ Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978. С. 32—33.
- ¹⁷ Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья... С. 211—214.
- ¹⁸ Васильева Н. Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. (Труды КГПИ. Т. 230).
- ¹⁹ Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА, 1958, № 62. С. 164.
- ²⁰ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 426, 432.
- ²¹ Кузеев Р. Г., Иванов В. А. Основные этапы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья (Препринт доклада). Уфа, 1983. С. 14—15.
- ²² Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы... С. 150—160.
- ²³ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв... С. 112—118; Он же. Южный Урал в XII—XIV вв // Степи Евразии в эпоху средневековья... С. 223.
- ²⁴ Иванов В. А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 94—96; Кригер В. А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Там же. С. 114.
- ²⁵ Иванов В. А., Кригер В. А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. М. (в печати).
- ²⁶ Кригер В. А. Средневековые погребения Ново-Кумакского могильника (Оренбургская область) // СА, 1983, № 3, табл. 3.
- ²⁷ Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А. и др. Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962; Халикова Е. А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 году // КСИИ, 1965. Вып. 104.
- ²⁸ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. ... С. 119.
- ²⁹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 30. С. 350—351.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХЕОЛОГИИ ЮЖНОГО УРАЛА

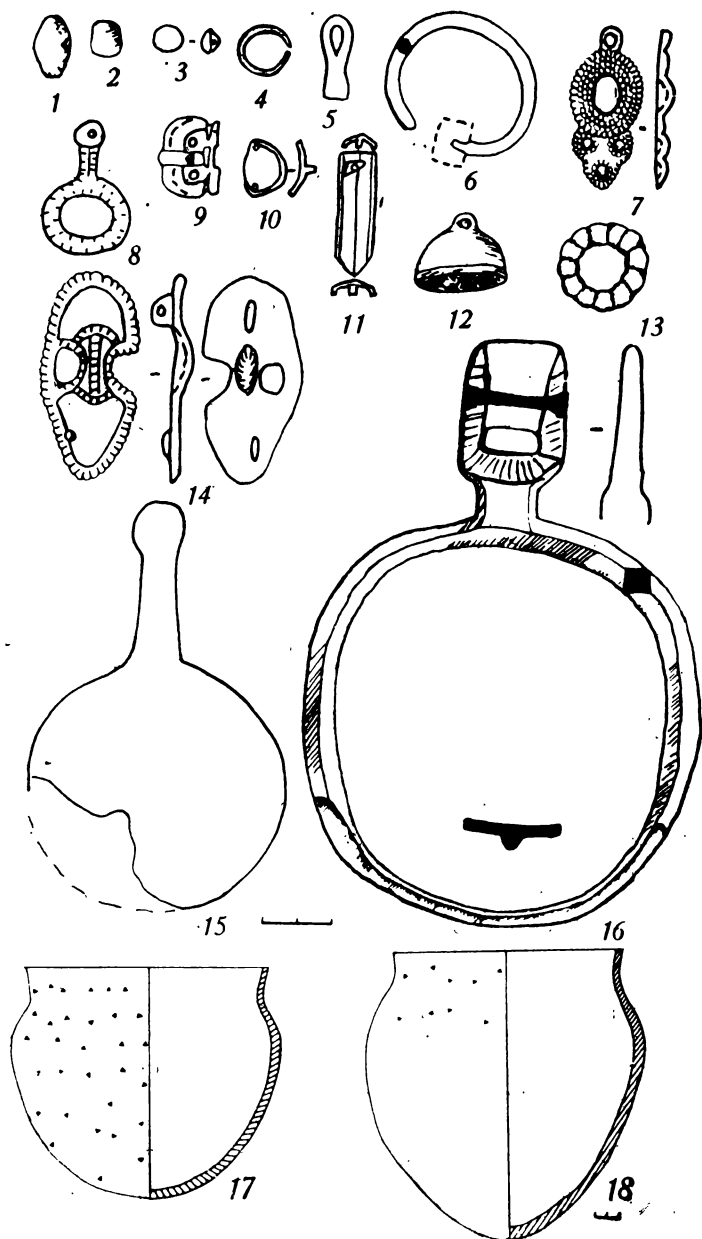
В изучении раннесредневековых древностей Южного Урала полевой сезон 1984 г. неожиданно принес результаты, значение которых трудно переоценить. При продолжении раскопок Бирского могильника в погребении 382 вместе с многочисленными находками найдена бронзовая подвеска, изготовленная из монеты хорезмийского царя Савшафана (по определению Б. И. Вайнберг). Его имя выведено хорезмийской надписью сравнительно хорошей сохранности. В центре монеты изображен всадник в зубчатой короне. По классификации Б. И. Вайнберг она принадлежит к типу ГУ/9 или 10 хорезмийских монет¹. Согласно сведениям китайских хроник, царь Савшафан правил в Хорезме в середине — начале 60-х годов VIII в. Следовательно, погребение 382 датируется не ранее середины VIII в., пожалуй, будет осторожнее определить время его появления второй половиной VIII в.

Насколько мне известно, в практике археологов Урала и Поволжья это первый случай находки хорезмийских монет VIII в. в грунтовых могильниках, поэтому сопровождающие указанное погребение предметы приобретают значение важного, точно датированного хронологического эталона. С учетом этого ниже дается описание основных находок.

1. Серебряная литая фибула, относящаяся к типу двухпластинчатых из комплексов VII в. Бирского могильника², но отличающаяся от них меньшими размерами и грубостью выполнения (рис. 1, 14). Судя по отмеченным особенностям, не подлежит сомнению, что данная фибула является поздним подражанием фибулам VII в.

2. Большая серебряная проволоочная серьга, на одном конце которой имелась граненая бусина, составленная из бронзовых прямоугольных пластинчатых граней, со стеклянной вставкой в середине (рис. 1, 6). Целые экземпляры подобных серег с составными, очевидно, припаянными гранями за последние годы найдены в Бирском могильнике; они же есть в Манякском могильнике, Ново-Турбаслинских курганах³ и других памятниках.

3. Подвеска из серебра с ушком (рис. 1, 7). Основу ее составляет овал с выпуклым центром, нижняя часть имеет форму пирамидки из трех кругов с выпуклым центром в каждом из них. Поверхность украшена насечками, имитирующими зернь. По не-

Р и с. 1. Комплекс вещей из погребения 382 Бирского могильника.

которым признакам подвеска напоминает серьги так называемого харинского типа из комплексов VII в. Бирского могильника. Их сближает нижняя часть из трех выпуклых кругов, но самой близкой ей аналогией является подвеска из Подчеремского клада, датированного в свое время В. А. Шмидтом VII—VIII вв.⁴, что впоследствии было подтверждено исследованиями А. К. Амброза⁵.

4. Литой бронзовый колокольчик с ушком в верхней части (рис. 1, 12).

5. Бронзовая круглая подвеска с ушком, отделенным от основания длинным перехватом. Поверхность украшена короткими насечками (рис. 1, 8).

6. Маленькая бронзовая проволочная серьга (рис. 1, 4).

7. Пять стеклянных бусин белого цвета и одна бусина из коричневатого сердолика. Аналогии бусинам из белого стекла (пасты) в массовом порядке представлены в погребениях Бирского и других могильников бахмутинской культуры⁶.

8. Серебряный удлиненный наконечник ремня с опущенными вниз краями и шпеньком на обороте (рис. 1, 11). На подвеске имеется круглое отверстие.

9. Обломок серебряной накладки ремня со шпеньком. Край его заострен как на накладках геральдических форм (рис. 1, 10).

10. Серебряная накладка ремня в виде псевдопряжки (рис. 1, 9).

11. Круглая подвеска с выпуклинами (рис. 1, 13).

12. Два целых глиняных сосуда типично бахмутинской культуры с ямочным орнаментом по всей наружной поверхности (рис. 1, 17, 18).

13. В заполнении могильной ямы (IV штык) найдено железное стремя, по форме напоминающее стремяна из памятников евразийских степей VII—VIII вв. (рис. 1, 16).

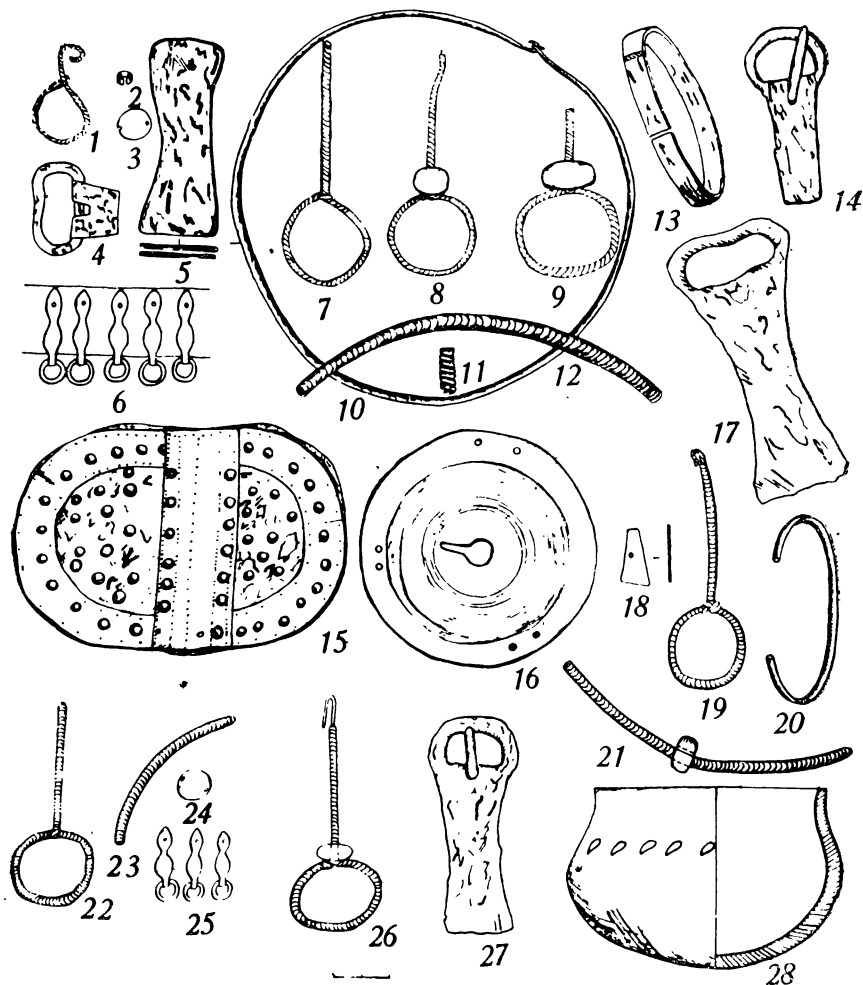
Основная группа описанных находок типична для инвентаря многих памятников западного Приуралья (Маняк, Шареево, ранняя группа Лагереvских курганов), выделенных мною в свое время в хронологическую группу Б (VIII в.)⁷. Новыми здесь являются лишь фибула и позднехаринская подвеска, которые найдены впервые, но типологически являются поздними вариантами вещей, существовавших в предшествующий период. Совместное нахождение всех этих предметов с монетой VIII в. позволяет теперь более уверенно говорить о VIII в. как об основной дате памятников группы Б. Оно же одновременно подтверждает, что время существования группы памятников А в рамках конца VI—VII вв. (основная дата) в свое время было определено правильно. Из новых уточнений хронологии раннесредневековых древностей западного Приуралья вытекает один очень важный общеисторический вывод: вопреки мнению многих исследователей бахмутинская культура оказалась более молодой. Сейчас, когда получено документальное (монета) подтверждение существования бахмутинской культуры в VIII в., мы имеем право ожидать, что в скором времени отыщутся и памятники, отражающие период истории позднебахмутинских

племен, вернее, их потомков в IX—X вв. Этим еще раз хочу подчеркнуть, что сейчас необходимо решительно отмежеваться от привычного для многих стереотипного представления об обществе и культуре бахмутинских племен как историческом явлении III—V или III—VI вв. Критическая переоценка всех накопленных материалов из бахмутинских памятников, в том числе из среднекаменных (мазунинских), под этим углом зрения становится сейчас одной из первоочередных задач раннесредневековой археологии края. Прежде всего это важно в плане конкретизации исторической судьбы бахмутинского населения и выявления особенностей дальнейшей эволюции его культуры.

Отправным моментом в решении этого вопроса может послужить выделение группы погребений, синхронных с хронологическими группами А и Б, подробно рассмотренными в опубликованной литературе. В литературе уже отмечалось⁸, что среди материалов Старо-Кабановского и Югомашевского могильников имеется большое количество погребений (Старо-Кабаново: 4, 20, 92, 98, 135, 141, 152, 102, 115; Югомаш: I (раскоп I); 1, 6, 7, 10, 15, 18, 19, 24, 45, 51, 53, 63, 64 (раскоп II); 1, 5, 9, 16 (раскоп III), в инвентаре которых много типичных для погребений группы А Бирского могильника вещей: серьги харинского типа, пояса с ромбическими накладками со шпеньками, широкие наконечники ремня из согнутой пополам бронзовой пластины, бронзовые пряжки с подвижными язычками, подвески — скульптурные фигурки уток, медведя, нашивки в виде открытого треугольника, колоколовидные подвески с ушками поверху, большие трехлопастные наконечники стрел, железные проушные топоры и другие предметы⁹. Своеобразие им придают бронзовые обкладки ножен с лапчатыми подвесками по нижнему краю, позднейшие варианты бабчатовидных фибул, в том числе с лапчатовидными подвесками по нижнему краю, умбоновидные подвески с лапчатыми привесками и многие другие. Последние представлены достаточно, чтобы рассматривать их как проявление этнографических особенностей в культуре отдельных групп внутри бахмутинского населения, но в данном случае их возраст должен быть определен на основании первой группы находок, которые в Бирском могильнике сопровождались многими предметами южного происхождения, имеющими более точный период бытования.

Ввиду важности постановки вопроса трудно воздержаться от ссылки на материалы старо-кабановского погребения 137 и югомашевского погребения 55. В первом найден железный проушной топор с узким длинным клинком и расширяющимся верхним краем¹⁰. Топоры подобных форм ни в одном памятнике Восточной Европы до VIII в. мне не известны, но зато являются частыми находками для IX—X вв. Я пока не берусь утверждать, что данное погребение следует так датировать, но указанная находка заставляет думать над дальнейшим обоснованием его возраста.

В другом комплексе вместе с типичными вещами хронологической группы А (ромбические накладки, фигурки медведя, нашив-

Р и с. 2. Типы раннебахмутинских украшений IV—VI вв. из могильников бассейна р. Белой (Старо-Кабановского, Ангасякского, Югомашевского).

ки в виде треугольника и др.) найден литой колокольчик с ушком, отделенным от основания длинным перехватом¹¹. Последний признак характерен только для различных подвесок из комплексов хронологической группы Б, поэтому мне представляется, что его уверенно можно считать одним из самых поздних погребений Югомашевского могильника.

Возникает вопрос: что предшествует в бассейне р. Белой памятникам бахмутинской и турбаслинской культур конца VI—VII в.? В поисках ответа мною были скоррелированы погребения всех известных бахмутинских могильников, в том числе Югомашевского, Старо-Кабановского и Ангасякского могильников, раскопанных

С. М. Васюткиным *. Такой анализ позволил выявить в материалах последних трех памятников, кроме тех, которые синхронны или позднее комплексов хронологической группы А, две группы погребений. Объединяющим элементом одной группы (Бирск: 313, 320, 322, 340, 343; Ангасяк: 8, 12; Старо-Кабаново: 69; Югомашево: 40) служат бронзовые проволочные гривны с насаженными бусинами и кусками витой проволоки (рис. 2, 12, 21, 23). В комплексах найдены подвески бахмутинского типа (рис. 2, 7—9, 19, 22, 26), железные пластинчатые и бронзовые проволочные браслеты с гладкими концами (рис. 2, 20), большие железные пряжки с длинными обоями со слегка вогнутыми боками (рис. 2, 14, 17, 27). В двух случаях (Бирск — 313, Старо-Кабаново — 69) найдены железные бабочковидные фибулы с бронзовыми шляпками (рис. 2, 15). Рядом с бирской фибулой находилась нагрудная бляха с отверстием в центре и концентрическими кругами вокруг него (рис. 2, 16). Другая подобная бляха обнаружена в ангасякском погребении 10¹².

Общим для второй группы погребений (Бирск: 40, 333; Старо-Кабаново: 2, 16, 20, 47, 70, 84, 107, 141) служат бантикообразные фибулы (рис. 2, 5). Вместе с ними встречен примерно тот же состав находок, что был в предыдущей группе. Из числа новых можно выделить фигурные ременные накладки с напущенным подвижным кольцом (рис. 2, 6, 25) и длинные ременные наконечники из согнутых пополам бронзовых пластин.

В материалах описанных групп погребений и комплексов хронологической группы А, за исключением нескольких случаев (Старо-Кабаново: 20, 92, 102, 152), почти нет ничего общего, в чем нетрудно видеть наличие между ними существенных различий в возрасте. Об этом же свидетельствует то, что в Бирском могильнике описываемые группы погребений (кроме погребения 40)¹³ компактно располагаются на удалении 200—300 м от раскопа I, где сосредоточены погребения VII—VIII вв. Таким образом, их относительная хронология определяется между позднepyнoборским временем (III в.) и VI—VII вв., т. е. IV—VI вв.

Для определения верхней границы даты заслуживают внимания наблюдения А. К. Амброза, установившего, что период широкого хождения в быту гривен с напущенными бусинами и спиралями приходится на VI в., а пряжек с обоями с вогнутыми боками — даже на VII в.¹⁴ Со сказанным перекликаются следующие факты. Из 14 комплексов с бантикообразными фибулами в перечисленных выше четырех старо-кабановских погребениях (20, 92, 102, 152) найдены вещи более молодого возраста: остатки пояса с ромбическими накладками, серьга харинского типа, фигурки медведя и утки¹⁵. Это значит, что отдельные экземпляры бантикообразных фибул здесь доживают до VI—VII вв.

* Автор приносит благодарность С. М. Васюткину за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными материалами Югомашевского могильника.

В свое время мною была предложена двухступенчатая периодизация бахмутинской культуры, где в раннюю были включены памятники Средней Камы типа Мазунинского могильника. Тогда же мною, вслед за А. П. Смирновым, было доказано, что ранняя бахмутинская культура в основном сложилась на базе культуры местных племен кара-абызской и пьяноборской культур¹⁶. Последующее многократное увеличение фактического материала по теме полностью подтвердило аргументированность этого положения, и оно теперь всеми археологами рассматривается как бесспорно установленный факт. В новейших исследованиях эти раннебахмутинские памятники выделяются в особую мазунинскую культуру¹⁷. В таком понимании этим термином можно пользоваться, но я по-прежнему считаю логически оправданным пользоваться понятием «бахмутинская культура». А ведь обе эти культуры, несмотря на особенности формирования, принадлежат одному населению — оседлым племенам западного Приуралья. По-видимому, в будущем у исследователей не будет другого выхода, кроме объединения мазунинской и бахмутинской культур в единую бахмутинскую, выделив в ней два этапа: ранний (мазунинский) и поздний (бахмутинский). Разделение культуры на этапы А. П. Смирнов рассматривал как важное условие для правильного понимания исторического развития ее носителей¹⁸.

В 60-х годах, когда был открыт ряд крупных грунтовых могильников рубежа нашей эры кара-абызского типа¹⁹, стало очевидным, что кара-абызские племена явились одним из решающих компонентов в сложении мазунинской культуры. Такая постановка вопроса допускала мысль о том, что сама кара-абызская культура, возможно, перерастает в мазунинскую (бахмутинскую). У нас теперь есть конкретный археологический материал, подтверждающий справедливость такого предположения. Например, в Шиповском могильнике выявлена группа поздних погребений (69, 89, 94 и др.), для инвентаря которых характерны бронзовые овально-рамчатые или В-образные пряжки с длинными прямоугольными обоймами или обоймами с вогнутыми боками, о которых речь шла выше²⁰. Автор раскопок склонен датировать указанные погребения III в. н. э., но в свете новых археологических уточнений пряжки дают основание поднять их верхнюю дату вплоть до IV—V вв.

Погребения мазунинского типа сейчас открыты А. Х. Пшеничнюком и на Охлебининском могильнике. Особо выделяется погребение 485, где находились три бронзовые гривны с насаженными спиралями (типа рис. 2, 12), овально-рамчатая бронзовая пряжка с обоймой и вогнутыми боками (типа рис. 2, 17), 10 ременных накладок со шпеньками и глубокими фасетками на обоих концах и несколько височных подвесок и арбалетообразная фибула²¹.

Ставя вопрос об омоложении указанных охлебининских и шиповских погребений хотя бы до IV—V вв., одновременно полагая, что происшедшие уточнения в хронологии памятников бахмутинской культуры вызывают необходимость критического анализа

всей системы аргументации датировки пьяноборской и кара-абызской культур.

Ретроспективный взгляд на этот вопрос позволяет ожидать, что III—IV вв. в историческом развитии оседлого населения западного Приуралья представляли еще пьяноборский этап без серьезных изменений в материальной и духовной культуре.

Чем же тогда отмечено начало эпохи раннего средневековья в истории края? Сейчас есть основание утверждать, что одним из поворотных моментов этого периода было массовое переселение в район среднего течения р. Белой с центром в устье р. Уфы большой группы племен южного степного происхождения, которые оставили после себя большие курганные могильники (из более 100 насыпей) и многочисленные поселения, объединяемые теперь в особую турбаслинскую культуру. Масштабы и длительность существования памятников указывают на то, что турбаслинские племена в VI—VIII вв. вели уже относительно оседлый образ жизни. В этом процессе постепенного оседания пришлого населения, очевидно, не последнюю роль сыграли физико-географические условия западного Приуралья, где большой снежный покров исключает тебеневку и требует стойлового режима для скота зимой с заготовкой необходимых запасов кормов. Об этом же свидетельствуют факты занятия земледелием (ямы с зерном, злаки полбы в погребениях)²².

Археологический материал свидетельствует, что турбаслинские племена оказали активное влияние на культуру местного оседлого населения. Как видно из материалов Бирского могильника, именно с приходом турбаслинских племен начинают появляться захоронения в глубоких могилах с подбоями в северной узкой стенке, с круглодонными неорнаментированными сосудами, остатками мясной пищи и др.

Яркая и самобытная культура турбаслинских племен представляет органическое единство нескольких культурных компонентов. В ней, в частности, четко прослеживаются группы плоскодонной и круглодонной керамики, которые, возможно, генетически связаны с различными этносами, но достаточно сближенными к VI—VIII вв., чтобы рассматривать их уже как разновидности керамики одного и того же населения. Попытки отдельных исследователей расчленить турбаслинские памятники на романовские (плоскодонная керамика) и турбаслинские (круглодонная керамика) методически представляются неверными. Турбаслинские племена жили в тот период, когда степи Южного Урала входили в состав Западно-тюркского каганата, и на социальный состав их общества этот фактор должен был оказать важное влияние. С учетом данных обстоятельств мною было высказано мнение о том, что турбаслинские племена находились на таком этапе исторического развития, когда шел активный процесс классообразования раннефеодального типа, как у остальных народов Западно-тюркского каганата. Такое общество уже предполагает этнокультурную смешанность населения, и различные иновации могли возникнуть в результате торговых

и других связей. Сейчас трудно сказать, насколько этот процесс классообразования затронул племена бахмутинской культуры. В связи с этим важно подчеркнуть, что именно к VI—VIII вв. восходит появление десятков (преобладающего большинства) городищ и селищ бахмутинской культуры. Городища строились не только на традиционных речных мысах, но и на удаленных от воды горных вершинах. Многие городища (Петр-Тау, Сарвихинское, Месягутовское) отличаются масштабностью оборонительных сооружений (валов и рвов), строительство которых требовало привлечения очень большого количества людей. Общее число бахмутинских городищ, селищ и могильников сейчас превышает 300, что примерно в два раза превышает число известных кара-абызских и пьяноборских памятников рубежа нашей эры. Такое увеличение числа бахмутинских памятников, прежде всего городищ, вероятно, связано не только с ростом численности населения, но и отражает сложные исторические явления, в ходе которых непременно происходят этнические перемещения и практически были освоены все пустующие земли в лесостепной и лесной части западного Приуралья*. Я по-прежнему продолжаю считать, что позднебахмутинская культура сложилась в результате вливания в среду раннебахмутинского населения какой-то части пришлых племен. Именно в результате такого смешения, возможно, в западном Приуралье возникла и получила широкое распространение керамика бахмутинской культуры (т.н. чандарский тип). Такие важные признаки, как сплошное покрытие поверхности сосудов мелкими ямками и примеси дресвы и шамота, не позволяют, вопреки традиционному мнению, рассматривать ее как поздний вариант пьяноборской керамики.

В результате указанных событий и среди бахмутинских племен к VI—VIII вв. должны были сложиться качественно новые формы общественных отношений, которые я не рискнул бы объединять в понятие патриархально-родовые. В то же время было бы ошибкой уровень общественных отношений турбаслинских и бахмутинских племен считать одинаковым. Преобладающая роль местных оседлых племен в формировании позднебахмутинской культуры, оседлый образ жизни и относительная географическая изолированность от южных культурных центров должны были способствовать большому, нежели у турбаслинцев, сохранению родовых пережитков.

Вторым после V в. важным событием в этнической истории западного Приуралья явился приход большой группы племен — носителей керамики кушнаренковского и караякуповского типов. Это событие археологически засвидетельствовано таким твердо установленным фактом, как например, наличие в инвентаре Манякского могильника большого количества сосудов указанных групп. Данный памятник, как известно, явился одним из опорных памятников для выделения комплексов VIII в. (хронологическая группа Б). Отсюда следует, что караякуповская керамика появилась

* Однако одновременность существования всех этих памятников пока еще никем не доказана. — *Прим. ред.*

до VIII в., т. е. где-то около VII в., одновременно с кушнаренковской. При такой постановке вопроса появление в Ново-Турбаслинских курганах, Кушнаренковском и Бирском могильниках отдельных погребений с кушнаренковскими сосудами следует рассматривать как начало ассимиляционного процесса новых пришельцев с бахмутинскими и турбаслинскими племенами.

Говоря о племенах VII—VIII вв. Южного Урала, нельзя не упомянуть еще об одной интересной находке из Бирского могильника. Имеется в виду литая бронзовая фигурка всадника из погребения 262 (раскопки 1983 г.). На предмете достаточно четко переданы украшения седла (чепрак), султан на лбу коня, колчан, кафтан и костюм всадника, но в данном случае для нас важным является то, что на нем изображен усатый мужчина с косами. Знакомство с литературой позволяет утверждать, что в средние века в искусстве народов Евразии так изображали только тюрков, поэтому не подлежит сомнению, что данная вещь попала на Урал в результате активных контактов с тюркским кочевым миром. В этой связи небезынтересна находка подобной же фигурки всадника из города Канка, вблизи Ташкента, найденная в слое VII—VIII вв.²³ Нельзя также исключать того, что данная фигурка всадника из Бирского могильника может явиться местным подражанием привозным образцам. Но пока несомненно одно: распространение на Южном Урале в VII—VIII вв. типично тюркских предметов культа служит конкретным археологическим подтверждением того, что в это время на Южном Урале могли жить представители тюркоязычного населения. В моем представлении таковыми могли быть как турбаслинские племена, так и носители кушнаренковско-караякуповской керамики, которые своим происхождением и образом жизни связаны с южным степным миром. Сказанное не противоречит ранее высказанному мнению о том, что в составе племен турбаслинской культуры могли быть носители тюркского языка. Примерно сходного мнения по данному вопросу придерживаются А. Х. Халиков и В. Ф. Генинг²⁴.

Надо признать, что мнение о возможной тюркоязычности турбаслинских (или части их) и носителей кушнаренковско-караякуповской керамики VII—VIII вв. в литературе встретило скептическое отношение. Оппоненты при этом исходят из того, что, например, турбаслинская культура по многим признакам резко отличается от культуры тюрков Центральной Азии эпохи раннего средневековья: последняя, по их мнению, должна служить неким эталоном для выделения археологических комплексов тюркской принадлежности. Аналогичным же образом отвергается идея тюркоязычности населения, оставившего богатые курганные могильники IX—X вв.^{25*}

* Следует уточнить, что в работе, на которую ссылается автор статьи, отражается тюркская принадлежность курганов не IX—X вв., а курганов кушнаренковско-караякуповского типа, датировка которых (VIII—первая половина IX в.) не совпадает с датировкой, предложенной Н. А. Мажитовым. — *Прим. ред.*

В методическом отношении односторонность подобных рассуждений очевидна. Ведь к этому времени тюркоязычные племена прошли длительный путь своего исторического развития и в культурном отношении к началу средневековья были сильно дифференцированы. Попытка найти в памятниках древних тюрков Центральной Азии, Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы нечто ярко выраженное общее представляется по крайней мере несерьезной. При изучении этнической принадлежности такой яркой археологической культуры, как турбаслинская, исследователи мало учитывают общую историческую ситуацию, сложившуюся на юге Восточной Европы: здесь уже жили такие крупные тюркоязычные племенные союзы, как болгарский, хазарский, и предгорья Южного Урала для западной группы тюрков к этому времени представляли уже далекий «тыл».

Приведенную здесь мысль недавно очень удачно сформулировал К. М. Мусаев. Он считает, что на огромной территории Азии и Восточной Европы контакты древних тюрков с представителями других языковых систем происходили на протяжении многих тысячелетий, т. е. задолго до начала средневековья, и существующие в науке представления о сравнительно позднем характере взаимовлияния, должно быть, нуждаются в пересмотре ²⁶.

Для археологов Южного Урала вопрос о ранних этапах тюркизации населения края не носит абстрактного характера. Вполне логичным кажется представление о том, что со времени появления в крае первых носителей тюркского языка начинается здесь ранний этап формирования башкирского этноса. При этом одним из отправных моментов может послужить единодушие тюркологов о сравнительно раннем отрыве башкирского языка от основной массы тюркских языков и длительном его самостоятельном развитии в условиях географической изолированности в горах и предгорьях Южного Урала. Это способствовало сохранению многих архаичных элементов в языке, не наблюдаемых у большинства современных тюркских языков ²⁷.

Носители кушнаренковской и караякуповской керамики сыграли важную роль в формировании культуры племен Южного Урала IX—X вв., представленной материалами курганов Хусаиновского и Ямаши-Тауского типа. Это видно хотя бы из того, что в курганах нет других типов керамики. Исключение составляет лишь Стерлитамакский могильник, где представлены единичные сосуды с высоким прямым горлом, которые типологически можно рассматривать как поздние варианты турбаслинской посуды.

На современном уровне источникового материала было бы более перспективным считать, что культуру населения Южного Урала IX—X вв. создавали наряду с носителями кушнаренковской и караякуповской керамики и другие племенные группы. О роли потомков турбаслинских племен на примере единичных сосудов из Стерлитамакского могильника уже упоминалось.

По-видимому, эту же мысль подтверждает близость физического облика турбаслинских племен и людей, погребенных в Стерли-

тамакском могильнике. Исследователи характеризуют их как представителей единого, т. е. родственного, антропологического типа, отличающегося четко выраженной европеидностью, узколицестью и высоким ростом²⁸.

В качестве третьего компонента можно выделить такие качественно новые элементы культуры, как наборные пояса, по своей конструкции повторяющие пояса на тюркских каменных изваяниях Сибири, Казахстана и других восточных районов, седельные и узденные наборы ремней, также сплошь украшенные серебряными накладками, широкое распространение в могилах обугленных гробов, что свидетельствует о распространении культа огня в погребальном обряде. Южные элементы данным перечнем не исчерпываются и подробное рассмотрение их не входит в задачу настоящей статьи. Но еще об одной находке следует вспомнить. Это — обломок каменного изваяния (головы), отколовшийся, очевидно, от статуи-заготовки в процессе работы, затем брошенный в заполнение могильной ямы Ямаши-Тауского кургана²⁹. Научная ценность находки в том, что она убедительно доказывает знакомство племен Южного Урала IX—X вв. с обычаям возведения знатым лицам монументальных памятников в виде каменных статуй. С учетом этих данных богато представленный третий компонент в культуре курганов этого времени условно можно назвать восточным (сибирским).

Материалы упомянутого бирского погребения 382 проливают новый свет на дату курганов Южного Урала IX—X вв. В совокупности с другими комплексами хронологической группы Б они не оставляют никакого сомнения в том, что культура населения Южного Урала VIII в. не сравнима с материалами памятников IX—X вв. Здесь можно лишь говорить о самостоятельных хронологических этапах в развитии культуры, четко разграниченных и по материалу и по времени.

Остается лишь добавить, что новое подтверждение даты курганов Южного Урала IX—X вв. освобождает меня от ответа на замечания оппонентов по вопросу о принадлежности их мадьярским племенам периода пребывания их в легендарной стране «Magna Hungaria», почему-то бездоказательно локализуемой в западном Приуралье*. Курганы возводились в тот период, когда мадьяры были уже далеко на западе, в степях Причерноморья, а по некоторым памятникам — даже в Паннонии и, таким образом, к ним не имеют прямого отношения. Остается лишь одно предположение: принадлежность их ранним башкирам, о чем неоднократно говорилось в опубликованных мною работах.

* Данное утверждение автора представляется излишне категоричным, поскольку существует серия работ, посвященных именно обоснованию локализации «Magna Hungaria» в Приуралье: Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1984. С. 405; Халикова Е. А. Magna Hungaria // ВДИ, 1975, № 7; Она же. Osmaguar tēmető a Kama menten, Magna Hungaria kērdēséhez // Archeologiai Ertesito, 103. Budapest, 1976; Она же. Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА, 1976, № 3. — Прим. ред.

Говоря о пребывании древнебашкирских племен на Южном Урале в IX—X вв., я всегда имел в виду, что они составили лишь компонент в процессе формирующейся башкирской народности. Другой важный компонент составили местные оседлые племена бахмутинской культуры, скорее всего финно-угорской принадлежности.

- ¹ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 61, 62.
- ² Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977, табл. 1, 4.
- ³ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981, рис. 7, 3; Он же. Курганный могильник в дер. Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959, табл. IV, 8.
- ⁴ Городцов В. А. Подчеремский клад // СА, 1937, № 2. С. 117, рис. 6, 7; Шмидт А. В. О кладе из Подчерема // Сообщения ГАИМК, 1937.
- ⁵ Амброз А. К. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1974.
- ⁶ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. М., 1968. С. 33, табл. 4, 49—48; 20, 7, 8.
- ⁷ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 11—12; Он же. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. С. 5—29.
- ⁸ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 16.
- ⁹ Васюткин С. М. Отчет за 1967 г. // Архив ИА АН СССР, Р-1, № 3513; Он же. Отчет за 1968 г. // Там же, Р-1, № 3573; Он же. Отчет за 1970 г. // Там же, Р-1, № 4164; Он же. Отчет за 1971 г. // Там же, Р-1, № 4164; Он же. Отчет за 1971 г. // Там же, Р-1, № 4164; Он же. Отчет за 1971 г. // Там же, Р-1, № 4457; Он же. Отчет за 1972 г. // Архив каб. археологии БГУ.
- ¹⁰ Васюткин С. М. Отчет за 1971 г. // Архив каб. археологии БГУ, рис. 38, 2.
- ¹¹ Васюткин С. М. Отчет за 1972 г. // Архив каб. археологии БГУ, рис. 128, 6.
- ¹² Васюткин С. М. Ангасякский могильник — ранний памятник бахмутинской культуры // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980, табл. 7, 9.
- ¹³ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура, табл. 8, 9.
- ¹⁴ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА, 1971, № 3. С. 106—113, рис. 9, 43, 44, 55, 57.
- ¹⁵ Васюткин С. М. Отчет за 1967 г.; Он же. Отчет за 1970 г., рис. 63, 4, 5; 79, 82, 2; Он же. Отчет за 1971 г.
- ¹⁶ Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. С. 10—64.
- ¹⁷ Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угуров. М., 1972. С. 235—242; Останина Т. И. Мазунинская культура в Среднем Прикамье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.
- ¹⁸ Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА, 1964, № 4, С. 9.
- ¹⁹ Пшеничнюк А. Х. Биктимировский могильник // АЭБ Уфа, 1964. Т. 2; Он же. Охлебининский могильник // АЭБ, Уфа, 1968. Т. 3.
- ²⁰ Пшеничнюк А. Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н.э.—III в. н.э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976, рис. 22, 12—15, 22.
- ²¹ Раскопки А. Х. Пшеничнюка 1980 г.
- ²² Подробнее см.: Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 134—159.
- ²³ Ташкенту 2000 лет. Ташкент, 1983, рис. 31.
- ²⁴ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 174—183; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 45—51; Генинг В. Ф. Южное Приуралье в III—VII вв. ... С. 194.
- ²⁵ Кузеев Р. Г., Иванов В. А. Основные этапы этнической истории населения

Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья V—XIV вв. (Препринт доклада). Уфа, 1983. С. 8—10.

²⁶ Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984. С. 153.

²⁷ Баскаков Н. А. Тюркские языки. М., 1960. С. 241.

²⁸ Акимова М. С. Антропологические исследования в Башкирии // Антропология и генеогеография. М., 1974. С. 94.

²⁹ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VII—XII вв., рис. 13, 20.

ОБРАЩЕНИЕ КУФИЧЕСКИХ МОНЕТ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

О племенах, населявших Южный Урал в IX—X вв. и оставивших своеобразные памятники кушнаренковского и караякуповского типов, средневековые письменные источники не содержат практически никаких данных, а потому многие вопросы их этнической и социально-экономической истории можно ставить и решать только на основании археологического материала. Естественно, это обстоятельство затрудняет решение таких первостепенных проблем, как этническая принадлежность и уровень социально-экономического развития указанных племен. В связи с последним особый интерес приобретает факт распространения в степях Южного Урала куфических монет, всестороннее изучение которого может, на наш взгляд, пролить определенный свет на некоторые важные аспекты социально-экономической жизни населения Южного Урала в рассматриваемый период.

Проникновение куфических монет в Восточную Европу падает в основном на период с начала IX по конец X в. Изучение топографии кладов куфических монет позволило В. В. Кропоткину сделать вывод о том, что в международную и межплеменную торговлю были втянуты не только восточнославянские племена, но и их соседи — аланы, болгары, хазары, венгры, финно-угры Прикамья и Верхнего Поволжья, народы Прибалтики и Скандинавии¹. В. В. Кропоткин значительно расширяет ареал обращения куфических монет, но из вывода исследователя не совсем ясно — включает ли он в зону обращения куфических монет Южный Урал, в пределах бассейна р. Белой и верхнего течения р. Урал.

Н. А. Мажитов на основе монет, найденных в течение последних двух десятилетий, делает предварительные выводы о том, что племена Южного Урала в конце I тыс. н.э. попадают в сферу обращения куфических монет, проникающих сюда в результате тесных экономических связей с южными государствами и Волжской Булгарией².

В связи с отсутствием письменных сведений о денежном обращении Южного Урала основным источником для изучения проблемы является нумизматический материал. В настоящее время на территории Башкирской АССР и Оренбургской области зарегистрировано 11 находок куфических и хорезмийских³ монет. В основном они опубликованы⁴, и нет смысла их описывать, поэтому ограни-

чимся лишь их перечислением с указанием количества монет, года и места находки: Дюсяново, 1874—69 монет; Левашовка, 1950—1951—6; Старо-Халилово, 1963—1; Каранаево, 1964—2 подражания куфическим монетам; Ромашкино, 1965—2 монеты; Хусаинов, 1966—4; Мрясиново, 1966—1; Жититамак, 1970—6; Бекешев, 1972—1; Баширово, 1976—1; Бирск, 1984—2 монеты.

Последние две находки в научный оборот включаются впервые и на них, по-видимому, следует остановиться несколько подробнее. Одна из них случайно найдена в окрестностях села Баширово Сорочинского района Оренбургской области и хранится в Оренбургском краеведческом музее. По определению И. Г. Добровольского, это бухарская монета VIII—IX вв. Две другие монеты обнаружены при раскопках Н. А. Мажитова⁵ в погребениях Бирского могильника (г. Бирск Башкирской АССР). Одна не читается. Другая, по определению Б. И. Вайнберг, чеканена в Хорезме в первой половине VIII в. и, по классификации исследователя, соответствует типу GV 9 или 10⁶. Как и большинство других монет из погребений, обе монеты использовались в качестве украшений.

Таким образом, нумизматический материал представлен одним кладом (Дюсяново, 1874) и 10 находками отдельных монет, из которых большинство использовались в качестве украшений. Естественно, возникает вопрос, будет ли этот материал достаточным основанием для решения вопроса об обращении куфических монет на Южном Урале? Чтобы ответить на него, необходимо выяснить возможность существования в IX—X вв. на Южном Урале денежного обращения. Следует сразу же сказать, что в рассматриваемое время на Южном Урале жили племена, которые вели полукочевой или полуоседлый, а в прошлом, возможно, более подвижный образ жизни⁷.

Как известно, денежное обращение зарождается и развивается в эпоху разложения первобытно-общинного строя в результате межобщинного обмена, который после первого крупного общественного разделения труда — после выделения пастушеских племен из массы оседлых — носит регулярный характер⁸. Неизбежность и возможность регулярного обмена кроется в том, что кочевнический способ ведения хозяйства не может существовать изолированно от земледельческого, так как кочевники не могли обходиться без продуктов земледельческого труда и изделий ремесленников⁹. К тому же, одной из важнейших причин, вызвавшей появление кочевничества, было, по мнению С. И. Руденко и Г. Е. Маркова, развите обмена¹⁰.

Экономической основой товарообмена у кочевников был скот, который, по словам Ф. Энгельса, «сделался товаром, посредством которого оценивались все другие товары и который повсюду охотно принимался и в обмен на них, — одним словом, скот приобрел функцию денег и служил деньгами» уже на ступени, следовавшей за первым крупным общественным разделением труда¹¹. К. Маркс пишет по этому поводу: «...кочевые народы первые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной,

следовательно, непосредственно отчуждаемой, форме и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов»¹².

Положения, сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом, предполагают возможность существования товарно-денежного обращения у кочевников. Свидетельством же товарно-денежного обращения, по мнению Г. А. Федорова-Давыдова, является наличие в археологическом материале кочевников привозных вещей, а в погребениях — монет¹³. В то же время не нужно преувеличивать роль денег в скотоводческом хозяйстве. Как показывают этнографические исследования, торговля внутри степи осуществлялась преимущественно путем обмена или посредством товарного эквивалента, роль которого играл скот, и главным образом, овцы¹⁴.

Существование примитивных форм денег у кочевников дает основание предполагать, что в торговых операциях с цивилизованными соседями употреблялись и металлические деньги. Доказательством этого будут находки самих монет, но в историческом исследовании необходимо учитывать уровень социально-экономического развития конкретного общества и пространственно-временную специфику изучаемого явления.

Южный Урал в силу своего физико-географического положения являлся периферией как степного, так и лесного мира. Однако, в силу тех же причин, Южный Урал был связующим звеном в торговле между цивилизациями Переднего Востока, Средней Азии и племенами Прикамья. В то же время южноуральские племена в конце I тыс. н.э. сами участвовали в товарообмене с южными цивилизациями. Об этом свидетельствуют неоднократные находки импортных вещей. Исследователи отмечают, что серебряную посуду и другие изделия могли привозить сюда и хорезмийские, и персидские, и согдийские и иные купцы¹⁵.

Торгово-ремесленные центры на Южном Урале не обнаружены. Однако находки шелковых тканей, золота и серебра в монетах и изделиях (сосудах), привозных бус, раковин каури и другие¹⁶ наглядно свидетельствуют об участии обитателей региона в меновой торговле. В свою очередь, на внешний рынок они поставляли продукты животноводства, пушнину, мед и некоторые другие товары¹⁷.

В рассматриваемое время в регионе живут племена, оставившие памятники с керамикой кушнаренковского и караякуповского типов¹⁸. Вероятно, в первой половине IX в. часть этих племен покидает Южный Урал¹⁹, другая — остается и продолжает существовать в низовьях рек Белой и Ика вплоть до XIV в., где они оставили памятники со шнуровой керамикой так называемого «чияликского типа»²⁰.

Кушнаренковцы и караякуповцы вели полуоседлое скотоводческо-земледельческое хозяйство²¹, хотя вторые были, по-видимому, более оседлыми. Об этом свидетельствует наличие у них стационарных поселений и городищ (Удельно-Дуванейское II селище, Кара-Якуповское, Чукраклинское, Таптыковское городище и т. д.)²².

Кушнаренковцы, вероятно, сохранили полукучевой тип ведения хозяйства.

Памятники с керамикой чияликского типа — селища, городища, грунтовые могильники ²³ — также являются характерным признаком оседлости. В то же время небольшие размеры поселений и отсутствие культурного слоя на многих из них позволили Е. П. Казакову сделать вывод о том, что памятники эти оставлены населением с сильными кочевническими традициями ²⁴.

Кочевое общество, как отмечают практически все ученые-кочевниковеды, было имущественно и социально дифференцированным. Скорее всего, кочевники Южного Урала IX—X вв. не были исключением.

Наличие частной собственности на скот ²⁵, возможность получать при кочевом способе производства, помимо необходимых, дополнительные продукты потребления позволяют сосредоточивать в отдельных руках значительные материальные богатства. Это, в свою очередь, дает возможность богатым скотовладельцам обменивать излишки продуктов своего хозяйства не только на самые необходимые продукты потребления, которые получают кочевники у оседлых племен (продукты земледелия, ремесла, главным образом — кузнечного), но и на предметы роскоши, широко представленные в археологическом материале.

Таким образом, богатый скотовладелец, владеющий излишками продуктов потребления, становится потенциальным участником товарообмена с миром оседлых земледельцев и ремесленников. И, конечно, трудно предположить, что постоянные участники товарообмена не знали о существовании денег (в любой их форме) и не пользовались ими. Правда, деньги-монеты и товаро-деньги в кочевом мире долгое время сосуществовали, поскольку кочевники во все времена предпочитали натуральный обмен, хотя и принимали монеты как плату за вывозимые товары ²⁶.

Основным показателем монетного обращения в том или ином регионе являются клады. Причем клады на торговых путях и поселениях выступают в качестве указателей этих путей и торговли на поселениях, а монеты в украшениях свидетельствуют о распространенности и доступности монет в данной местности ²⁷.

Большинство найденных на Южном Урале монет — детали украшений, что, на первый взгляд, свидетельствует против участия их в денежном обращении. Но монеты-украшения попали на Южный Урал в результате товарообмена. Следовательно, южноуральское население знало цену монетам даже в том случае, если обменивало их только для украшений. К тому же «временное превращение монеты в украшение не лишало ее потенциально платежного значения» ²⁸.

Таким образом, говорить о том, что монеты-украшения не могут свидетельствовать о денежном обращении, очевидно, не следует. Другое дело, что находки только монет-украшений не могут быть показателями денежного обращения ²⁹. Но на Южном Урале найдены монеты рассматриваемого времени, которые не использо-

вались в качестве украшений. Это золотой омайадский динар из Стерлитамакского могильника, случайная находка в Оренбургской области и Дюсяновский клад, имеющий, несомненно, очень важное значение для определения места куфических монет в денежном обращении на Южном Урале. Поскольку клад, в отличие от отдельно найденной монеты, не может быть назван случайным явлением, находка его без всякого сомнения свидетельствует в пользу обращения куфических монет на Южном Урале.

Несомненный интерес для решения вопроса об обращении куфических монет на Южном Урале представляет находка из Стерлитамакского могильника. Найденный здесь омайадский динар был использован в качестве «обола мертвых». Обычай снабжения деньгами покойного был довольно широко распространен и объясняется исследователями по-разному. Но независимо от вариантов объяснения, обычай «обола мертвых» «свидетельствует об определенной развитости денежных отношений, когда без денег не мыслится ни земная, ни потусторонняя жизнь»³⁰.

Использование монет в украшениях, безусловно, оказало бы влияние на длительность употребления монет, прежде чем они попали в закрытый комплекс. В связи с этим необходимо проследить встречаемость различных типов монет в закрытых комплексах.

Состав отдельных монетных комплексов, найденных на Южном Урале, в основном представлен монетами одной династии. Монеты двух династий (омайядов и аббасидов) встречены лишь в Стерлитамакском могильнике, но шесть обнаруженных здесь монет происходят из трех разрушенных комплексов. В публикации П. Ф. Ищерикова³¹ указано, что два дирхема (не говорится, какие именно) были найдены в женском погребении, раскопанном в 1950 г., а три других дирхема происходят из другого женского же погребения, вскрытого в 1951 г. Золотой динар, по словам П. Ф. Ищерикова, добыт из выкидов земли при работах неархеологических³². Династийная принадлежность монет Стерлитамакского могильника: 3 монеты, включая золотой динар, — омайядов и 3 — аббасидов. Вполне возможно, что два омайядских дирхема происходят из одного погребения, а три аббасидских — из другого. Но даже в том случае, если эта посылка неверна, состав нумизматического материала из Стерлитамакского могильника (в нем представлены монеты омайядского и аббасидского чекана) не противоречит составу монетной массы в начальный период обращения куфических монет³³. По классификации Р. Р. Фасмера, монеты из Стерлитамакского могильника (дата младшей монеты 774/775 гг.) могут быть отнесены к первому периоду распространения куфических монет в Восточной Европе (800—825 гг.)³⁴. Но не исключено, что на Южный Урал и прилежащие к нему области (Среднее Поволжье и Верхнее Прикамье) куфические монеты могли проникать и раньше.

Все другие нумизматические комплексы, в состав которых входят две и более монет, также могут быть отнесены к определенному периоду обращения куфических монет в Восточной Европе согласно классификации Р. Р. Фасмера: ко второму периоду (825—

905 гг.) относятся монеты из Хусаиново (дата младшей монеты 823—828 гг.), к третьему (905—960 гг.) — монеты из Жититамака (дата младшей монеты 951—952 гг.) и подражания из Каранаево — к четвертому периоду (960—1012 гг.).

Примечательно, что ни в одном комплексе не встречены монеты различных периодов обращения. Это, во-первых, говорит о том, что нумизматический материал рассматриваемого времени, хотя и немногочисленный, все же отражает те характерные для Восточной Европы династийные изменения, которые происходили в составе монетной массы, обращавшейся здесь в IX—X вв.; во-вторых, свидетельствует об относительной кратковременности использования этих монет. Можно предположить, что монеты для изготовления украшений изымались из обращавшейся монетной массы непосредственно на месте. Если бы для изготовления украшений использовались случайные монеты, то в составе комплексов были бы монеты различных династий и, следовательно, разных периодов обращения куфических монет. Таким образом, состав комплексов подтверждает предположение о существовании на Южном Урале обращения куфических монет*.

Находки куфических монет дают основание говорить о том, что южноуральские племена были втянуты в товарно-денежные отношения с торгово-ремесленными центрами Средней Азии и Поволжья. Ограниченность нумизматического материала не позволяет объективно определить значение и масштабы участия куфических монет в денежном обращении. Но эти находки монет позволяют предположить, что обращение куфических монет распространялось и на территорию Южного Урала. В обращении участвовали в основном аббасидские и саманидские монеты.

В то же время куфические монеты, вероятно, выполняли функции накопления богатства и сырья для производства украшений и лишь в незначительной мере могли выступать в роли денег при товарных операциях между племенной верхушкой и приезжими купцами. То есть монеты, скорее всего, обслуживали внешнюю торговлю, внутренний рынок находился в это время, по-видимому, еще в зачаточном состоянии. Но несмотря на это, дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, связанное с обращением на Южном Урале куфических монет, оказало, без всякого сомнения, значительное влияние на процесс разложения первобытно-общинных отношений у южноуральского населения в IX—X вв.

* При решении данного вопроса, следует иметь в виду также и этнокультурные традиции финно-угров — использование монет в качестве украшений. — *Прим. ред.*

¹ Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111.

² Мажитов Н. А. К вопросу о характере общественных отношений у средневекового населения Южного Урала (постановка вопроса) // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1976. С. 125—127.

³ Поскольку найдено всего две хорезмийские монеты, мы не акцентируем на них внимание, считая, что они попадают на Южный Урал с потоком куфических.

⁴ Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских, куфических). СПб., 1910. С. 52; Ищериков П. Ф. Аланский могильник близ г. Стерлитамака // КСИИМК, 1952, № 47. С. 78—85; Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака // СА, 1952, № 23. С. 164—166; Пахомов А. П. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1957. Вып. 7. С. 92—94; Попов С. А. Археологические исследования на территории Оренбургской области в 1965—1966 гг. // V Уральское археологическое совещание. Сыктывкар, 1967. С. 128; Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII—первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 77, 83; Он же. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ, 1971. Т. 9. С. 83, 86—87; Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. М., 1977. С. 27, 32; Он же. Курганы Южного Урала VIII—XII вв. М., 1981. С. 49—155.

⁵ Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность Н. А. Мажитову за предоставленную возможность познакомиться с обстоятельствами находки монет, их определением и использовать данные в своей работе.

⁶ Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 61—62, табл. XXV, тип ГV 9—10.

⁷ Мажитов Н. А. Южный Урал в V—VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 28.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-изд. Т. 21. С. 160.

⁹ Хазанов А. М. Социальная история скифов: Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 255; Акишев К. А., Байбаков К. М. Вопросы археологии Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 106; Плетнева С. А. Кочевники средневековья. М., 1982. С. 147.

¹⁰ Руденко С. И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Л., 1961. Вып. 1. С. 10, 11; Марков Г. Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 26.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 160.

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 99.

¹³ Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 212.

¹⁴ Марков Г. Е. Кочевники Азии. С. 111; Он же. История хозяйства и материальной культуры. М., 1979. С. 278—280.

¹⁵ Толстов С. П. Монеты шахов Древнего Хорезма // ВДИ, 1938, № 4, С. 145; Воицинина А. И. О связях Приуралья с Востоком в VI—VII вв. н.э. (Уфимский клад, найденный в 1941 г.) // СА, 1953, XVII. С. 194; Распопова В. И. Археологические данные о согдийской торговле // КСИА, М., 1973, вып. 138, с. 82; Она же. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 108.

¹⁶ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала VIII—XII вв., с. 38 и сл.

¹⁷ Кузеев Р. Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. С. 276; Галляутдинов И. Г. О торгово-культурных связях Средней Азии и Башкирии в X—XIII вв. // Новые материалы и исследования по истории и филологии Башкирии. Уфа, 1976. С. 90—91.

¹⁸ Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 80—82.

¹⁹ Халикова Е. А. Ранненежерские памятники Нижнего Прикамья и Приуралья // СА, 1976, № 3. С. 155—156.

²⁰ Казаков Е. П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978. С. 86—87.

²¹ Мажитов Н. А. Южный Урал в VII—XIV вв. С. 138, 141.

- ²² *Археологическая карта Башкирии*. М., 1976; *Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971—1980 гг.* Уфа, 1982.
- ²³ *Казаков Е. П.* Памятники болгарского времени... С. 42—93.
- ²⁴ *Там же*. С. 49.
- ²⁵ *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. С. 290.
- ²⁶ *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. С. 106.
- ²⁷ *Любомиров П. Г.* Торговые связи Руси с Востоком в VIII—XI вв. // *Ученые записки / Саратовский госуниверситет*. Саратов, 1923. Т. 1. Вып. 3. С. 9.
- ²⁸ *Спасский И. Г.* Русская монетная система. М., 1960, С. 21.
- ²⁹ *Фасмер Р. Р.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // *Изв. АН СССР. Серия общ. наук*, 1933, № 6—7.
- ³⁰ *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Л., 1968, С. 13.
- ³¹ *Ищеригов П. Ф.* Могильник близ г. Стерлитамака // *КСИМК*, 1952. Вып. 47. С. 79—82.
- ³² *Там же*, С. 82.
- ³³ *Фасмер Р. Р.* Об издании новой топографии находок... С. 478.
- ³⁴ *Там же*.
-

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
БАС — Башкирский археологический сборник
БГПИ — Башкирский государственный педагогический институт
БГУ — Башкирский государственный университет
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вопросы древней истории
ИА — Институт археологии
КГПИ — Куйбышевский государственный педагогический институт
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОНКАЭ — Отчеты Нижне-Камской археологической экспедиции
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
УЗПГУ — Ученые записки Пермского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Щелинский В. Е. Некоторые итоги новых исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой) на Южном Урале	5
Моргунова Н. Л. Некоторые итоги изучения неолита и энеолита в южной зоне лесостепей Приуралья	17
Морозов Ю. А. Поселения срубной культуры Приуралья	36
Рутто Н. Г. К вопросу о срубно-алакульских контактах	43
Обыденнов М. Ф. Межовская культура в Южном Приуралье	53
Пшеничнюк А. Х. Исследования по раннему железному веку	67
Агеев Б. Б. Проблемы общественного строя населения пьяноборской культуры	77
Скрипкин А. С. Этнические проблемы сарматской культуры	88
Иванов В. А., Кригер В. А. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала	105
Мажитов Н. А. Некоторые замечания по раннесредневековой археологии Южного Урала	117
Акбулатов И. М. Обращение куфических монет на Южном Урале	131
Список сокращений	139

Св. план 1987, поз. 5

**ВОПРОСЫ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИСТОРИИ ЮЖНОГО УРАЛА**

Редактор *Н. В. Хрулева*
Техн. редактор *Ф. Г. Гайфуллин*
Корректор *И. В. Филатова*

Сдано в набор 1.12.86. Подписано в печать 14.04.87. П01326. Формат 60×90¹/₁₆.
Печ. л. 9,0. Уч.-изд. л. 8,2. Бумага тип. № 2. Заказ № 1392. Тираж 500 экз.
Цена 1 руб. 20 коп.

Уфимский полиграфкомбинат Госкомиздата БАССР.
г. Уфа-1, проспект Октября, 2.

1 руб. 20 коп.